

БЕЗРАССУДНАЯ ДИНАСТИЯ

ИМПЕРИЯ НАЙТС-РИДЖ КНИГА # 9

T.ME/DARKSOULBOOKS

USA TODAY & WALL STREET JOURNAL BESTSELLING AUTHOR

ТРЕЙСИ ЛОРРЕЙН

Моя жизнь была полна полуправды, запутанной во лжи — я был в аду больше раз, чем могу сосчитать.

Но ничто не могло подготовить меня к страху в ее голосе, а затем к виду того здания, охваченного пламенем.

После того, как я с ней обошелся, как причинил ей боль, я заслужил эту боль в десятикратном размере. Я заслужил потерять единственный лучик света в моей темной, извращенной жизни.

Никто из нас не пережил столько страданий только для того, чтобы все закончилось вот так, и я отказываюсь верить, что наше время истекло. Этого не может быть. Потому что она была создана для меня — единственное хорошее, что осталось от моего прошлого.

И при первой же возможности я собираюсь убедиться, что она точно знает, что она для меня значит.

Больше никакой лжи.

Больше никакого притворства.

Только грубая, честная правда.

Я не могу жить без нее и проведу остаток своей жизни, доказывая ей, что она принадлежит мне.

Что жизнь, в которой мы родились, возможно, и оставила нас поврежденными, но она сделала нас сильнее.

И когда она займет свое законное место среди нас, я буду рядом с ней, и вместе мы будем править этой безрассудной династией.

Но сначала мы должны выжить...

Перевод группы

t.me/darksoulbooks

При поддержке канала:

t.me/bookgossip

1

ТОБИ

Боль, которую я никогда не испытывал, разрывала мою грудь, разрывая мое сердце в клочья, когда машина скорой помощи, с Джоди внутри, мчалась по улице с мигающими огнями и ревущей сиреной.

Мои колени болят от того, что я упал на них в ту секунду, когда парамедики захлопнули за нами дверь, отрезав мне вид на мою девочку.

Я хочу предположить, что они не сообщили нам новости, потому что думали, что я просто незнакомец, который спас ее, но я боюсь, что это хуже, чем это. Что у них не было времени.

Болезненный рев вырывается из моей груди, легкие горят от дыма, но его легко отодвинуть в сторону, позволяя моей тоске взять верх.

— Тоби. — Мягкая рука опускается на мое плечо, заставляя меня вздрогнуть. — Нам нужно идти.

Стелла встает передо мной. Ее лицо — каменная маска в попытке взять ситуацию под контроль и быть тем, что мне нужно, но ее глаза выдают, что она на самом деле чувствует. И беспокойство в них мало помогает моему хрупкому сердцу.

— Она захочет, чтобы ты был рядом, когда она проснется. И, — добавляет она, ее взгляд опускается на мое тело, — тебя тоже нужно проверить.

— Я в порядке, — шиплю я, едва способный чувствовать порезы и ушибы от нашего побега из другого горящего здания не так давно.

— Тоби, — предупреждает она.

Раздается громкий крик одного из пожарных, работающих в здании позади меня, и мое сердце подскакивает к горлу.

Сара.

Единственная чертовски хорошая вещь во всей этой ситуации — это то, что Волки, которые это начали, отъебались, оставив нас с душераздирающими последствиями.

Хотя, они не за горами. Я слышу выстрелы вдалеке, и дым от горящего поместья покрывает наши головы, делая это место еще больше похожим на ад на земле, чем обычно.

— Парни идут, — выдавливаю я, смутно припоминая, что они сказали мне, что собираются последовать за мной.

— С ними все будет в порядке, — уверяет она меня, хотя я не упускаю из виду, как сжимается ее грудь при мысли о том, что Себ все еще находится в центре всего этого.

Поднимаясь на ноги, я притягиваю ее тело в свои объятия, быстро понимая, что она дрожит так же сильно, как и я.

— Он мог бы справиться с этим во сне, Стел. Тебе не о чем беспокоиться. — Хотя, я не могу не вздрогнуть от своих собственных слов, потому что они были прямо у меня за спиной. Так где, блядь, они сейчас?

— Отправь им сообщение, расскажи, что происходит, и попроси встретиться с нами в больнице. У тебя есть номер Джесси?

Она качает головой, переводя взгляд на здание, скорбь искажает ее черты, несмотря на то, что она никогда не встречала девушку внутри.

— Они вытащат ее. Другого выбора нет, — заявляю я, вкладывая в свой тон больше уверенности, чем чувствую.

Стелла кивает, в ее глазах блестят слезы.

— Давай. Ты нужен Джоди.

Она хватается за руку, и мы бежим к ее машине, брошенной посреди дороги.

Она перестает быть такой уступчивой, когда я открываю ее водительскую дверь.

— Ты, блядь, не сядешь за руль в таком состоянии, — утверждает она, ее взгляд опускается на мое плечо.

— Мне нужно добраться туда быстро.

— Залезай, блядь, в машину, Тобс.

Она распахивает дверь и вваливается внутрь, не сказав больше ни слова, и я вынужден подчиниться. У меня нет времени стоять здесь и спорить по этому поводу.

— Передай сообщение ребятам. Позвони Джесси. Я справлюсь с этим, брат.

Я бросаю взгляд на нее и пристегиваюсь, глубокий рокот ее двигателя оживает под нами.

— Разве Себ никогда не рассказывал тебе о той ночи, когда я села за руль Ferrari Teo?

Прежде чем у меня появляется шанс ответить или даже вспомнить ночь, о которой идет речь, меня швыряет в пассажирскую дверь, когда она разворачивает машину и мчится вниз по улице.

— Господи, черт возьми, Стелла, — рывкаю я, боль разливается по всему телу.

— Упс. Ты сказал, что хочешь действовать быстро. — Ухмылка, которой она одаривает меня, обещает сплошные неприятности, и в любой другой день она озарила бы меня гордостью, зная, что она моя сестра. Но прямо сейчас я ничего не чувствую. Ничего, кроме отчаяния и безотчетного страха.

Вытаскивая телефон из кармана, я обнаруживаю, что экран разбит на миллион кусочков. Он светится за стеклом, но я едва могу его прочесть.

— Черт, — рывкаю я.

— Используй мой. Он у меня в заднем кармане.

Стелла поднимается с сиденья, позволяя мне достать его.

Я подношу его к ее лицу, чтобы он разблокировался, прежде чем погрузиться в ее сообщения и найти наш групповой чат.

Стелла: Букмекеры и квартира рухнули. Кто-то должен найти Джесси СЕЙЧАС.

Каким-то гребаным чудом точки тут же начинают прыгать, и я вздыхаю с облегчением, что, хотя бы один из них, блядь, жив прямо сейчас.

Тео: Мы этим занимаемся. Где Тоби?

Стелла: Это я. Стелла за рулем.

Нико: Джоди в порядке?

Мое сердце снова подсакивает к горлу, когда воспоминание о том, как она потеряла сознание у меня на руках, возвращается ко мне.

Стелла: Я не знаю. Они все еще пытаются вызволить Сару. Это чертовски плохо.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь изгнать из головы образ того, как вокруг них рушится здание.

Тео: Мы будем там, как только сможем.

Телефон дрожит в моей руке, когда на меня обрушивается миллион вопросов, которые мне нужно им задать. Тео и Нико дышат, но как насчет Алекса и Себа? Они где-нибудь чертовски близки к победе в этой войне?

— Все в порядке? — спрашивает Стелла, задняя часть машины разворачивается, когда она на леденящей крови скорости вписывается в поворот, как гребаный профессионал.

Подавляя беспокойство, я добавляю немного позитива в свой тон.

— Да. Они собираются встретиться с нами в больнице.

— Джесси?

— Они этим занимаются.

Откидывая голову назад, я делаю долгий вдох и крепко зажмуриваю глаза. Каждый гребаный дюйм моего тела болит, но мне все равно. Я с радостью приму худшее, намного, блядь, хуже, если это будет означать, что Джоди выйдет из этого целой и невредимой.

Стелла делает еще один неожиданный оборот, который заставляет меня обратить внимание еще раз. Кровь, покрывающая мои руки и грудь, бросается в глаза, и мое сердце сжимается при виде этого.

Пожалуйста, пусть вся она будет моей.

Все было слишком размыто, когда я вытаскивал ее из того здания. Я понятия не имею,

пострадала ли она — у меня не было времени смотреть. Я просто знал, что мне нужно освободить ее, пока дерьмо не стало еще хуже.

Теплая рука Стеллы опускается на мое бедро, как будто она может прочитать мои мысли.

— С ней все будет в порядке, — мягко говорит она, ее хватка усиливается в знак поддержки.

Я делаю еще один вдох, молясь всем, кто, блядь, будет слушать, что она права. Что у меня не отнимут единственную хорошую вещь в моей жизни — вот так.

Если бы я, блядь, знал, что она туда отправится. Черт возьми, если бы я знал, что Джесси не вытащил свою девушку до того, как началось все это дерьмо...

Мои кулаки сжимаются, когда Стелла нажимает на акселератор, и перед нами появляется здание больницы.

Я иду, детка. Я, блядь, иду.

Я провел слишком много гребаного времени в этом месте за последние пару лет. Я надеялся, что с окончанием лечения мамы я смогу получить некоторую отсрочку. Но когда Стеллу ранили ножом, в Себа и меня стреляли, а теперь еще и это, похоже, что все не так.

Она разворачивается в пространстве, и мы оба вылетаем из машины, черт возьми, почти бежим навстречу дверям в неотложную помощь. Все мои травмы давно забыты.

— Д-Джоди Уокер, — выплевываю я в секретаршу, к счастью, совсем не ту, на которую я рывкнул в тот день, когда маму привезли несколько недель назад.

— Они только что привезли ее. Если вы можете присесть и... — Я не слышу остального, что она хочет сказать, поскольку я отступаю и, наконец, натыкаюсь на стену.

Кладу руки на колени, опускаю голову и делаю глубокий вдох.

Рука Стеллы опускается на мою обнаженную спину, напоминая мне, что я стою здесь без рубашки и весь в крови, порезах и синяках.

— Давай, Тобс. Нам нужно тебя проверить. — Теплая рука Стеллы касается меня, и я вздрагиваю, когда начинаю по спирали погружаться во тьму, которую вызывает перспектива жизни без Джоди.

— Я в порядке, — заявляю я, медленно выпрямляясь в полный рост и удерживая ее взгляд в попытке убедить ее, что это правда.

Она выгибает бровь и кладет руки на бедра.

Ее сила и абсолютная решимость сосредоточиться на насущной проблеме поражают меня, и я цепляюсь за это в надежде, что это поможет мне пережить следующий долгий период, пока мы не выясним, что происходит.

— Тобиас Дукас, — раздается низкий голос из-за двойных дверей, и когда я поднимаю глаза, то вижу, что медбрат в темно-синей медицинской форме смотрит прямо на меня.

— Давай, — умоляет Стелла, ее пальцы переплетаются с моими, когда она тянет меня к медсестре.

— Похоже, ты влип в какую-то неприятность, молодой человек, — насмешливо замечает он, когда я подхожу к нему.

Я удерживаю его взгляд, мои губы сжимаются в тонкую линию, когда я сдерживаю желание спросить его, знает ли он точно, с кем разговаривает.

Семья Чирилло владеет целым отделением этой гребаной больницы, и я должен заставить себя не бросаться наутек, чтобы оказаться там, где мне нужно быть — рядом с Джоди.

Обычно Нико или Алекс вытаскивают карточку «ты знаешь, кто я?», чтобы заставить почти любого в городе подчиниться их желаниям. Я не могу сказать, что когда-либо раньше действительно оказывался в ситуации, когда я считал это необходимым, но прямо сейчас потребность сжигает меня, как адское пламя.

Медбрат нервно сглатывает, когда он храбро выдерживает мой пристальный взгляд.

— Сбавь тон, братан, — слегка шутит Стелла, но на самом деле в ее тоне не так уж много веселья.

— Мне нужно знать, что происходит с Джоди Уокер, — требую я, идя рядом с медбратом, когда он направляет нас к палате.

— Позволь мне привести тебя в порядок, и я посмотрю, что я могу сделать. Запрыгивай сюда. — Он указывает на кровать в центре помещения, прежде чем потянуться за парой перчаток.

Делая паузу, я бросаю взгляд через плечо на Стеллу.

— Пожалуйста, — выдыхает она. — Я обещаю, что больше ни о чем тебя не попрошу. Я сделаю все, что тебе нужно, — торгуется она.

Не в силах отказать ей, несмотря на ужас, тяжестью сидящий в моем животе от осознания того, что Джоди где-то здесь, я забираюсь на кровать. Я почти чувствую ее, потрескивание в воздухе, когда мы рядом. Это дает мне надежду. Надеюсь, что с ней все в порядке, что у нас, по крайней мере, будет шанс вернуть ее мне.

Стелла опускается на стул в углу, прежде чем вытащить телефон.

— Что такое? — спрашиваю я, когда она озабоченно морщит лоб.

Она качает головой, и мое сердце замирает.

Как я должен сказать Джоди, что мы ушли, когда Сара все еще была внутри этой кучи кирпичей, в то время как огонь продолжал пожирать все на своем пути? Как я должен сказать ей, что она потеряла кого-то еще, о ком она заботится, если таков результат всего этого? Честно говоря, из-за состояния помещения, жара пламени и густоты дыма я изо всех сил пытаюсь убедить себя, что с ней может быть все в порядке. Мой желудок сжимается, когда чувство вины охватывает меня при этой мысли.

— Черт, — шиплю я, откидывая голову назад, когда медбрат подкатывает маленькую тележку.

— Хорошо, итак, меня зовут Аарон, и я собираюсь проверить тебя и привести в порядок. Ты не против, если твой посетитель будет присутствовать при этом?

— Да. Она моя сестра, — говорю я, не открывая глаз, мою кожу покалывает от его внимания.

— Что-нибудь причиняет боль, кроме очевидного? — спрашивает он, его пальцы нажимают на очень болезненное место на моем предплечье.

— Я в порядке. Я просто хочу знать, где Джоди.

— Я позволю себе не согласиться. Ты забрызгал кровью всю мою чистую постель, — невозмутимо заявляет он.

— Тоби, просто позволь мужчине делать его работу. Ты не годишься для Джоди с оторванной половиной руки.

— Что— Я снова поднимаю голову и смотрю вниз на свою руку. — Иисус.

— Теперь ты понимаешь, к чему я клоню? — Говорит Стелла, свирепо глядя на меня из угла.

— Хорошо, мам, — шиплю я, снова откидывая голову назад, и Аарон делает что-то с

моей рукой, от чего меня пронзает такая сильная боль, что желудок переворачивается. — Сколько времени это займет?

— Зависит от того, насколько вы хороший пациент. Но, судя по количеству крови, пропитавшей твои брюки, я подозреваю, что это будет не быстрая работа. Прав ли я, предполагая, что вы были в поместье Ловелл этим вечером? — спрашивает Аарон.

Я приоткрываю глаза и оцениваю его. Он поднимает взгляд, чувствуя мое внимание, но не съезживается и не уклоняется.

— Я вырос в долине. Я более чем осведомлен о том, каково там, внизу, и какова текущая ситуация.

— У тебя там все еще есть семья? — спрашиваю я, внезапно видя его с совершенно новой стороны.

— Да, но их сейчас нет дома.

— У тебя была информация? — спрашиваю я.

— У меня есть друг, который в курсе. Я перевез их на прошлой неделе.

— Отлично, — выдыхаю я, когда образ разрушения, которое мы оставили позади, заполняет мой разум. — Это хорошо.

Отрываю от него взгляд, и он падает на Стеллу, которая наблюдает за мной с болью и страхом, запечатленными в ее чертах.

— С ними все будет в порядке, Стел. Они вернутся к нам.

Она кивает, тяжело сглатывает и снова смотрит на свой телефон.

— Иди сюда, — говорю я, протягивая ей руку.

Она смотрит на Аарона, который кивает в знак согласия.

— Я думаю, что какое-то время я буду занят на этой стороне.

— Отлично, — бормочу я.

— Хочешь местную анестезию? — спрашивает он меня.

— Нет, просто зашей меня и укажи мне направление к моей девушке.

2

ТОБИ

Оказывается, рана у меня на бедре довольно серьезная. Главным образом потому, что она пробыла там так долго, что, черт возьми, почти приросла к моим брюкам.

Я шиплю сквозь стиснутые зубы, когда Аарон делает что-то, что причиняет больше боли, чем получить пулю в чертову грудь.

— Перестань быть таким парнем и прими обезболивающее, ты, твердолобый придурок, — огрызается на меня Стелла, заставляя Аарона фыркнуть от смеха.

— Все в порядке. Я просто хочу, чтобы это было сделано.

Рука Стеллы сжимает мою. — Я знаю, что ты делаешь, — тихо предупреждает она.

— И что же? — ворчу я, когда Аарон вонзает в меня скальпель, начиная собирать меня обратно.

— Ты заставляешь себя чувствовать каждую унцию боли в наказание за все это дерьмо с Джоди.

Несмотря на то, что она попадает в самую точку, следующие слова, которые слетают с моих губ, не подтверждают ее подозрений.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Ее брови изгибаются, когда она смотрит на меня, но, если она думает, что это что-то изменит, ей нужно подумать еще раз.

Джоди... где-то здесь, возможно, борется за свою жизнь. И Сара, женщина, которую моя девочка хотела, чтобы я спас, это... что ж...

Мои зубы скрипят, когда боль продолжается, и я сосредотачиваюсь на своем дыхании, на том, чтобы вернуться к Джоди, пока Аарон творит свою магию.

— На самом деле вы все просто кучка садистов, не так ли? — Стелла раздраженно фыркает, продолжая наблюдать за моими страданиями.

— Ты только сейчас поняла это, принцесса?

Ее губы поджимаются, когда сердитое рычание вырывается глубоко из ее горла.

Мы узнаем о прибытии парней прежде, чем видим их.

Откуда-то из-за занавеса доносится громкий шум, и Стелла вскакивает со стула.

— Они здесь, — выдыхает она, ее рука на коленях дрожит.

Занавес откидывается, прежде чем перед нами появляется холодная, жесткая маска лица Тео. Нико и Себ окружают его с флангов, врываясь в мою кабинку.

— Извините меня, но вы не можете просто ворваться сюда и —

— Себ, — выдыхает Стелла, прерывая Аарона и практически бросаясь через комнату в его объятия.

— Привет, принцесса. Скучала по мне? — спрашивает он.

Мое сердце болезненно сжимается, когда я наблюдаю за ними двумя.

Себ покрыт грязью и кровью — я надеюсь, что кровью других людей, — но ничто из этого, кажется, не беспокоит мою сестру, когда она прижимается губами к губам Себа.

— Где Алекс и Деймон? — спрашиваю я, когда они не появляются вместе с ними тремя.

Нико закатывает глаза. — Алекса задела пуля. Деймон забрал его, чтобы привести в порядок и не дать ему плакать, как маленькой сучке. Как у тебя дела? — спрашивает он, его взгляд опускается на защитные раны на моей руке и бедре, когда я сижу здесь в одних боксерах.

— Я буду в порядке, когда кто-нибудь скажет мне, где, черт возьми, Джоди.

— Все еще ничего не слышно? — спрашивает Тео, хотя из моего предыдущего комментария вы могли бы подумать, что ответ очевиден.

Я качаю головой. — Ты дозвонился до Джесси? — спрашиваю я, морщась.

— Да, но не раньше, чем все успокоилось.

Отчаяние сгущается вокруг нас, и я борюсь за то, чтобы вдохнуть воздух, который мне нужен.

— Они ее вытащили?

— Мы пока не знаем. Мы пришли сразу сюда за тобой.

Как бы я это ни ценил, думаю, я бы предпочел, чтобы они сделали все возможное, чтобы добраться до Сары прямо сейчас. Если предположить, что они могли что-то сделать.

— Это конец? Арчер и его парни победили их?

— Да, — вздыхает Тео, опускаясь на стул, который освободила Стелла. Он откидывается назад, проводит руками по бедрам и поворачивает голову, хрустя шей. Враги потеряли слишком много людей, чтобы продолжать сражаться.

Я киваю, не чувствуя такого облегчения, как, вероятно, следовало бы.

— Тебе нужно взглянуть на это, — говорю я Нико, когда он прижимает руку к груди.

— Она не сломана, — заявляет он, в его голосе слышится боль.

— О, так ты теперь врач, да? — Язвлю я, замечая глубокую хмурость, омрачающую его лоб.

— Я вывихнул плечо, — ворчит он.

— Я предложил вставить это обратно, — говорит Тео, как будто это ничего не значит.

— Все в порядке, я пойду посмотрю—

— Кто сказал, что ты можешь устраивать вечеринку? — огрызается Аарон, проскальзывая обратно в мою кабинку с набором медицинских принадлежностей в руках.

— Нам не нужно разрешение, — говорит Нико, выпячивая грудь.

— Отойди, чувак, — бормочет Тео. — Есть шанс, что ты сможешь вправить ему плечо, пока ты здесь?

— Я сказал, что я—

— Конечно. Тоби закончил, так что запрыгивай к нему на кровать. Считайте это предложением «два за одного».

Нико усмехается, закатывая глаза на Аарона.

— И убедись, что это больно, — инструктирует Тео с ухмылкой.

Нико свирепо смотрит на Тео. — Пошел ты, чувак. Это произошло только потому, что я защищал твою задницу.

— Конечно, так и было.

— Дети, — огрызаюсь я, у меня и близко нет сил на их дерьмовые препирательства прямо сейчас.

— Я принес тебе кое-что из одежды. — Аарон протягивает мне медицинскую форму, которую держит в руках. Моя губа оттягивается назад, несмотря на то, что я знаю, что у меня нет другого выбора после того, как он срезал с меня брюки, чтобы добраться до бедра.

— Великолепно.

— О, Джоди это понравится. Ты можешь играть доктора, а она—

— Где она, Аарон? — Спрашиваю я, вспоминая его предыдущую сделку.

— Палата двадцать два. Но у нее есть—

Я не слышу остальную часть его предупреждения, поскольку ухожу в своей новой форме, едва прикрывающей ноги. Глаза всех медсестер на их посту поворачиваются ко мне, когда я прохожу мимо них, мой взгляд прикован к номерам каждой палаты, а сердце бешено колотится в груди от того, что я собираюсь найти.

Она в палате. Это, должно быть, хороший знак.

Если бы случилось худшее, она была бы сейчас в другом месте.

Мои руки дрожат, а ладони потеют, когда я нахожу нужный мне номер, глядя на занавес, который закрылся вокруг нее.

Голоса доносятся изнутри, но ни одно из слов не улавливается. Все, что я знаю, это то, что они ей не принадлежат.

С сердцем, бьющимся в горле, я отодвигаю занавеску и заглядываю внутрь.

Клянусь, весь мир уходит у меня из-под ног при виде нее, лежащей на больничной койке, покрытой совершенно белыми простынями, с трубкой, идущей от тыльной стороны ее ладони, и маской, закрывающей ее бледное лицо.

— Джоди, — выдыхаю я, спотыкаясь, иду вперед и едва успеваю ухватиться за край ее

кровати.

— Извините, сэр, но мы находимся в середине—

— Пожалуйста, — умоляю я. — Я не буду путаться под ногами, клянусь. Мне просто нужно...

Я беру ее руку в свою, мое сердце разбивается вдребезги от того, насколько она холодна.

— Она будет вп — Мое слово прерывается огромным комом в горле.

Мои глаза горят, когда я смотрю на нее, замечая темные пятна, покрывающие ее обычно безупречную кожу, и ее закрытые глаза.

Доктор, стоящий у капельницы, некоторое время смотрит на меня.

— Пожалуйста, док, — выдавливаю я. — Она моя девушка. Я вытащил ее из того здания. Мне нужно знать—

— Из того, что мы можем сказать, с ней все будет в порядке.

Весь воздух вырывается из моих легких, когда рыдание чистого облегчения срывается с моих губ. Кто-то отодвигает стул позади меня. Мое тело, кажется, знает, что делать, в ту секунду, когда что-то касается задней части моих коленей, и я падаю в это, наклоняясь, чтобы прижаться лбом к тыльной стороне руки Джоди.

— Черт возьми, детка. Я здесь. Я прямо здесь.

Склонив голову и осознав, как легко эта ситуация могла сложиться по-другому прямо сейчас, я проигрываю битву со своими эмоциями, и раскаленные слезы падают на грязную кожу Джоди.

— Не могли бы мы, пожалуйста, узнать подробности о ней? Нам нужно позвонить ее ближайшим родственникам.

— Джоди Уокер. Ее мама — Джоанн Уокер, — выдавливаю я, поднимая глаза, чтобы встретиться взглядом с усталым доктором. — Я бы дал тебе ее номер, но мой телефон раз—

— Мы сможем его получить, — уверяет он меня, выдерживая мой пристальный взгляд.

Мой желудок сжимается, когда я вижу нерешительность в его глазах.

— Ты не должен—

— У Джоан не будет с этим проблем, — говорю я, чертовски надеясь, что это правда.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, когда к нам присоединяется кто-то еще. Присутствие Тео заставляет глаза доктора расшириться от шока.

— Мистер Чирилло, — рычит он в знак приветствия. — Чему мы обязаны этим удовольствием?

Я переводил взгляд с них двоих, пока воздух потрескивал вокруг нас.

Другая медсестра медленно отступает, не говоря ни слова.

— Что-то подсказывает мне, что сегодня ты будешь сбит с ног, Ричард. Я предлагаю тебе пойти и заняться своими делами, а нам оставить самим заботиться о своих, — предлагает Тео, тон его голоса не оставляет места для споров.

— Верно, — бормочет Ричард.

— Джоди нуждается в дальнейшем лечении? — спрашивает он, придвигаясь ближе к кровати и останавливаясь в конце, как будто собирается поднять ее записи и прочитать их сам.

— Помимо вдыхания дыма, мы зашили пару более глубоких рваных ран и дали ей некоторое обезболивающее. Мы ждем, чтобы отправить ее на рентген, чтобы убедиться, что ничего не сломано, но я уверен, что это все поверхностные повреждения. Ей очень повезло. Еще несколько минут, и дым мог бы нанести серьезный ущерб.

— Спасибо тебе, Ричард. Мы ценим это. Если ей понадобится госпитализация, мы требуем, чтобы ее отправили в отделение Чирилло.

— Конечно. Я это устрою.

— Спасибо тебе. Возможно, к вам придет еще одна пациентка по имени Сара Эшкрофт. Нам понадобится лучшая команда, которая у вас есть для работы с ней.

— Ее уже привезли?

— Мы не знаем, — говорю я, когда Тео смотрит на меня в поисках подтверждения. — Она была в здании с Джоди. Когда мы уходили, пожарные все еще пытались ее вытащить.

— Посмотрим, что я смогу выяснить.

Тео кивает один раз и отходит в сторону, чтобы выпустить Ричарда.

— Не за что, — говорит Тео с веселой усмешкой с края кровати моей девочки.

— Придурок, — легкомысленно бормочу я.

— С ней все будет в порядке, Тобс. Ты сделал это. Ты спас ее.

Я вздыхаю, не чувствуя себя настолько героем из-за этого заявления, как, я уверен, Тео думает, я должен.

— Она попросила меня вернуться за Сарой, — тихо говорю я.

— Братан, здание было разрушено, и прибыла пожарная команда. Ты не сделал ничего плохого.

— Но—

— Нет, Тоби. Ты сделал все, что мог, — уверяет он меня.

— Тебя там даже не было.

— Мне не нужно было быть. Я не сомневаюсь, что ты бы сразу же вернулся туда ради нее, если бы мог. Ты позволил профессионалам делать свою работу. Ты спас свою девушку и себя.

Я киваю, полностью осознавая все это, но, тем не менее, чувствуя, как меня гложет вина.

— Ты хороший человек, Тоби. И чертовски фантастический солдат. Никто не может подвергнуть сомнению то, что ты сделал сегодня вечером.

Я качаю головой, откидываясь на спинку стула, но продолжаю сжимать руку Джоди, пока она спит.

Тео подходит, сжимая мое плечо в знак поддержки, прежде чем пододвинуть другой стул и сесть рядом со мной.

— Как дела у Арчера и его парней?

— Все еще дышит, насколько я знаю. Но, как я сказал Ричарду, сегодня вечером здесь может быть многолюдно.

— Это чертовски дорого обойдется Арчеру.

— И нам, — соглашается он.

— Кто знал, что самая большая цена войны — это оплата больничного персонала, а не потеря жизней, — бормочу я низким и страдальческим голосом.

Тео мрачно усмехается, но это натянуто.

— Остальные наши парни?

— Отсутствие новостей — это хорошие новости, верно?

Я тяжело вздыхаю. — Мне нужно, чтобы это дерьмо ненадолго прекратилось, чувак. Мне, блядь, нужно перевести дух.

— Нет. Что тебе нужно, так это убить того ублюдка в нашем подвале, чтобы ты мог

сосредоточиться на будущем со своей девушкой.

3

ДЖОДИ

Слова Тео об убийстве человека, которого они посадили за его преступления, — не первое, что я действительно хотела услышать. Но опять же, у меня на самом деле не было никаких планов испытать все, что я сделала сегодня вечером... прошлой ночью... когда-либо.

У меня кружится голова, когда я лежу неподвижно, слушая, как Тоби и Тео продолжают свой разговор. Если бы ситуация была иной, я могла бы сообщить, что я не спала, осознавая, что Тоби объясняет свои пожелания, чтобы я могла сделать выбор в отношении того, что происходит с человеком, с которым у меня, к сожалению, общая ДНК. От этой мысли у меня болит в груди. Боль от потери человека, на которого я всегда равнялась, несмотря на то, что я думала, что он не внес никакого вклада в мое создание, причиняет боль чуть ли не больше, чем все остальное мое тело. Почти.

Каждый дюйм моего тела пульсирует в агонии. Если бы я не знала лучше, я бы подумала, что меня сбил долбаный грузовик. К сожалению, один резкий вдох заставляет мои легкие гореть, как гребаная сука, напоминая мне, что именно произошло, прежде чем у меня начался приступ кашля, от которого на глаза наворачиваются слезы.

— Черт возьми, Джоди. Детка, все в порядке.

Тоби прямо здесь, нежно отводит мои пальцы от кислородной маски, которую я пытаюсь сорвать с лица, успокаивает меня и снова накрывает мне ею рот, позволяя мне воспользоваться преимуществами.

Его большие теплые руки держат мою голову по бокам, его темные, затравленные глаза смотрят в мои.

Он ничего не говорит. Ему это не нужно. Я чувствую каждое слово, которое вертится у него на кончике языка.

— Я собираюсь оставить вас наедине. Посмотрим, что я смогу выяснить. — Я вздрагиваю от глубокого рокота голоса Тео, слишком погруженная во взгляд Тоби, чтобы услышать его движение. — Я рад, что с тобой все в порядке, Джоди, — искренне говорит он, прежде чем нежно сжать мою ногу в знак поддержки и исчезнуть из палаты.

Воздух между нами потрескивает, даже несмотря на мое головокружение. Наша связь подобна живому, дышащему существу, о котором невозможно забыть или игнорировать, даже когда мы врозь.

— Я думал, что, блядь, потерял тебя, детка, — наконец говорит Тоби, опуская голову, пока она не касается моей. Это неловкий ход с маской между нами, но у него все получается. И не похоже, что я собираюсь спорить. Мне нужна эта связь — его сила — так же сильно, как, я думаю, ему это нужно от меня.

— То же самое, — шепчу я. Произнося всего одно — это слово, я чувствую, как ножи вонзаются мне в горло, и я на мгновение зажимаю глаза.

— Что случилось, детка? Что тебе нужно? — Тоби отступает, позволяя мне увидеть кабинку, в которой я нахожусь.

Мои глаза останавливаются на кувшине, стоящем на столике у кровати, и я смотрю на него.

— Пить? Хочешь пить?

Я киваю, не желая пытаться заговорить снова, пока не выпью хотя бы немного успокаивающей прохладной воды.

Он быстро наливает полную чашку, прежде чем опустить мою маску и прижать соломинку к моим пересохшим губам.

Облегчение переполняет меня, поскольку это немного снимает жжение в моем горле.

— Лучше? — спрашивает он, когда я, наконец, отпускаю соломинку.

— Д-да, — мне удается выдавить из себя немного легче. Легкая улыбка подергивается в уголках губ Тоби, прежде чем он ставит чашку обратно.

Вздых срыгается с моих губ при виде состояния его руки.

— Тоби, — выдыхаю я, протягивая руку, чтобы нежно провести кончиками пальцев по повязке.

— Я в порядке, Демон. Всего лишь небольшая царапина. — Он подмигивает, но это никак не уменьшает беспокойство, которое так тяжело давит мне на грудь, что становится трудно дышать.

Мои глаза перемещаются, замечая царапины, кровь, грязь и сажу, покрывающие его обнаженный торс, а затем синюю форму, в которую он одет.

— Ты должен быть в постели.

Его улыбка становится еще шире. — Ты права, я должен. Ты можешь двигаться?

Догадываясь, к чему это приведет, мне почти удается сдвинуться на несколько дюймов. К счастью, этого достаточно, и всего секунду спустя Тоби забирается ко мне на кровать, ложась на бок, чтобы он мог наблюдать за мной, как будто он боится, что я вот-вот исчезну в облаке дыма.

— Т-ты с-спас меня, — выдавливаю я сквозь эмоции, которые забивают мне горло и жгут глаза.

— Всегда, детка. Нет ничего, чего бы я не сделал, чтобы защитить тебя.

Не в силах бороться со слезами, скапливающимися на моих ресницах, две проливаются, сбегая по щекам и впитываясь в тонкий эластичный ремешок маски.

— Все будет хорошо, Джоди, — искренне говорит он.

Мои брови хмурятся, когда я вспоминаю ужасы, которые мы пережили до того, как реальность обрушилась на меня.

— Сара?

Я знаю ответ задолго до того, как Тоби успевает произнести какие-либо слова. Я вижу это по тому, как темнеют его глаза, как его взгляд на краткий миг отводится от моего.

— Я не знаю, детка. Когда я выносил тебя, ворвались пожарные. Я ее не видел... Я не знаю...

— О Боже, — шепчу я, моя рука поднимается, чтобы прикрыть рот, но на пути оказывается чертова пластиковая маска, и мои слезы начинают течь быстрее.

— Джесси, — кричу я, мое сердце снова разбивается вдребезги. Если бы она не выжила, если бы они не нашли ее... Это убьет его. Это будет... — Черт.

— Мы ничего не знаем. Я поручил ребятам найти его. Последнее, что я слышал, он направлялся туда, где были вы. Как только Тео что-нибудь узнает, он расскажет нам, хорошо? У него в кармане врачи и медсестры этого заведения.

Ну, я думаю, это уже что-то.

Протягивая руку, Тоби вытирает мои слезы своими грязными большими пальцами.

— Просто отдохни немного, Демон. Я не могу оставаться с тобой в этом месте дольше, чем необходимо.

— Ты звонил маме?

— Мой телефон испорчен. Тем не менее они пытаются сделать это, — говорит он, бросая взгляд на занавес, указывая на людей за ним.

Я киваю, не в силах ответить из-за комка, который только растет в моем горле, когда я думаю о реакции мамы, когда она узнает, что я в больнице. Это убьет ее. Но что я могу сделать?

— Стелла здесь? — спрашиваю я, смутно припоминая ее голос сегодня вечером.

— Да, детка. Она в безопасности.

Я хочу спросить, не могла бы она сходить за мамой или даже Марией, но мои веки становятся слишком тяжелыми, и я засыпаю прежде, чем успеваю произнести хоть слово.

Первое, что я замечаю, когда туман снова начинает рассеиваться, это то, что тепло тела Тоби все еще согревает мое, и его пальцы все еще крепко переплетены с пальцами моей свободной руки.

Я была уверена, что у него не было бы другого выбора, кроме как спуститься вниз. Но тогда, я думаю, легко, когда мы находимся в нашем маленьком пузыре, забыть, кто он такой и какую власть он имеет над этой частью города. Я уверена, что требовать, чтобы он оставался рядом со мной, пока я отдыхаю, — это ничто по большому счету.

Хныканье на другом конце комнаты привлекает мое внимание, и я заставляю себя открыть глаза.

— Мама, — хриплю я, видя, как она сидит там, вытирая слезы чем-то похожим на уже промокшую салфетку.

— Джоди, — выдыхает она, вскакивая со стула быстрее, чем, я уверена, ей удавалось за многие годы.

Я пытаюсь выдернуть свою руку из руки Тоби, чтобы обнять ее, но обнаруживаю, что она зажата в его хватке. Когда я оглядываюсь, я обнаруживаю, что он без сознания рядом со мной.

Поднимая руку с иглой от капельницы, я снимаю маску с лица, чтобы мама могла меня слышать.

— Мне так жаль, — выдыхаю я, мои глаза снова горят.

— О, детка, это не твоя вина. Ты не могла знать. — Она берет мое лицо в свои руки.

Я качаю головой. — Я знаю. Но получать этот звонок... ты, должно быть, была в ужасе.

— Ты в порядке. Ты здесь, и с тобой все будет в порядке.

— Ты знаешь что-нибудь о Саре?

Ее плечи опускаются. — Я не знаю, милая. Мне жаль.

Я изо всех сил пытаюсь прогнать комки в горле, но он не сдвигается ни на дюйм.

Тоби ерзает рядом со мной, его пальцы на секунду сжимают мои, прежде чем он прижимается ко мне еще ближе.

— Несмотря на обстоятельства, вы двое выглядите мило, — мягко говорит мама.

— Спасибо, Джоанна. Я ценю это, — грубо шепчет Тоби, заставляя меня подпрыгнуть, а маму рассмеяться.

— Я слышала, ты спас мою девочку, — говорит мама, когда Тоби немного приходит в себя и открывает глаза. — Спасибо. — Искренность в ее голосе заставляет меня снова

проиграть борьбу со слезами. Ее теплые руки оставляют мое лицо, но она не отстраняется, вместо этого берет мою руку с катетером в свои обе.

— В любое время. Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он, обращая свое внимание на меня.

— Я думаю, что обезболивающее подействовало, — признаю я.

— Я думаю, тебя скоро перевезут, — говорит мама, очевидно, выяснив все, пока мы спали.

— Я должна остаться? — жалуясь я.

— Только на одну ночь. Они должны контролировать уровень кислорода в крови после вдыхания дыма.

— Я не оставлю тебя, детка.

Медленно поворачиваясь, я смотрю в его тяжелые глаза. — Я не уверена, что тебе позволят—

— Тебе не нужно беспокоиться об этом, — говорит он, слегка касаясь своими губами моих, как будто моя мама не стоит прямо там. — Я не выпущу тебя из поля зрения.

Внезапно занавеска с размаху отдергивается, и в палату входит дружелюбно выглядящая пожилая медсестра с широкой улыбкой на лице.

— Так ладно, мисс Джоди Уокер. Пришло время устроить вас в какое-нибудь более комфортное место. Хотя, — говорит она, и ее глаза загораются весельем, когда она переводит взгляд с нас двоих, прижавшихся друг к другу, — мне кажется, у тебя уже неплохо получается, девочка.

Тоби заливисто смеется, в то время как мои щеки горят, а глаза медсестры опускаются на его тело.

— Как только ты снова встанешь на ноги, ты сможешь стирать белье на его прессе.

— О, боже, — бормочу я, мое лицо горит еще сильнее.

— Я позволю ей делать все, что она захочет, как только она снова будет полностью здорова, — признается Тоби.

— Остановись, — умоляю я. — Прекрати это сейчас.

Но когда я смотрю на маму, кажется, ей все равно. Она слишком занята, хихикая с медсестрой.

Предательница.

— Не смотри на меня так, милая. В ее словах есть смысл. — Мама приподнимает бровь.

— Куда вы меня везете? — спрашиваю я со вздохом, мое горло горит все сильнее с каждым словом.

— Вплоть до отделения Чирилло. Там, наверху, мы будем заботиться о тебе по-королевски, моя дорогая.

— Чертовски верно, они так и сделают, — рычит Тоби, наконец садясь и свешивая ноги с кровати, хотя и медленно.

— Хватай все, что тебе нужно, и мы отправимся в путь. Снаружи меня ждут двое рослых носильщиков, хотя у них ничего нет против вашего мальчика.

Мои глаза следят за Тоби, когда он тянется за рубашкой, которой его снабдили, и натягивает ее через голову. Но вскоре он резко останавливается, когда ему приходится вытаскивать из нее забинтованную руку.

— Тебе нужна помощь? — предлагает мама.

— Нет. Я могу справиться. Мне нравится доставлять медсестрам некоторое

удовольствие. — Он подмигивает медсестре, которую, как я теперь знаю, зовут Клаудия благодаря бейджику с ее именем.

— Пожалуйста, не обращай на него внимания, — призываю я своим хриплым голосом.

— Девочка, он лучшее, что я видела за весь год. — Ее улыбка так полна любви и сострадания, что я не могу не пожелать, чтобы она была моей бабушкой. У меня такое чувство, что жизнь никогда не была бы скучной с ней, как с частью семьи.

Клаудия возится с моей капельницей и подготавливает меня к переезду.

— Как долго ей это нужно носить? — Спрашивает мама, указывая на пакет с тем, что медленно проникало в мое тело.

— Кажется, осталось всего около тридцати минут или около того.

— Хорошо, — говорю я. Я могу чувствовать себя дерьмово, и каждый дюйм моего тела все еще может болеть и наливаться тяжестью, но я ни за что не хочу быть связанной с этой штукой дольше, чем необходимо.

Клаудия что-то пишет в планшете, висящим на изножье моей кровати, прежде чем полностью раздвинуть занавеску, открывая двух носильщиков, которых она мне обещала, которые быстро опускаются на мою кровать.

— Ты в состоянии идти, молодой человек? Я вижу, что тебя сшили как гобелен.

Беспокойство за Тоби тяжелым грузом лежит у меня в животе. Я видела повязку на тыльной стороне его руки, но что еще я упускаю?

— Я в порядке, Демон. Просто побеспокойся о том, чтобы выбраться отсюда, чтобы я мог позаботиться о тебе должным образом.

— О, он еще и медбрат. Если бы я была на сорок лет моложе, — поддразнивает Клаудия.

— Похоже, у тебя есть конкуренция, Джо-Джо, — добавляет мама, когда Клаудия кладет мою маску на место, как раз в тот момент, когда моя кровать выдвигается из своего места.

В ту же секунду, как мы поворачиваем за угол, мы обнаруживаем небольшую, знакомую толпу, блокирующую коридор.

— Джоди, — кричит Стелла, бросаясь вперед, за ней быстро следуют остальные. — Ты в порядке?

— Да. — киваю я. — Я в порядке.

— Куда ты направляешься? — она спрашивает в панике, как будто я могу солгать.

— Просто поднимаемся в палату на ночь в качестве меры предосторожности, — отвечает за меня Клаудия. — Часы посещения—

— Всегда, — перебивает Тоби. — Мы не зря платим за это отделение.

— Сара? — Я вздыхаю, отчаянно желая узнать какие-нибудь новости.

Стелла судорожно сглатывает, и мое сердце уходит в пятки.

— Они отвезли ее прямо в реанимацию.

— О Боже, — ахаю я, и Стелла ныряет за моей рукой, в то время как Тоби берет другую. — Она...

— Мы пока ничего не знаем, но это выглядит не очень хорошо. Мне так жаль, Джоди.

Отрывая от нее взгляд, я сосредотачиваюсь на бледной стене впереди, пытаюсь осмыслить то, что она только что сказала. Но мое тело как будто полностью отключилось, отказываясь это принимать.

— Мы будем держать тебя в курсе событий, я обещаю.

— Джесси здесь? — Мой голос может быть грубым от вдыхания дыма, но сейчас он звучит еще хуже.

— Да. Он наверху.

— Иди, будь с ним. Я знаю, что ты его не знаешь, но—

— Мы это сделаем. — Ее стеклянные глаза отрываются от моих и фокусируются на Тоби. — Присматривай за нашей девочкой, брат.

Мое сердце переполняется от ее слов, что меня просто так приняли в их семью. Снаружи они могут выглядеть как кучка отъявленных негодяев, но внутри у них нет ничего, кроме любви, поддержки и бесконечной дружбы. Это действительно невероятно — находиться в такой сплоченной группе.

— Я буду.

Себ обнимает Стеллу и прижимает ее спиной к своей груди, в то время как все остальные парни ободряюще улыбаются мне.

— Где близнецы? — спрашиваю я, не в силах собраться с мыслями, чтобы вспомнить их имена.

— Ушли навестить свою маму. По-видимому, Алекса задела пуля. — Мои губы подергиваются от удовольствия. Эти большие плохие солдаты мафии отправились домой, чтобы мама позаботилась о них. — Он не большой поклонник собственной крови. Или больницы. Просто будет легче, если Джанна приведет его в порядок.

— Как это храбро с его стороны, — невозмутимо хихикает мама.

— У всех нас есть свои пороки. — Тоби пожимает плечами. Его глаза находят мои, и мне не нужно, чтобы он говорил мне, кто он такой. Это главная причина нашего столкновения в первую очередь.

Наше путешествие до палаты в основном проходит в тишине. Рука Тоби всю дорогу сжимает мою, в то время как мое сердце продолжает болеть от новостей, которые сообщила Стелла.

Мне следовало этого ожидать. Черт возьми, я ожидала этого, но это не значит, что это не пронзило меня, как миллион ножей.

Рыдание вырывается из моего горла, когда мама открывает двери для носильщиков, думая о Джесси, который сидит где-то в этом здании, чувствуя себя совершенно безнадежным, поскольку будущее любви всей его жизни висит на волоске.

— У Тео для нее лучшие врачи в городе, — уверяет меня Тоби. — Она одна из нас, такая же, как и ты.

4

ТОБИ

Мое бедро горит, когда я опускаюсь на колени, чтобы помочь Джоди сунуть ноги в ботинки.

— Тоби, — ворчит она, ее голос все еще хриплый от дыма. Я знаю, что это неправильно, но каждый раз, когда я слышу ее хриплое рычание, это бьет меня прямо по члену. Это заставляет меня чувствовать себя засранцем, потому что я знаю, что она страдает, но я ничего не могу с собой поделать. — Я более чем способна.

— Я знаю. Ублажи меня.

Она смотрит на меня сверху вниз, но я не сдаюсь.

Да, это больно, но я знаю, что у нее есть пара бинтов, похожих на мои. У нее может быть меньше швов, чем у меня, но дело не в этом. Я хочу сделать это. Мне нужно это сделать.

Именно по этой причине я сказал Джоан, что именно я буду сопровождать ее домой из больницы. Я мог бы уступить, отпустив ее домой и не настаивая на том, чтобы я запер ее в своей квартире, но меня никто не отговаривал от этого.

— Твердолобый идиот, — бормочет она себе под нос, когда я натягиваю на нее ботинок и толкаю, чтобы встать. Медленно. — Не жди сочувствия, если разорвешь эти швы, — предупреждает она.

— Даже не мечтал об этом, Демон. Ты готова?

Я чертовски хорошо знаю, что я такой.

После ночи, проведенной с ней на больничной койке, когда врачи и медсестры входили и выходили, как будто в палате была долбанная вращающаяся дверь, я более чем готов пойти куда-нибудь в тихое место, обнять мою девочку и позволить ей отдохнуть, в чем она нуждается.

Ее нижняя губа дрожит при мысли о нашей первой остановке перед возвращением к Джоан.

Я сказал ей, что в этом нет необходимости, что ей не нужна дополнительная боль в довершение ко всему остальному, но неудивительно, что она настаивала на посещении отделения интенсивной терапии перед нашим отъездом.

У Сары не должно быть гостей, кроме ее ближайших родственников — ее родителей, которых она не видела с того дня, как объявила, что переезжает к Джесси, — что, по-моему, чертовски смешно. Но, к счастью, нам удалось обойти эти правила, позволив Джесси бывать с ней, когда он захочет, хотя он благоразумно исчез, когда ее родители пришли навестить ее этим утром.

Джоди думает, что, если бы она была в сознании, она бы вообще запретила им находиться здесь, но пока она все еще в критическом состоянии, она или Джесси мало что могут с этим поделать.

— С ней все будет в порядке, не так ли? Скажи мне, что у нее все получится.

Обхватывая рукой ее затылок, я прижимаюсь своим лбом к ее, пристально глядя ей в глаза.

— Они делают все, что в их силах.

Веки Джоди опускаются, и когда они закрываются, одинокая слеза скатывается из уголка ее глаза.

Вид этого причиняет мне физическую боль.

Хотел бы я что-нибудь сделать. Хотел бы я взмахнуть какой-нибудь волшебной палочкой и все исправить. Но я не могу. Мы просто должны поверить в профессионалов и силу Сары.

— Пойдем. — Я беру ее руку в одну свою, а маленькую сумку с вещами, которые мы собрали во время нашего ночного пребывания, — в другую.

С тяжелым вздохом Джоди идет в ногу со мной. Мы молча выходим из палаты Чирилло, несколько раз благодарно кивая медсестрам на станции, прежде чем направиться в отделение интенсивной терапии.

Я набираю код на панели рядом с дверью, открывающий нам доступ, которого у нас не должно быть, и открываю дверь для Джоди.

Она дрожит в моих объятиях, когда я обнимаю ее за плечи и веду туда, где, как я понимаю, находится Сара.

Завернув за угол, мы обнаруживаем Джесси, сидящего, сторбившись, на стуле рядом с дверью, ведущей в ее палату.

Весь воздух вырывается из легких Джоди, и она бросается вперед.

Джесси поднимает взгляд как раз перед тем, как она успевает подойти к нему, и у меня перехватывает дыхание от расстроенного выражения его лица.

Это именно то напоминание, в котором я не нуждаюсь, о том, как близко я был к тому, чтобы потерять Джоди вчера. Если бы я не нашел ее так быстро, как нашел, если бы стена, у которой она сидела, рухнула всего на несколько секунд раньше...

Дрожь пробегает по моему позвоночнику, но трудно чувствовать благодарность за то, что у меня все еще есть, когда вся его жизнь разваливается на части.

Он заключает Джоди в медвежьих объятия и утыкается лицом в изгиб ее шеи, в то время как все его тело сотрясается от рыданий. Мое сердце разрывается из-за бедняги.

Подойдя, я опускаю задницу на стул рядом с ним и кладу руку ему на плечо, давая ему понять, что у него есть наша поддержка.

Они надолго остаются в своих объятиях, пока держат друг друга вместе. Как бы мне ни было больно, что я не могу быть тем, кто сделает это для Джоди прямо сейчас, я понимаю, что Джесси нуждается в этом так же сильно, как и она. Я понятия не имею, есть ли у Сары другие друзья или семья, кроме ее дерьмовых родителей, так что, возможно, это ее единственная поддержка. Это заставляет меня еще немного больше ценить семью, которая меня окружает.

Мы, может быть, и облажались по-всякому, но я точно знаю, что, когда дерьмо попадет на вентилятор, в какой бы форме оно ни было, они будут рядом со мной.

У меня в кармане жужжит телефон, и это просто доказательство того, насколько правдивы были мои предыдущие мысли. Себ и Стелла появились прошлой ночью где-то после полуночи с совершенно новым телефоном для меня. Не только это, но и Тео установил резервную копию моего сломанного, так что я как будто никогда его не терял.

Стелла: Как Джоди?

На моих губах появляется улыбка. Она спрашивает уже в третий раз, с тех пор как у нас не было другого выбора, кроме как отказаться от идеи поспать этим утром.

Тоби: Мы с Джесси.

Стелла: Есть новости?

Тоби: Нет. Они все еще говорят, что это просто вопрос времени.

Стелла: Господи. Я даже представить не могу. Я хотела бы, чтобы мы могли сделать больше.

Чувство вины терзает меня изнутри. Если бы я сначала добрался до Сары, возможно, я смог бы выгнать их обоих. Если бы я был на две минуты раньше. Если бы я мог бежать немного быстрее...

Все «что, если» крутятся у меня в голове при повторении, но ни одно из них не помогает. Слишком поздно думать обо всем, что могло бы быть иначе по сравнению с прошлой ночью.

Это то, что произошло, и теперь это наша реальность. В ожидании узнать, придется ли Джоди прощаться с кем-то еще, кого она любит.

Когда они наконец расстаются, Джесси поднимает руку и вытирает лицо рукавом,

чтобы смахнуть слезы.

— Произошли ли какие-нибудь изменения? — С надеждой спрашивает Джоди.

Он качает головой. — Ничего.

Джоди сжимает его окровавленную, разбитую руку и крепко ее сжимает.

— Она сильнее этого, Джесси. Она собирается вернуться к нам.

Он шмыгает носом, запускает другую, не менее грязную руку в волосы и откидывает их с головы.

— Ты должен пойти и провериться, — убеждает она его, точно так же, как, я знаю, это делали другие с тех пор, как они впервые нашли его здесь.

У него обрывком чьей-то старой рубашки обвязана рука, чтобы попытаться остановить кровотечение из того, что, я надеюсь, просто ссадина, а не пулевое ранение. Я имею в виду, кажется, это сработало, потому что нет свежей крови, но все же. Его лицо черно-синее, а одежда в беспорядке.

Ребята принесли ему сумку со всем, что ему может понадобиться, когда они прибыли с нашими вещами ранее сегодня, которая стоит у его ног.

— Я в порядке, — глухо говорит он.

— Джесси, — вздыхает Джоди. — Сейчас ты нужен Саре больше, чем когда-либо. Она не захочет, проснувшись, видеть тебя в таком виде.

— Я не оставлю ее, — заявляет он, и его глаза темнеют от страха.

— Джесси, пожалуйста, — умоляет Джоди.

— Поднимитесь в комнату, из которой мы только что вышли. В распоряжении гостей собственная ванная комната. Ты можешь принять душ, смыть с себя все это дерьмо, — добавляю я.

— Но—

— Мы не уйдем. И в ту же секунду, как нам разрешат войти, мы будем рядом с ней, — уверяет его Джоди.

Миллион аргументов вертится у него на кончике языка относительно того, почему он не должен этого делать, но под еще одним умоляющим взглядом моей девочки он, наконец, уступает.

Дав ему быстрые указания, он неохотно хватается сумку и уходит, как только он уверен, что мы позвоним ему, если что-то изменится.

Только когда он уходит и звук закрывающейся за ним двери заполняет тихий коридор, Джоди заговаривает.

— Он не справится, если — Она прикусывает язык в конце этого предложения, не желая произносить эти слова вслух.

— Он справится. Вы оба. Потому что если это произойдет, то это то, чего она хотела бы.

— Черт, — выдыхает Джоди, наклоняясь вперед и упираясь локтями в колени. — Это так чертовски сложно. Потерять Джо и... да... это был шок. Но это было сделано, это было быстро. Это было совсем не безболезненно, но это... это незнание. Черт возьми, это разбивает сердце.

— Я знаю, детка. — Я знаю, что это не то же самое, ни в коем случае, но я чувствовал некоторую бесполезность, отчаяние, которое она испытывает сейчас, каждый раз, когда я сидел с мамой, пока она проходила лечение. Но она была со мной, разговаривала со мной, была в курсе всего. Но все же мы понятия не имели, сработает ли это, жили ли мы ложной надеждой.

Это ничто по сравнению с ситуацией Сары сейчас, но я понимаю это, действительно понимаю.

Дверь рядом с нами открывается, и выходит медсестра, за которой быстро следуют врач, а затем еще одна медсестра. Их выражения совсем не обнадеживающие, и внутри меня умирает частичка меня, а я никогда не встречал эту девушку. Я могу только представить, как это влияет на Джоди.

Моя девочка вскакивает на ноги быстрее, чем следовало бы из-за ее швов и травм. — Есть ли какие-нибудь изменения? Улучшения? — она умоляет, и мое сердце болит, когда все они поворачиваются, чтобы посмотреть на нее с мрачными выражениями.

— К сожалению, нет. Она в критическом состоянии, но стабильна. Ее состояние не улучшилось, но в равной степени и не пришло в упадок.

Весь воздух вырывается из легких Джоди, и я притягиваю ее в свои объятия.

— Хотел бы я быть более полезным. Мы сделали все, что могли. Теперь все зависит от нее.

— Можем мы зайти и проведать ее? — Голос Джоди дрожит, когда она пытается бороться с эмоциями, бушующими внутри нее.

— Ты можешь, — говорит доктор, его глаза встречаются с моими в предупреждении.

— Где Джесси? — спрашивает одна из медсестер.

— Джоди убедила его пойти и привести себя в порядок, — объясняю я.

— Как тебе это удалось? Мы пытались с той секунды, как он появился. Нас даже близко не подпускают к этой чертовой ране.

— У моей девочки есть магические способности, — говорю я, пытаюсь придать ситуации легкости.

— Тогда вам, ребята, лучше пойти туда и посмотреть, что вы можете сделать, — говорит одна из медсестер.

Джоди устремляется к двери, когда я ловлю взгляд доктора, который все еще задерживается, я предполагаю, чтобы ответить на любые наши вопросы, но Джоди, кажется, не заинтересована в реальной ситуации Сары. Она просто хочет быть рядом с ней.

— Спасибо вам за все, что вы делаете, — говорю я, когда Джоди проскальзывает в комнату, ее громкий вздох шока доносится до нас.

— Не за что. Но я действительно думаю, что важно, чтобы вы все постарались подготовиться к худшему здесь.

Я киваю, принимая его суровое предупреждение к сведению, и смотрю в сторону двери.

— Иди и поддержи ее. Мы будем прямо здесь, — убеждает медсестра с мягкой, сочувствующей улыбкой.

Поворачиваясь спиной к ним троим, я бросаюсь вперед в поисках моей девушки.

Я нахожу ее стоящей в изножье кровати Сары, обхватив себя руками, как будто она надеется, что этого будет достаточно, чтобы удержать ее вместе.

Ее тяжелое дыхание легко слышно за звуковым сигналом и жужжанием машин, которые окружают ее подругу, поддерживая в ней жизнь.

Обнимая ее своими руками, я кладу подбородок ей на плечо.

— Я прямо здесь, детка, — шепчу я ей на ухо, когда мои глаза останавливаются на Саре.

Она выглядит... мирной. Из нее выходят трубки, а на щеке большая белая повязка, которая, вероятно, прикрывает либо ожог, либо рваную рану, но в остальном она просто выглядит... мирной.

— Она не собирается этого делать, не так ли? — Джоди говорит тихо, ее голос странно ровный.

— Я не знаю, детка.

— Возможно, это звучит глупо, и надеюсь, что я ошибаюсь, но у меня такое чувство, что она уже ушла.

Мое сердце колотится от ее слов, желая, чтобы они не были правдой ни для нее, ни для Джесси. Но я боюсь, что она может просто знать, о чем говорит.

Они были близки с тех пор, как были маленькими детьми. Очевидно, что у них была крепкая связь.

— Иди сядь. — Подтягивая ее к краю кровати Сары, я опускаюсь, сажая ее к себе на колени. Она прижимается ко мне, хотя не сводит глаз со своей подруги.

Ее тело дрожит от сдерживаемых эмоций, но она больше ничего не делает и не говорит, и я даю ей время и тишину — столько, сколько мы можем извлечь из этого, пока работают машины.

Я понятия не имею, как долго мы там сидим. Я думаю, это не может длиться так долго, потому что Джесси ни за что не отошел бы дольше, чем это необходимо.

Когда дверь тихо открывается, и он заходит внутрь, он выглядит лучше. Чертовски намного лучше, чем он был раньше. Хотя, все еще легко увидеть агонию в его глазах. Как и у Джоди, его горе уже запечатлено в каждой его черте. Это заставляет меня задуматься, чувствует ли он то же самое, что и она.

— Привет, — выдыхает Джоди, слезая с моих колен. — Ты чувствуешь — Она обрывает себя, понимая, что душ и смена одежды никак не могут заставить его почувствовать себя лучше.

— Чистым? — ворчит он. — Да, я думаю. Что-нибудь узнали?

Джоди качает головой, пока Джесси изучает ее реакцию на эту ситуацию.

— Ты тоже это чувствуешь, не так ли? — тихо говорит он, снова обращая свое внимание на Сару.

Джоди слезает с моих колен и подходит к нему, обнимает его за талию и кладет голову ему на грудь, в то время как он цепляется за нее, как за спасательный круг.

Мы остаемся с ним, пока медсестра не заглядывает сказать, что родители Сары уже в пути, и я вынужден смотреть, как Джесси и Джоди прощаются с ней.

Комок в моем горле такой охрененно огромный, что я едва могу дышать, когда Джоди склоняется над своей подругой и прижимается губами к ее лбу, шепча ей всевозможные приятные вещи, в то время как Джесси разваливается на части.

Я прошел через кое-какое дерьмо, но это, безусловно, самое мучительное.

Еще через несколько секунд Джоди встает и бросает последний долгий взгляд на Сару, прежде чем повернуться ко мне и шагнуть к двери с высоко поднятой головой.

Ее сила поражает меня, когда она проскальзывает мимо и выходит из палаты.

Я быстро следую за ней, но замолкаю, когда обнаруживаю, что она смотрит на трех парней, терпеливо сидящих в ряд на стульях, на которых мы были не так давно.

Джоди морщит лоб, она раньше не встречала этих ублюдков со страшными задницами. Но что-то подсказывает мне, что, если она поладила с Джесси, ей не составит труда увидеть в каждом из них что-то мягче.

Каждый из них демонстрирует свидетельства жестокости, которой они подверглись

прошлой ночью. Опухшие глаза, разбитые губы и ушибы на челюстях, вероятно, наименьшие из травм, которыми они отделались. Но они здесь, и это красноречиво говорит о том, как сильно они заботятся о Джесси.

— Дукас, — говорит Арчер, явно не ожидая найти меня здесь.

— Арчер, Дакс, Джейс, это Джоди. — Подруга Сары, — говорю я в качестве вступления. — Джесси все еще там.

— Рад наконец познакомиться с тобой, Джоди, — говорит Арчер. Его глаза искрятся весельем, но это не отражается на его голосе. Ситуация слишком тяжелая для этого.

— Как дела у нашего мальчика? — спрашивает Дакс.

— Он — Слова Джоди прерываются, когда за нами закрывается дверь и к нам присоединяется мужчина, о котором идет речь.

— Черт возьми, чувак.

Все трое вскакивают со своих мест и в мгновение ока окружают Джесси.

Дакс обнимает его, удерживая в вертикальном положении, в то время как двое других выражают свои соболезнования.

— Ребята, — говорит Джоди, прерывая их разговор. — Нам нужно убраться отсюда, прежде чем —

— Черт возьми, да. — Джесси проводит рукой по лицу, прежде чем расправить плечи. — Ее родители у главных дверей. Нам нужно двигаться.

Ребята кивают, и Джесси направляется в противоположном направлении к входу в палату, который ему, должно быть, показывали, когда это происходило в последний раз.

Менее чем через десять минут мы оказываемся в больничном ресторане.

Мы движемся вслед за ними, но мое беспокойство за мою девочку только растет. Она измотана. Я понимаю, что она хочет поддержать Джесси прямо сейчас, но ей также нужно позаботиться о себе.

— Я должен отвезти тебя домой, детка, — говорю я, останавливая ее, пока остальные направляются за кофе.

— Но... Джесси, — утверждает она.

Джесси подходит к нам — я не осознавал, что он не последовал за Арчером.

— Тебе следует пойти и отдохнуть, Джоди. Я обещаю, что позвоню тебе, как только что-нибудь случится.

— Я не хочу оставлять тебя здесь одного.

— Я не такой. Эти три мудака составят мне компанию. — Он натягивает улыбку в надежде убедить ее.

Она переводит взгляд с нас двоих, разрываясь между тем, что нужно ее телу, и тем, где ее сердце хочет, чтобы она была.

— Я могу доставить тебя обратно сюда за десять минут от дома твоей мамы, — уверяю я ее.

Это занимает у нее несколько секунд, но в конце концов она кивает в знак согласия. И после долгих объятий и тихого разговора с Джесси, он возвращается к своим парням, и я, наконец, могу отвести мою девочку домой.

Я ничего не чувствую, когда сажусь в BMW Тоби, и он выезжает из больницы туда, где, я знаю, мама будет с нетерпением ждать меня.

Одной рукой он крепко держит руль, другая его рука сцеплена с моей. Его молчаливая поддержка сейчас значит для меня все. Я почти уверена, что уже утонула бы, если бы не он.

— Ты голодна? — он спрашивает тихо, чтобы не напугать меня.

— Э-э... — Мое горло снова обжигает, и я сглатываю, надеясь, что это скоро пройдет. Это и боль, которая пронзает мою грудь каждый раз, когда я делаю вдох. — Не совсем, но, если ты хочешь зайти в «Макдоналдс», я, наверное, не отказалась бы от клубничного молочного коктейля.

— Звучит как план, детка.

Он поворачивает налево вместо того, чтобы пойти направо, что привело бы нас домой. Мы проезжаем маавто всего за несколько минут, и я сжимаю в руках свой ледяной молочный коктейль, как будто это может волшебным образом исправить мою жизнь, в то время как пакет с едой для Тоби согревает мои ноги.

Мама появляется у входной двери в ту же секунду, как мы подъезжаем. Я даже не успеваю поднять руку, чтобы попытаться освободиться, пока она не оказывается рядом, делая это за меня и забирая у меня все.

Тоби присоединяется к ней всего через несколько секунд, вытаскивает меня из машины, как будто я сделана из стекла, обнимает за плечи и ведет к дому вслед за мамой.

— Я обставила гостиную так, чтобы тебе было удобно. На твоей кровати новые простыни, и я—

— Мам, — останавливаю я ее, кладя руку на ее предплечье. — Все идеально. Это всего лишь небольшое вдыхание дыма. Я в порядке, — уверяю я ее, игнорируя боль от порезов и ушибов, покрывающих мое тело.

Мне повезло, в отличие от Сары, что мне каким-то образом удалось удержаться подальше от худшего. Единственные ожоги, которые у меня есть, поверхностны и пройдут через несколько дней.

Если каким-то чудом Сара выживет, я боюсь, что ее жизнь будет выглядеть совсем, совсем по-другому.

Возможно, я не хотела слышать подробности ее состояния — фактов слишком много, чтобы переварить их прямо сейчас. Но я точно знаю, что ожоги на ее руках могут изменить жизнь.

Мое сердце болит при мысли о том, что она выжила, но не смогла творить. Сколько я себя помню, все, что она хотела делать, это рисовать, раскрашивать, все, что связано с нанесением красок на страницу или холст. Я не могу представить, что она хотела бы жить без этого.

Я тяжело вздыхаю, и мама заключает меня в свои объятия. Но я не плачу. Я не могу. Кажется, у меня наконец-то закончились слезы.

— Мам, — вздыхаю я, эмоции застревают у меня в горле, когда она ведет меня в гостиную, и я нахожу ее точно такой, какой она была, когда я была маленькой девочкой и ночевала с друзьями.

С Сарой.

Диван завален подушками и запасным пуховым одеялом, мерцают свечи, напитки и закуски накрыты на кофейном столике, и она даже откопала несколько моих любимых олдскульных женских фильмов, которые я любила в детстве.

— Возврат к тому времени, когда все было проще? — Мама предлагает с грустной улыбкой.

— Спасибо тебе, — шепчу я, не в силах произнести больше ни слова.

— Теперь, вы двое, идите и устраивайтесь поудобнее, а я оставлю вас отдыхать. Но я буду только готовить на кухне, так что, если тебе что-нибудь понадобится, просто крикни, хорошо?

— Тебе не нужно, — говорю я, зная, что она собирается пойти и приготовить целую бурю моих любимых лакомств, большинство из которых я, вероятно, не смогу есть в течение нескольких дней из-за состояния моего горла.

— Поверь мне, детка. Я хочу. Стелла и Мария собираются заглянуть позже и отнести это всем остальным, Джесси и его ребятам.

Мои глаза горят, когда я смотрю на нее.

— Это меньшее, что я могу сделать.

— Спасибо тебе, Джоанна. Я уверен, что все это действительно оценят, — с благодарностью говорит Тоби.

Бросив на меня один долгий взгляд, мама выскальзывает из комнаты. Когда я поворачиваюсь обратно к Тоби, он стянул с себя толстовку, оставшись в одной облегающей футболке, которая, черт возьми, почти облегает каждый дюйм его тела, и он стянул одеяло с дивана.

— Давай, детка. Тебе нужно отдохнуть.

Я слишком измотана, чтобы делать что-либо, кроме как следовать его приказам.

Я сворачиваюсь калачиком, положив голову на подушку, которую мама оставила на подлокотнике, в то время как Тоби опускается на среднее сиденье и кладет мои ноги себе на колени.

Он кладет на них свой пакет с едой, тепло которого согревает меня насквозь, когда он разламывает его и бросает несколько чипсов в рот.

Мои глаза опускаются, когда его язык выскальзывает, чтобы слизнуть пару крупинки соли с нижней губы, и мой желудок переворачивается. Впервые я почувствовала что-то близкое к нормальному с тех пор, как вчера пила кофе с Бри. Черт. Как это было только вчера? Такое чувство, что с тех пор прошел год.

— Хочешь немного? — предлагает он, заметив мое внимание.

Я качаю головой.

— Ах, так ты хочешь не чипсы, — поддразнивает он. — Ты почувствуешь себя лучше, и ты сможешь получить каждый дюйм меня, детка.

У меня слюнки текут от такой перспективы. Это было... слишком чертовски давно.

После того как он отпустил меня на прошлой неделе, чтобы я пришла в себя, у меня никогда не возникало сомнений в том, что я снова окажусь у его двери. Но я также знала, что мне нужно максимально использовать время и пространство, которые он мне дал.

Что мы имеем... связь, которую мы разделяем... Я думаю, это оно.

Нет. Я знаю, что это так.

Но я также знаю, что вокруг нас было слишком много дерьма, чтобы я могла полностью погрузиться в него с головой, пока не обработаю все.

Что ж, тогда это было мое мнение.

Теперь, едва не погибнув в огне, который потенциально унес жизнь Сары, я должна сказать, что обрела некоторую перспективу.

— Это звучит как обещание, которое я могла бы просто спросить с тебя, — шепчу я, мои глаза уже тяжелеют, когда я ложусь.

— Я чертовски на это надеюсь, — говорит он, слегка сжимая мое бедро. — Я знаю, это, вероятно, не то, что ты хочешь услышать прямо сейчас — есть другие, более важные вещи — но, черт возьми, детка. Я так сильно скучал по тебе.

Проиграв битву со своими глазами, я тянусь, ища его руку, нуждаясь в связи с ним.

— Я тоже, детка. Ты можешь мне кое-что пообещать? — Сонно спрашиваю я.

— Что угодно.

— Никогда не отпускай меня снова.

С момента, когда я проснулась после того отчаянно необходимого сна, я вся горела. Мне потребовалось всего около трех секунд, чтобы понять, почему. Тоби удалось втиснуться между мной и спинкой дивана. Его раненые рука и нога были обернуты вокруг меня, прижимая мое тело как можно плотнее к своему, и мы были укрыты одеялом до подбородков.

Но как бы сильно я ни потела в своих леггинсах и толстовке с капюшоном, а моя собственная коала обнимала меня, как будто я ее любимое дерево, я никуда не собиралась.

Мы были слишком близки к тому, чтобы потерять друг друга навсегда, чтобы беспокоиться о том, что нам слишком жарко.

Поэтому вместо этого я сосредотачиваюсь на мыслях о парне позади меня и откидываю голову на подушку.

Это было три дня назад.

Три дня сна, исцеления, слез и ничего, кроме душераздирающего чувства полной бесполезности и отчаяния, которое приходит вместе с нашей ситуацией.

Я в порядке. Я становлюсь немного сильнее, и мои легкие, кажется, работают лучше с каждым днем. Теперь я даже могу глотать, не морщась, и это хорошо.

Раны Тоби тоже заживают, и синяки, которые, казалось, покрывали каждый дюйм его тела, начинают исчезать.

Но по мере того, как видимые свидетельства нашего испытания исчезают, боль, которая все еще сжимает мою грудь, пока Сара остается в том же состоянии в своей палате в отделении интенсивной терапии, становится почти такой же невыносимой, как и в день ее поступления.

Надежды все еще мало. Каждый раз, когда я навещала Джесси или разговаривала с ним по телефону, история все та же. Продолжайте молиться. Но они обеспокоены тем, что чем дольше это продолжается, тем меньше и меньше шансов, что ее тело выкарабкается.

Я пытаюсь сохранять позитивный настрой, но мне все труднее и труднее за него держаться. Я знаю, что Джесси такой же. Я вижу это в глубоких морщинах его лица каждый раз, когда вижу его.

Он все еще не выписался из больницы. Он уходит в ресторан, когда появляются родители Сары, но на этом все.

Мое сердце болит, когда я думаю о его доме. Об одном месте, где он мог бы чувствовать себя комфортно прямо сейчас. Но этого больше нет. Все, что было у Сары и Джесси, сгорело в их квартире. Все их воспоминания. Произведения искусства Сары, ее бизнес.

Я снова борюсь со слезами, когда по лестнице раздаются шаги, и темная тень заполняет мой дверной проем.

— Ты почти готова, детка? — Мягко спрашивает Тоби, его глаза опускаются на мое тело, когда я сижу за туалетным столиком в одном нижнем белье.

— Да. — Сморгнув слезы, я быстро наношу немного туши на ресницы. Смело, я знаю, но я хочу выйти из дома через несколько минут, выглядя настолько собранной, насколько это возможно.

Оттолкнувшись от табурета, я подхожу к кровати и беру два платья, которые оставила там.

— Которое из них? — спрашиваю я, протягивая их ему.

— Ты имеешь в виду, что оставаться такой, какая ты есть, не вариант? — Тоби выгибает бровь, глядя на меня, его глаза продолжают пожирать мое тело вместо того, чтобы смотреть на ткань, свисающую с моих пальцев.

— Мы собираемся к твоим родителям на обед. Нет, это не вариант. — Я закатываю глаза, и он, наконец, рассматривает свои варианты.

— Розовое, — заявляет он, прежде чем вытащить их из моих объятий, взять мое лицо в свои руки и коснуться своими губами моих.

— Почему розовое? — спрашиваю я, желая узнать причину, по которой он выбрал мое любимое из двух, прежде чем позволю ему отвлечь меня своими одурманивающими поцелуями.

— Потому что. — *Поцелуй.* — Это напомнило мне. — *Поцелуй.* — Нашу первую. — *Поцелуй.* — Ночь. — *Поцелуй.*

Я не могу удержаться от смеха. — Итак, мы будем сидеть за обеденным столом твоих родителей, пока ты будешь вспоминать, как прижимал меня в Аиде? — спрашиваю я.

— Что-то вроде этого, — признается он, делая шаг ближе, так что у меня нет выбора, кроме как почувствовать, что делает с ним одна мысль о той ночи — или, честно говоря, это может быть вид меня в моем черном кружевном нижнем белье.

Его язык скользит по моим губам, отыскивая мой собственный, чтобы поиграть, в то время как одна из его рук скользит вниз по моему телу, заботясь о свежих бинтах, которые он наложил на меня после душа не так давно, пока он не сжимает мою задницу и не гарантирует, что между нами нет никакого пространства.

Глубокое рычание вырывается из его горла, когда наш поцелуй углубляется.

Мы не делали ничего большего с тех пор, как меня выписали из больницы, и, хотя мне нравится, что он заботится обо мне и следит за тем, чтобы мои раны заживали должным образом, я чертовски близка к отчаянию в поисках спасения, которое может предложить мне его тело.

Сейчас больше, чем когда-либо.

Потерять папу и Джо было тяжело, узнать правду о них — еще тяжелее. Но это неизвестность с Сарой? Это невыносимо, и я бы сделала практически все, чтобы выбросить себя из головы прямо сейчас, хотя бы на несколько минут.

Мои руки скользят вниз по его бокам, пока я не натыкаюсь на его пояс, и я проскальзываю пальцами под ткань его рубашки.

— Демон, — рычит он в наш поцелуй, когда его кожа покрывается мурашками от моего прикосновения, его мышцы напрягаются, когда я двигаюсь выше. — Из-за тебя мы опаздываем.

Я замираю на мгновение, прежде чем высвободиться из его объятий.

— Ну, мы не можем этого допустить. Что бы твоя мама подумала обо мне? — Говорю я,

используя свой самый чопорный и правильный тон, когда мои глаза фиксируются на том месте, где его член пытается вырваться из брюк.

Он хихикает, протягивая руку за выбранным мной платьем.

— В другой раз? — спрашивает он, засовывая руку в боксеры, чтобы привести себя в порядок.

Не осознавая этого, мои собственные пальцы сжимаются, как будто я собираюсь обхватить его по всей длине. Мое дыхание становится более прерывистым, и я прикусываю нижнюю губу.

— Я уверена, что мы могли бы опоздать на несколько минут.

Самая невероятная улыбка озаряет его лицо, прежде чем он качает мне головой.

— Демон, — говорит он так тихо, что у меня по спине пробегают мурашки. — Одевайся, и, если ты будешь хорошей девочкой за ужином, возможно, я вознагражу тебя за это позже.

— О? — Вздыхаю я, мои трусики становятся мокрыми от его слов.

Мне это нравится. Мне нравится растворяться в нем и, всего на несколько мгновений, забывать о существовании остального мира, о том, что наши проблемы за много миль отсюда.

— Оставайся у меня сегодня вечером, — говорит он, наблюдая за каждым моим движением, пока я надеваю платье. — Я приведу тебя обратно утром, перед школой. Остановись, — резко требует он, когда я поднимаю руки, чтобы дотянуться до молнии позади меня. — Обернись. Позволь мне.

Делая, как мне сказали, я перекидываю свои длинные волосы через плечо за секунду до того, как его тепло на моей спине заставляет мою кожу покалывать от осознания.

— Я когда-нибудь говорил тебе, что мне нравится то, что ты сделала со своими волосами, — шепчет он, его дыхание учащается на моей обнаженной шее. Мои соски сразу же потянулись к нему.

— Н-нет, — заикаюсь я.

— Ну, я знаю. Это так чертовски сексуально.

Его губы скользят вверх по изгибу моей шеи, прежде чем остановиться прямо под моим ухом. Его обжигающий горячий язык на мгновение касается моей кожи, прежде чем он слегка прикусывает, его зубы задевают меня самым восхитительно дразнящим образом.

— О Боже, — стону я, моя голова поворачивается дальше в другую сторону, чтобы дать ему больше пространства.

Я вздрагиваю, когда его пальцы болезненно медленно скользят по моему позвоночнику. К тому времени, как он добирается до молнии у основания моего позвоночника, у меня все болит по совершенно новой причине.

— Я не думала, что ты хочешь опоздать, — стону я, когда он продолжает покрывать влажными поцелуями мою шею.

— Хм... — рычит он, покусывая участок кожи там, где моя шея соединяется с плечом.

Внезапно моя молния застегивается, и он делает шаг назад, как будто ничего из этого никогда не происходило, и он не оставил меня стогать из-за него.

Я оборачиваюсь с хмурым выражением на лице и встречаю его ухмылку.

— Не так уж и смешно, когда это делают с тобой, а, Демон?

— Придурок, — бормочу я, перекидывая волосы через плечо и отправляясь на поиски пары ботинок и куртки.

— Я возьму это. Просто помни о сделке.

— Как будто я могла бы быть кем угодно, только не хорошей девочкой в доме твоих родителей.

— Стелла будет там. Я могу только представить, в какие неприятности она могла бы тебя втянуть.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — говорю я невинно.

Возможно, я еще не так хорошо знаю Стеллу или кого-либо из друзей Тоби, не считая Нико, но одного взгляда на его сестру было достаточно, чтобы понять, что она девушка моего типа. Даже если в первый раз, когда я встретила ее, я убегала от Тоби с разбитым сердцем.

— Конечно.

Надев туфли, я поворачиваюсь к нему и делаю шаг вперед.

— Я хорошо выгляжу? — Я удерживаю его взгляд, но не могу отрицать бабочек, которые порхают у меня в животе при мысли об официальной встрече с его родителями.

— Детка, ты выглядишь потрясающе.

Я улыбаюсь ему, зная, что он слегка приукрашивает правду. Не думаю, что мне когда-либо приходилось использовать так много консилера под глазами. Возможно, у нас было три дня ничегонеделания, но это не значит, что я все еще не страдаю от затяжных последствий нашего кошмара.

Застенчивая улыбка подергивается на моих губах, когда я тянусь к его руке. — Тогда давай сделаем это.

Я вытаскиваю его из своей спальни, прежде чем поддамся своим нервам и усталости. Мне нужно это сделать. Мне нужно выбраться из дома — кроме как пойти повидаться с Сарой, как я сделала этим утром. Мне нужно снова найти какую-то нормальную жизнь.

Мы быстро прощаемся с мамой, и я говорю ей, что собираюсь провести ночь с Тоби и что увижу ее утром, прежде чем мы ускользнем из дома.

— Подожди, — говорю я, поворачиваясь назад, когда реальность бьет меня по голове. — Я еще не собрала сумку.

— Тебе ничего не нужно.

— Тоби, мне нужно—

— Нет, — перебивает он, прижимая меня спиной к своей машине. — Все, что тебе нужно, это — это сексуальное тело, — говорит он, проводя пальцем вверх центру меня, пока не касается моего подбородка. — И этот умный рот. — Он дразнящим движением проводит по моим губам, но никогда не наклоняется вперед, чтобы поцеловать меня так, как я этого хочу.

— Но как насчет—

— Ты мне доверяешь? — он умоляет меня.

— Я не должна.

— Нет, Демон. Вероятно, тебе не следует. Но это не значит, что ты не делаешь это.

Я прикусываю нижнюю губу, когда он смотрит на меня сверху вниз, ожидая моего ответа. Ответ, который он уже знает. Он не стоял бы там, где он есть, проведя последние несколько дней на моей стороне, если бы я не доверяла ему.

— Да, — признаюсь я.

— Тогда тебе больше не о чем беспокоиться.

— Я собираюсь официально познакомиться с твоими родителями, думаю, мне есть о чем беспокоиться.

— Мама уже любит тебя, — говорит он, открывая для меня пассажирскую дверь, но быстро хватает меня за подбородок, прежде чем у меня появляется шанс проскользнуть внутрь. — Точно так же, как и я.

Его глаза темнеют от его слов. Он говорил похожие вещи несколько раз за последние пару дней, но он никогда не произносил настоящих слов.

Я знаю почему. После того как я умоляла его не говорить их раньше, он боится снова меня отпугнуть. О том, что я была последней, кто столкнул меня с края в темный омут горя, который всегда ждет, чтобы затянуть меня в свои лапы.

Но не в этот раз.

Время, которое мы провели порознь, было именно тем, что мне было нужно, и в какой-то момент мне удалось расставить все по своим местам в моем сознании. Я обнаруживаю, что даже после пожара мне становится немного легче воспринимать все происходящее.

Если бы у меня не было того времени, того пространства, я понятия не имею, как бы я справилась со всем этим сейчас.

Как будто он знал, хотя, если только он не экстрасенс, я думаю, вероятность того, что это так, невелика. Но он дал мне именно то, что было нужно, чтобы я могла сосредоточиться, увидеть, что действительно важно. И прямо сейчас важна жизнь. Проживать каждый момент в полной мере и хватать любую возможность за яйца — это самое важное.

— Я тоже, — признаюсь я впервые.

Весь воздух вырывается из его легких, когда его глаза пылают огнем.

— Черт возьми, Джоди. Я—

— Мы опаздываем, — говорю я, подныривая под его руку и опускаясь на сиденье.

— Разве я не могу просто отвезти тебя к себе вместо этого? — бормочет он, звуча в основном серьезно.

— Абсолютно нет. Твоя мама ждет.

— Черт, — шипит он, проводя рукой по лицу.

Его глаза все еще горят, когда они снова встречаются с моими.

— Демон, — выдыхает он, прежде чем закрыть мою дверь и обойти машину спереди.

Он присоединяется ко мне и запускает двигатель, прежде чем посмотреть на меня.

— Если я не смогу заглушить этот стояк до того, как мы войдем в дом мамы и Галена и они заметят, я просто хочу указать, что это полностью твоя вина, — заявляет он так серьезно, что я не могу ничего сделать, кроме как покатиться со смеху. — Я рад, что один из нас находит это забавным, — бормочет он, одергивая брюки, прежде чем завести машину и выехать со своего места.

6

ТОБИ

— Наконец-то. Какого черта вы двое так задержались? — Стелла кричит, как только мы с Джоди заходим на кухню Галена, ее глаза светятся весельем, когда она засовывает язык за щеку.

— Подготовка занимает немного больше времени, когда ты весь в бинтах и синяках, сестренка, — говорю я. Это удар ниже пояса, я знаю, но я ничего не могу с собой поделать.

— Конечно. Именно это и было причиной, — бормочет она, не выглядя даже слегка смущенной своим заявлением.

— Пожалуйста, не обращайтесь внимания на мою дочь, ее рот чаще всего убегает вместе с ней.

— Правда, папа? — Стелла огрызается на Галена, который просто улыбается ей сверху вниз.

— Джоди, — говорит он, протягивая руку для моей девочки. — Приятно, наконец, познакомиться с девушкой, о которой я так много слышал. — Широкая улыбка озаряет его лицо, но когда я смотрю на Джоди, кровь, кажется, отхлынула от нее, а по шее пробегает рябь от резкого сглатывания.

— Я-я... э-э... не уверена, что это хорошее, учитывая обстоятельства.

— Поверь мне, все только хорошее. — Он продолжает улыбаться, прежде чем повернуться ко мне. — Сынок, приятно видеть, что ты выглядишь лучше.

Гален, Дэмиен и Эван ненадолго заехали в больницу проведать нас в какой-то неурочный час, пока Джоди спала. Было облегчением увидеть их троих стоящими на ногах и невредимыми. Я не ожидал, что Дэмиен или Эван окажутся в центре событий в Ловелле, но я был уверен, что Гален и Стефанос, вероятно, были вовлечены в это.

— Есть какие-нибудь новости о твоей подруге, милая? — спрашивает мама, присоединяясь к нам с изысканным коктейлем для Джоди и Стеллы.

— Пока нет. Она все еще в критическом состоянии, но стабильна.

Мама вздыхает, не в силах придумать, что сказать полезного. Я понимаю, буквально нечего сказать, что могло бы сделать это лучше.

— Если тебе что-нибудь понадобится — подвезти туда или обратно, чтобы навестить что угодно — ты просто позвони нам, хорошо?

Мое сердце наполняется радостью от предложения моей мамы, от того, как легко она приняла Джоди в нашей жизни, несмотря на очевидное. Для меня очень важно, что та личность, которой она является, не была запятнана кровью, которая течет в ее венах.

— Итак, что у нас на ужин? Я умираю с голоду, — объявляет Себ, забирая стакан Стеллы и отпивая немного ее коктейля, к большому ее раздражению.

— Э-э... жаркое, очевидно, — бормочет она.

— Знаешь, у нас могут быть и другие вещи. Другие британские штучки, — указывает он с ухмылкой. Я не знаю, почему он беспокоится, мы все знаем, что она собирается сказать.

— Зачем тебе это, когда ты можешь поужинать жаркое? Безусловно, это лучшее, что вышло из Британии... когда-либо, если вы спросите меня.

Брови Себа поднимаются, когда Гален подавляет смех.

— Лучшая вещь? — рычит Себ. — Тогда ты, должно быть, забыла, что я делал прошлой ночью с моим — Стелла ахает и прикрывает рот Себа рукой.

— Не смей произносить больше ни слова из этого предложения, Папатонис.

— Иисус Христос, во сколько говядина будет готова? — спрашиваю я, более чем рад сменить тему.

— Мы готовы сесть примерно через двадцать минут.

— Вы сказали нам всем быть здесь час назад, — указываю я.

— Я знаю своих детей, Тоби. — Она подмигивает, прежде чем повернуться к нам

спиной и пройти вглубь кухни, и Гален быстро следует за ней.

— Боже мой, даже твоя мама думает, что мы опоздали, потому что занимались сексом. — Последние два слова Джоди шепчет, ее щеки темнеют.

— Черт, ты такая милая, когда краснеешь, — говорю я ей, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в висок.

— Ты попытаешься убедить нас, что это не так, — смеясь, говорит Себ.

— Поверь мне, мы этого не делали.

— О, братан. Она ведь не скрывает от тебя ничего из-за того, что немного надышалась дымом, не так ли? — Себ поддразнивает, но то, как он при этом смотрит Джоди в глаза, дает ей понять, что он говорит это только для того, чтобы позлить меня.

— Не забивай этим свою маленькую головку, Себастьян. Я знаю, как правильно с ней обращаться. Не так ли, детка?

— Ты уже совершил путешествие в Аид? — спрашивает Джоди, стараясь изо всех сил. Она прекрасно знает, что они этого не делали, потому что Стелла снова упомянула об этом, когда приходила в гости.

— Что случилось, братан? Беспокоишься, что не сможешь справиться со всеми игрушками для больших мальчиков?

— Отвали. Я просто жду подходящего момента.

— Почти уверена, что это был День Святого Валентина, но какая разница, — усмехается Стелла, беря Джоди за руку и отводя ее от меня, чтобы они могли пойти и поговорить о нас наедине.

— Не жди слишком долго, Себастьян, или я могу просто позволить сделать это кому-то, кто более готов перевернуть мой мир, — предупреждает она.

— Ты бы не посмела, — рычит он, когда они вдвоем исчезают в направлении столовой. Себ все еще качает головой, когда я оглядываюсь на него.

— Ты ведь знаешь, что никогда не узнаешь конца этому, пока не отведешь ее туда, верно?

— Я собираюсь отвести ее. Ты думаешь, я бы пропустил что-то подобное? Как я уже сказал, я просто жду подходящего времени.

— Мы должны посмотреть, сможем ли мы забронировать это место. Устроить там частную вечеринку.

— Со своей сестрой? — Себ колеблется.

— Это не просто одна большая комната для групповухи. Но иметь все это место в своем распоряжении, безусловно, привлекательно.

Он кивает, видя, к чему я клоню.

— Нико и Алекс были бы в бешенстве, если бы мы отвезли их туда без девочек.

— Было бы здорово увидеть выражение их лиц, когда они поймут, что единственная свободная и незамужняя девушка — это Калли.

— Верный способ убить Алекса.

— Ты думаешь, он пойдет на это?

— Черт возьми, да. За его флиртом скрывается нечто большее, чем он показывает. Он, наверное, сейчас дома, трахает нашу невинную маленькую принцессу, пока мы разговариваем.

— И есть визуальный ряд, в котором я никогда не нуждался, — язвительно замечаю я.

— А если серьезно, братан. Ты не задумывался, почему он до сих пор не переехал?

— Очевидно. Я просто предположил, что он трахался с новой экономкой своего отца или что-то в этом роде.

— Я имею в виду, да. Это определенно возможно. Но я больше думал, что это потому, что дом Эвана ближе к Стефаносу, чем наше место. Было бы проще прокрасться незаметно, немного поработать в подвале. Черт знает, сколько раз мы все пробирались туда незамеченными, пока там был Нико.

У меня опускается подбородок, потому что в том, что он говорит, есть большой смысл, и это действительно звучит так, как поступил бы Алекс. Но с Калли... нет, конечно, нет?

— Ты знаешь, что я прав, братан, — говорит он с дерьмово-самодовольной ухмылкой.

— Нет, я так не думаю. Может, у него и встает из-за нее, но он не настолько чертовски глуп.

— Ладно, может быть, он достаточно глуп, — соглашаюсь я. — Я просто не уверен.

Раздается звонок, и мама с Галеном начинают суетиться на кухне.

— Я собираюсь принести нам пива. Тогда нам, наверное, стоит пойти и посмотреть, не нуждается ли Джоди в защите от Стеллы, — говорю я легкомысленно.

— Ты говоришь о своей сестре.

— Именно это я и хочу сказать. Джоди не нужны больше причин ненавидеть меня.

— Эта девушка далека от того, чтобы ненавидеть тебя, чувак. Ты ее зацепил.

Он ухмыляется мне, когда мы направляемся к двери, их голоса становятся громче по мере того, как мы приближаемся к ним, и я не могу удержаться от улыбки, когда думаю о ее признании возле дома Джоан. Мое сердце переполняется, а тело горит от желания быть с ней рядом. Возможно, она не сказала точных слов, но ей и не нужно было. Я уже вижу это в глубине ее темно-шоколадных глаз.

Вечер среды, возможно, был сущим адом, но я не могу не испытывать благодарности за то, что он снова свел нас вместе. Возможно, с тех пор она сказала мне, что всегда будет возвращаться ко мне, но я никогда не узнаю, так ли бы все обернулось. Я слишком хорошо помню, что я чувствовала, когда с каждым днем наше общение становилось все меньше и меньше. Страх, что между нами все кончено, был реальным. Я просто должен верить, что у нас всегда было будущее впереди, даже несмотря на все, что произошло.

Громкий звонок телефона Джоди прерывает разговор за столом, пока мы едим, и она вскакивает, как будто ее задница в огне.

Я знаю, кто это, еще до того, как слова слетают с ее языка. Я слишком хорошо помню, как она установила этот рингтон, чтобы ничего не пропустить.

— Это Джесси, — объясняет она всем остальным, ее взгляд останавливается на маме, когда на ее лице появляется извиняющееся выражение.

— Иди, милая. Мы понимаем.

— Спасибо, — говорит она в спешке, почти выбегая из комнаты, чтобы она могла принять звонок в уединении. Она просто подносит телефон к уху, прежде чем завернуть за угол, и мое сердце замирает в груди, когда она приветствует его, требуя сообщить, не случилось ли чего.

У меня мурашки по коже от всеобщего внимания ко мне.

— Тебе следует пойти за ней, — мягко говорит мама. — Если она... — Она замолкает. — Ты можешь ей понадобиться.

Я киваю, уже наполовину встав со стула, прежде чем она произнесла эти слова.

— Что бы ни случилось, — говорит Стелла, останавливая меня, прежде чем я успеваю убежать, — с ней все будет в порядке. Она сильнее, чем ты думаешь.

— Конечно, она такая. В ее теле течет кровь Чирилло, — гордо заявляю я, хотя этим заявлением игнорирую очевидное.

— Калли занята работой над жакетом принцессы, — язвительно замечает Стелла, когда я выхожу из комнаты.

Я испытываю любовь и ненависть к этим гребаным дамским курткам Cirillo Pink, которые сделала Калли. Они навевают воспоминания, которые я предпочел бы забыть с Хэллоуина, но также я действительно хочу увидеть Джоди в одной из них. Или, что еще лучше, одно из платьев из Оксфорда. Я могу просто представить ее в одном из них с моим именем и номером на спине, говорящей всем, что она моя.

Черт возьми, да.

— Да? — с надеждой спрашивает она, когда я вдыхаю, и вздох облегчения срывается с моих губ. — Джесси, это... — Ее слова прерываются, когда он говорит.

Я стою в конце коридора, наблюдая, как она прислоняется спиной к стене и смотрит в потолок, впитывая все, что он говорит.

— Да, я знаю. Но это первый шаг, Джесси.

Они разговаривают еще несколько минут, прежде чем она прощается, проинструктировав его передать ей воздушный поцелуй от нее и повесив трубку.

Она глубоко вздыхает, прижимая телефон к груди.

— Детка, — шепчу я, не желая пугать ее. — Что он сказал?

Она поворачивается ко мне с надеждой, наполняющей ее глаза.

— Она реагирует на лечение. Ее характеристики улучшаются.

Уголки моих губ приподнимаются в зарождении улыбки.

— Это здорово.

— Все еще может пойти совсем не так, но это начало.

— Это так. Это прогресс. Она сражается. — Я беру ее руки в свои и притягиваю ближе. — Она хочет вернуться к вам обоим.

Джоди шмыгает носом, смаргивая слезы, наполняющие ее глаза.

— Хочешь сходить проведать ее? — спрашиваю я, прекрасно зная, что это именно то, что она хочет сделать.

— Это нормально? Я не хочу убежать и портить—

— Ты ничего не портишь. Все понимают. Пошли. — Я отрываю ее от стены и прижимаю к себе.

В ту секунду, когда мы снова входим в столовую, все смотрят на нас с ожиданием.

— Она начала реагировать на лечение, — говорю я, когда Джоди прерывисто дышит.

— О, это фантастика, — восхищается мама.

— Все еще очень рано, но это хороший знак.

— Ты хочешь, чтобы я упаковала для тебя десерт, чтобы ты могла пойти и повидаться с ней? — спрашивает мама, прежде чем мы начинаем что-то говорить.

— В этом действительно нет необходимости, Мария. Тебе не нужно—

— Не глупи, милая. К тому же, это любимое блюдо Тоби. Мне бы не хотелось, чтобы вы оба его пропустили.

У меня урчит в животе, несмотря на огромный жареный ужин, который мы только что съели. Не секрет, что, хотя Стелла может прийти сюда ради основного блюда, я всегда

смотрю на то, что будет после.

— Это предложение, от которого я не могу отказаться, — говорю я, и мама выбегает из комнаты. Встретившись взглядом со Стеллой, я обещаю позвонить ей позже и сообщить последние новости, и после быстрого прощания и обхода кухни за моим чизкейком мы выбегаем из дома.

Я кладу его на колени Джоди после того, как мы садимся в мою машину, и она смотрит на контейнер, прежде чем застенчиво поднять взгляд на меня.

— *Дежавю?* — бормочет она.

— У сегодняшнего вечера будет лучший конец, — серьезно говорю я ей.

— Это обещание?

— Черт возьми, да. У меня есть моя любимая девушка и мой любимый десерт. Что может быть лучше?

Между нами воцаряется тишина, когда мы проезжаем через ворота дома Галена и сворачиваем на дорогу.

— Знаешь, нам все еще нужно поговорить о том, что должно произойти... с ним, — говорит Джоди, отчего у меня в животе завязывается узел.

— Когда ты будешь готова. Он в безопасности, и за ним присматривают... в какой-то степени.

Протягивая руку, я беру ее за свою и переплетаю наши пальцы.

— По одной проблеме за раз, да? Сара нуждается в тебе прямо сейчас больше, чем он когда-либо мог.

Она кивает в знак согласия, но продолжает, несмотря ни на что.

— В основном, я думаю, что для всех было бы лучше, если бы его не существовало. Даже там, внизу, я знаю, что его присутствие давит на тебя. На всех.

— Все, что тебе нужно сделать, это произнести нужные слова. Просто помни, что жизнь — это долгий срок, чтобы жить с сожалениями, поэтому убедитесь, что ты уверена, прежде чем мы сделаем что-то, чего не сможем вернуть, — предупреждаю я.

Возможно, у меня не возникнет проблем с тем, чтобы спуститься туда и всадить ему пулю между глаз и, наконец, оставить все это позади. Но все это — этот мир — для Джоди в новинку, и я не ожидаю, что она справится с чем-то настолько окончательным и изменяющим жизнь, как отнятие чужой жизни, так легко, как мы все можем сейчас.

7

ДЖОДИ

Мое настроение сразу же омрачается при упоминании *него*. И это не потому, что он солгал мне, или потому, что я все еще оплакиваю свою потерю. Это исключительно из-за темной тучи, которой его существование нависло над всеми нашими головами.

Пока он еще дышит, я знаю, что Тоби никогда не сможет отпустить свое прошлое. Стелла никогда не сможет забыть ужасные вещи, которые с ней произошли из-за его потребности контролировать каждый аспект жизни окружающих его людей. И мама... Я вздыхаю, мой желудок сжимается от того, что я даже не сказала ей, что он все еще жив. Чувство вины охватывает меня, когда я думаю о том факте, что я лгала ей.

Но это для ее же блага... не так ли?

— Ты в порядке, детка? — спрашивает Тоби, оглядываясь, пока мы мчимся к больнице.

Я знаю, что в состоянии Сары на самом деле ничего не изменилось. Я не ожидаю, что ворвусь в ее комнату и обнаружу, что она пялится на меня в ответ или что-то в этом роде — я знаю, что мы очень, очень далеки от этого. И я с болью осознаю, что все может быстро измениться.

Но мне нужно быть там. Мне нужно верить, что она знает, что мы все болеем за нее. И мне нужно быть рядом с Джесси.

Прямо сейчас он едва держится за свой рассудок, и если мое присутствие каким-либо образом поможет ему собраться, то я охотно это сделаю.

Он хмурился на меня каждый раз, когда я появлялась, чтобы увидеть ее за последние несколько дней. Он пытался разыграть передо мной свой жуткий гангстерский трюк плохого мальчика, чтобы заставить меня пойти домой отдохнуть. Однако ему нужно понять, что я не та слабая, наивная девушка, которую он впервые встретил. Возможно, прошло всего несколько недель с тех пор, как я встретила Тоби и узнала правду о своих корнях, но я чувствую себя другим человеком.

Я сильнее, выносливее.

И это чертовски вдохновляет.

Может, я и не такая крутая задница, как Стелла, но я определенно обрела некоторую силу и довольно непробиваемую броню во всем этом.

Тоби сделал это.

Возможно, он причинил мне боль так, как я никогда не могла себе представить, так, как я никогда не хотела бы причинить боль кому-либо еще. Но он также освободил меня, когда я даже не знала, что нахожусь в клетке. Он показал мне ту часть меня, о которой я и не подозревала, что ее не хватает, образ жизни, о существовании которого я не имела понятия. И каким бы ужасающим это ни было, я думаю, что готова принять это.

Возможно, я никогда не назову фамилию моего настоящего отца своей собственной, но это не значит, что я не одна из них. И помимо очевидного, все, что они сделали с тех пор, как открылась правда, — это открыли мне свою семью.

Я хочу этого.

Я так чертовски сильно этого хочу.

Я думаю о каждом из них. Заботливое, любящее сердце Тоби. Нико... и его причуды. Сила Стеллы и любовь, которую она питает к Себу, к каждому из своих мальчиков. Жизнестойкость Эмми. Юмор и легкость Алекса по сравнению с мрачностью и грубостью Деймона. Тонкое, но властное поведение Тео гарантирует, что все знают, кто здесь главный. И спокойная уверенность Калли, которую, я думаю, ребята неверно истолковывают как невинность.

Я никогда раньше не хотела быть частью группы, но будь я проклята, если я не хочу быть поглощенной их семьей, стать одной из них.

На моих губах появляется улыбка, когда Тоби молча садится рядом со мной, все еще держа меня за руку в знак тихой поддержки, пока я пытаюсь разобраться со своими мыслями.

— Да, — наконец говорю я. — Я в порядке.

Он оглядывается еще раз. — Хорошо. Я тоже.

Мы обмениваемся улыбкой, прежде чем он вынужден снова посмотреть на дорогу.

Как и ожидалось, улучшение Сары было только в статистике. Она выглядит такой же

бледной, как и сегодня утром. Но этим вечером в моих жилах было немного больше надежды, и я уверена, что когда Джесси улыбнулся мне, это было немного менее натянуто.

Арчер также убедил его вернуться к себе, принять душ и переодеться, когда родители Сары приехали, что является маленьким чудом, и он выглядел лучше, чем я видела его с тех пор, как началось все это испытание.

Все постепенно начинало двигаться в правильном направлении, и впервые за долгое время я чувствовала себя хорошо из-за того, куда может завести меня будущее.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — кричит Тоби, когда я демонстративно снимаю крышку с контейнера с его любимым чизкейком, когда мы находимся всего в нескольких минутах от его дома.

— Чувствую себя немного голодной, — говорю я как можно невиннее. На самом деле, я чувствую себя нервной и более чем немного возбужденной, зная, что есть все шансы, что он собирается закрыть входную дверь своей квартиры и выполнить все грязные обещания, которые он дал мне за последние несколько дней.

Его подбородок опускается, и он изо всех сил старается не отрывать глаз от дороги, пока я провожу пальцем по сладкой сливочной начинке.

— Джоди, — рычит он, его взгляд опускается на мои губы, когда я приоткрываю их, прежде чем он вынужден снова смотреть вперед.

Поднося палец ко рту, я засовываю его внутрь и показательно посасываю, позволяя низкому стону вырваться из моей груди.

— Ммм... это так вкусно.

Его кадык дергается, когда он резко сплывает, от его хватки за руль костяшки пальцев белеют.

— Господи, — бормочет он, немного ерзая на своем стуле.

— О, ты хотел немного? — Я спрашиваю, как будто эта мысль не приходила мне в голову.

Его челюсть отвисает от разочарования, когда он сворачивает за угол, не замечая, как я насаживаю на палец еще немного начинки для чизкейка и подношу ему.

— Джоди, я — он начинает рычать, но его слова обрываются, когда я провожу пальцем по его губам, прежде чем ввести его внутрь, не оставляя ему выбора, кроме как облизать его дочиста, что он с радостью и делает.

Его скорость замедляется, когда он смакует сладость.

— На тебе это еще вкуснее, Демон, — говорит он, жадно облизывая губы.

— Ну, тогда тебе лучше побыстрее вернуть нас обратно, — поддразниваю я.

— Что... — начинает он, но снова его слова быстро улечиваются, когда я отстегиваю ремень безопасности и наклоняюсь над центральной консолью. Я облизываю топпинг, которым только что измазала его челюсть, когда он заезжает на парковку перед своим зданием и направляется к подземному гаражу. — Иисус, Демон.

— Я хотел посмотреть, каков он на вкус у тебя. Если я правильно помню, в прошлый раз тебе было очень весело.

Я мысленно возвращаюсь к лучшей части *того* вечера — к тирамису, которое я едва успела попробовать.

— Ты не услышишь от меня жалоб. Я охотно буду твоим блюдом в любой день, — говорит он, когда я прокладываю поцелуями дорожку вниз по его шее, его пульс грохочет под моими губами.

Балансируя на коленях, я кладу руку ему на грудь и медленно перемещаю ее на юг, когда перед нами открывается дверь гаража.

Бедра Тоби отрываются от сиденья в отчаянном желании моего прикосновения задолго до того, как я добираюсь до его пояса.

— Кое-кто немного нетерпелив, — бормочу я ему в горло, когда мои пальцы проникают под ткань его рубашки.

— Ты хочешь сказать, что те крошечные трусики, которыми ты дразнила меня ранее, сейчас не насквозь мокрые для меня, Демон?

Мое тело горит от желания, а щеки горят от его слов, зная, что они более чем правдивы.

— Вероятно, настолько же сухие, насколько ты мягкий, — признаюсь я, опуская руку ниже, чтобы погладить его член через ткань брюк.

— Господи, — ворчит он, когда я сжимаю его твердый, как камень, член.

Облизывая мочку его уха, я наклоняюсь ближе и шепчу: — Интересно, насколько сладким ты был бы, покрытый чизкейком?

Его член дергается в моей руке от моих слов.

— Я... я думаю, тебе, вероятно, следует узнать ответ на этот вопрос, — стонет он, когда я расстегиваю его ремень и быстро расстегиваю пуговицу и опускаю молнию. — Чертовски люблю, когда ты жадно тянешься к моему члену, Демон. — Еще один громкий стон разрывает воздух, когда я просовываю руку ему под боксеры и хватаю его.

— Иисус. Черт.

Машина резко останавливается, и не прошло и секунды, как он помогает мне выйти, приподнимая бедра и стягивая брюки и боксеры вниз, позволяя своему члену высвободиться.

Его пальцы запутались в моих волосах, увлекая меня туда, где я нужна ему больше всего.

— Подожди, — кричу я, и он немедленно успокаивается.

— Черт. Я причинил тебе боль? — спрашивает он, озабоченно хмуря брови.

— Нет, нет. Я в порядке. — Ничего такого, с чем не справились бы мои обезболивающие в последние несколько дней. — Мне просто нужно...

Я зачерпываю огромную порцию чизкейка и разрисовываю им кончик его члена.

— Черт возьми, да, — стонет он, прежде чем снова прижать меня к себе, его потребность в контроле слишком велика, чтобы он мог отрицать, даже в ситуации, когда он знает, что я обладаю каждой унцией власти.

В ту секунду, когда я нависаю прямо над головкой его члена, я высовываю язык и облизываю сладкую начинку.

— Ммм, — напеваю я, продолжая лакать его, наслаждаясь сладостью чизкейка и его уникальным захватывающим вкусом.

— Черт возьми, детка. Мне нужно больше, — ворчит он, двигая бедрами в своей потребности погрузиться в мои губы, но я поднимаюсь, не позволяя ему взять верх.

— Хорошая попытка.

Его хватка на моих волосах усиливается в наказание, между моих бедер расцветает жар. Он тоже это знает, потому что он закручивает юбку моего платья вокруг талии и опускает пальцы между моих бедер.

— С тебя капает, детка.

— Давно не виделась, — поддразниваю я.

— Чертовски долго.

На этот раз, когда он толкает меня ниже, я приоткрываю губы и беру его. Как только он

касается задней части моего горла, его пальцы проникают под покрывающее меня кружево, и он толкает два толстых пальца внутрь меня.

Я стону вокруг его члена, когда он растягивает меня самым восхитительным образом, и его предварительная сперма покрывает мой язык, когда я беру его длину.

— Вот и все, Демон. Черт возьми, да, — рывкает он, удерживая мою скорость и движения рукой, запутавшейся в моих волосах.

Я едва могу дышать, когда он доводит меня до опасной близости к оргазму за возмутительно короткое время. Я не сдаюсь, отчаянно пытаюсь заставить его потерять контроль.

Но как только его член набухает, готовый взорваться, он стаскивает меня с себя, моя кожа головы горит от резкого движения.

— Тоби, — жалуясь я, оплакивая потерю его пальцев, а также члена.

— Я не кончу тебе в рот, детка. Прошло слишком много времени. Мне нужно погрузиться по самые яйца в твоё тело и чувствовать, как ты кончаешь на меня.

Мой визг шока эхом разносится по замкнутому пространству, когда сиденье Тоби откидывается назад, и он тащит меня через консоль прямо к себе на колени.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и мое сердце воспаряет от того, что он не забывает о моем комфорте, даже находясь на грани оргазма.

— Мне будет лучше, когда я буду насажена на твой член.

— Иисус.

Его большие руки обвиваются вокруг моей талии, и он ставит меня над собой.

— Тогда выстраивай нас в линию, детка.

Протянув руку между нами, я прикасаюсь к своему входу головкой его члена, прежде чем он одновременно толкается вверх и опускает меня вниз.

— Тоби, — кричу я в шоке, пока мое тело борется, чтобы приспособиться к вторжению.

Он ждет удара, понимая, что мне нужно мгновение, прежде чем его пальцы снова запутаются в моих волосах, а мои губы прижмутся к его губам, когда он начнет входить в меня, как одержимый.

Его язык гладит мой, прежде чем он прикусывает, посылая вспышку удовольствия прямо к моему клитору.

— О, черт, Тоби, — кричу я, выгибая спину, позволяя его члену коснуться этого сладкого местечка внутри меня.

Отпуская мои волосы, он убирает мои руки со своих плеч и заводит их мне за спину, удерживая их там одной из своих, заставляя меня сохранять угол наклона.

— Черт возьми, Демон. Твоя киска чертовски хороша, — выдавливает он сквозь стиснутые зубы. — Я мечтал оказаться внутри тебя каждую ночь с тех пор, как позволил тебе уйти.

— Тоби, — тяжело дышу я, быстро теряя контроль.

Моя грудь вздымается, заставляя легкие болеть, но мне все равно.

Прямо сейчас мне похуй на все, кроме парня между моих бедер и того, как он разрушается подо мной.

— Ты заставишь меня кончить так чертовски сильно, детка. Но ты хочешь этого, не так ли? Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя так хорошо, что ты будешь чувствовать это с каждым шагом к моей квартире.

— Да, да, — кричу я, прижимаясь к нему в своей потребности увидеть, как он ломается.

Его челюсть отвисает, когда он отчаянно пытается сдержаться, но мы оба знаем, что он не сможет так долго. Последние две недели, особенно последние несколько дней, были слишком напряженными. Потребность, желание, которые только усиливались между нами с каждым взглядом, каждым прикосновением, просто слишком велики.

— Ты так чертовски красива верхом на моем члене, Джоди.

— Да, пожалуйста. Тоби. Тоби, — повторяю я, мое освобождение становится все ближе, пока его рука не исчезает у меня под юбкой, а большой палец не надавливает на мой клитор, заставляя меня упасть со скалы, на которую я взбиралась.

— Тобиинии! — Я кричу, мое тело содрогается в конвульсиях, когда мое освобождение врзается в меня с силой грузовика.

Каждое из моих нервных окончаний покалывает электрическими искрами, которые пробегают по моему телу, пока мой оргазм продолжается и продолжается, прежде чем я, наконец, вытаскиваю его из Тоби.

Его громкий рев эхом разносится по всему салону автомобиля, когда его темные и голодные глаза впиваются в мои с такой интенсивностью, что эмоции обжигают мне горло, пока на глаза не наворачиваются слезы.

Его член яростно дергается, высвобождая все, что у него есть внутри меня.

Громкий хлопок за пределами машины, мгновение спустя, заставляет мое сердце подпрыгнуть к горлу. Наши взгляды встречаются, прежде чем раздаются новые глухие удары, и машина начинает раскачиваться.

— Черт возьми, вылезай оттуда, Тобиас, — кричит знакомый рокочущий голос.

— О, Боже мой, — выдыхаю я, падая вперед, прижимаясь к телу Тоби и пряча лицо в изгибе его шеи.

Он, кажется, и близко не так подавлен, потому что вскоре его тело начинает сотрясаться от смеха. Когда его размягчающийся член все еще внутри меня, это движение вызывает восхитительные толчки, позволяя мне еще немного задержаться в удовольствии.

Звук опускаемого окна заставляет меня зажмуриться, прежде чем грудь Тоби вздымается подо мной, когда он говорит.

— Отвали, иди и найди свою собственную девушку.

— Мне, блядь, придется, — говорит другой голос, и когда я поднимаю взгляд, я нахожу Алекса, стоящего там с дерьмовой ухмылкой. — Прямо сейчас я чертовски тверд.

Откуда-то черпая уверенность, я вытаскиваю голову из своего укрытия.

— Слишком много информации, — кричу я.

— Это говорит девушка, в которой все еще находится член нашего парня, — язвительно замечает Нико.

— По крайней мере, он больше твоего, — невозмутимо заявляю я.

Тишина, которая следует за этим, оглушает, прежде чем Тоби и Алекс заливаются смехом.

— О, все в порядке, брат. Нет ничего постыдного в том, что девушке приходится потом кончать самой, — дразнит Алекс, их голоса удаляются.

— Пошел ты. Я никогда не бросал девушку ни с чем.

— Конечно. Потому что ты всегда был богом секса, — бормочет Алекс перед тем, как захлопывается дверь, за которой следует блаженная тишина.

ТОБИ

Смех Джоди заставляет светиться каждый дюйм моего тела. Также чертовски помогает то, что при каждом смешке она сжимает мой быстро набухающий член.

— Твои друзья—

— Друзья? — спрашиваю я с ухмылкой. — Я их едва знаю.

Протягивая руку, она проводит большим пальцем по моей нижней губе, держа ее вне досягаемости, не давая мне засосать его в рот.

— И что теперь? — спрашивает она, ее глаза следят за движением большого пальца. — Ты поступил со мной по-своему. Мы устроили шоу для твоих не-друзей. — Она наклоняет голову в сторону в движении, которое слишком чертовски мило, учитывая, что в данный момент она насажена на мой член, а моя сперма вытекает из ее тела.

— Ты думаешь, я закончил с тобой? — спрашиваю я, обхватывая пальцами ее запястье и поднимая ее руку, чтобы наконец-то захватить ее большой палец.

Обводя языком кончик, я нежно прикусываю, наслаждаясь тем, как расширяются ее зрачки.

— Тоби, — стонет она, ее киска дразнит меня почти невинным движением.

— Черт возьми, детка. Ты, блядь, полностью обезоруживаешь меня.

Я наблюдаю за ней, когда ее бедра начинают вращаться, и она снова начинает оседлывать меня.

— Тебе нравится мой член внутри тебя, не так ли, Демон?

— Ты знаешь, что это так.

— Используй меня. Доведи себя до оргазма. Но я не буду трахать тебя, пока мы не окажемся наверху. Я собираюсь не торопясь раздеть тебя догола, дразня каждый дюйм твоего тела.

Ее голова запрокидывается, а движения становятся все более и более беспорядочными, и пальцы ее свободной руки обхватывают мое плечо.

Мне требуется каждая унция моего самообладания, чтобы просто не трахнуть ее снова. Но наблюдать, как она распадается на части, используя меня для собственного удовольствия? Черт. Это завораживает.

Сжимая ее руку, которую я все еще прижимаю к своей груди, я позволяю ей почувствовать, как сильно бьется мое сердце.

— Тоби, — вздыхает она, когда ее глаза встречаются с моими.

Ее глаза полны жара и голода, но в их глубине скрывается гораздо больше. Я все вижу. Все то, в чем она слишком напугана, чтобы должным образом признаться вслух.

Но мне не нужны ее слова. Не тогда, когда у меня есть это.

— Ты чувствуешь это, детка? — Она кивает, и я задаюсь вопросом, понимает ли она, что я имею в виду свое сердце, а не член.

— Д-да. Черт. — Ее тело дрожит от надвигающегося оргазма, а кожа приобретает самый красивый оттенок красного, когда она готовится кончить.

— Я твой, — говорю я ей серьезно. — Я мог бы отпустить тебя, но я никогда не собирался освободить тебя.

— Да, да, — повторяет она, ее бедра двигаются так, что мой член продолжает тереться именно о то место, в котором ей это нужно. — Да. Черт. ТОБИ, — плачет она, и, несмотря

на то, что я сказал ей, что не собираюсь трахать ее снова, я обнаруживаю, что мои бедра толкаются вверх, прежде чем я неожиданно снова выстреливаю в нее своим зарядом.

— Что ты делаешь со мной, детка?

— Надеюсь, я заставляю тебя чувствовать себя хорошо, — выдавливает она из себя между тяжелыми вдохами, когда спускается со своего кайфа.

— Прочь этот гребаный мир.

Засовывая руки ей под юбку, я обхватываю пальцами тонкое кружево и тяну, пока оно не рвется и не спадает свободно с ее тела.

Вздых Джоди разрывает воздух, когда я вытаскиваю его из-под нее и подношу к своему носу.

— О, Боже мой, — всхлипывает она.

— Не могу дождаться, когда попробую тебя, детка. Вылижу тебя дочиста, прежде чем я снова тебя испачкаю.

Ее зубы впиваются в нижнюю губу, когда она смотрит, как я засовываю их в карман куртки.

— Грязный пес.

— Тебе это нравится, — замечаю я, наконец, поднимая ее со своих колен и усаживая обратно на ее место. — Но осторожнее, пятна от спермы с этой обивки не так-то просто вывести, — поддразниваю я, изо всех сил сдерживая ухмылку.

Ее голова резко поворачивается ко мне, ее губы приоткрываются в шоке.

— Сколько девушек ты здесь трхнул, Тобиас? — шипит она.

— О, детка. Ревность так чертовски хорошо на тебе смотрится.

— Отвали, я не ревную, — возражает она с раздражением.

— Конечно. Так ты в данный момент не представляешь сто один способ причинить боль любой девушке, которая когда-либо прикасалась ко мне?

— Нет, конечно, нет. Я оставляю тебя с мыслями о пытках и убийствах, если тебе все равно.

Я откидываю голову назад, смеясь над ее словами.

— Черт возьми, я подумал, что это может быть что-то вроде сближения пар, что мы могли бы сделать вместе.

— Убивать твоих бывших? — спрашивает она, ее глаза расширяются.

— Что ж... Я бы не зашел так далеко, чтобы называть ни одну из девушек, с которыми я проводил время до этого, бывшими. Ты единственная девушка, которая когда-либо что-то значила для меня, — признаюсь я, протягивая руку и касаясь ее щеки.

— О, — вздыхает она, выражение ее лица смягчается. — И все же, ты на самом деле еще не попросил меня стать твоей девушкой. Будь осторожен, Тобиас, или я начну думать, что ты несерьезно ко мне относишься.

Прежде чем я даже успеваю сформулировать ответ на этот комментарий, она распахивает свою дверь и выпрыгивает.

Дотягиваясь до упаковки с чизкейком, которую она благополучно поставила на приборную панель, я следую за ней, по ходу прячась, и догоняю ее как раз перед тем, как она достигает двери.

— Пытаешься сбежать, детка? — спрашиваю я, нащупывая низ ее юбки и запуская руку под нее.

Ее бедра в беспорядке, когда моя сперма стекает по ним.

— Тоби, — кричит она и пытается вырваться вперед.

— Ты не можешь убежать от меня, детка. И даже если бы ты могла, вряд ли ты забыла бы, кому ты принадлежишь в ближайшее время, когда из тебя вытекает вся моя сперма.

— Господи, — бормочет она, когда я толкаю в нее два пальца.

— Нажми кнопку вызова, Демон, — требую я, прежде чем прижать ее к стене рядом с лифтом, продолжая трахать ее пальцами, загоня всю свою сперму, которая еще не стекла по ее бедрам, обратно в нее.

У меня слюнки текут при мысли о том, чтобы всего за несколько минут уложить ее на свою кровать и есть до тех пор, пока она не забудет собственное имя.

— Тебе лучше надеяться, что эти двери не откроются и не покажут твою сестру, — говорит она, задыхаясь.

— Поверь мне, она видела и делала кое-что похуже.

Однако, к счастью, когда двери все-таки открываются, за ними оказывается пустая кабина.

Прижимаясь всем телом к ее спине, я касаюсь губами раковины ее уха.

— Последний шанс попытаться сбежать, Демон, — предупреждаю я. — Несколько минут назад ты сказала мне, что я не просил тебя быть моей. Что ж, я могу заверить тебя, что к тому времени, как я закончу с тобой сегодня вечером, у тебя не останется сомнений в том, кому именно ты принадлежишь.

Сильная дрожь пробегает по ее телу от моих слов.

— Ты хочешь быть моей, Джоди?

— Да, — стонет она.

— Ты хочешь быть одной из нас? Темной, развратной и чертовски смертоносной?

— Да, — кричит она громче, пока я продолжаю работать с ней.

— Черт, — выдыхаю я, припадая губами к ее шее. — Не могу дождаться, когда увижу тебя с пистолетом в руке, — стону я. Я слишком хорошо помню, как наблюдал за Стеллой и Калли на стрельбище. Я могу только представить, как чертовски сексуально будет выглядеть Джоди.

— Тоби, — хнычет она, когда ее мышцы начинают сжимать меня сильнее. — Мне нужно—

Вырывая свои пальцы из нее, я обнимаю ее и крашу ее губы нашими объединенными соками.

— Лижи, — требую я, поворачивая ее так, чтобы я мог наблюдать за ней. — Нравится?

Она кивает, втягивая нижнюю губу в рот, чтобы насладиться вкусом, и моя сила воли на исходе. Я запускаю пальцы в свой рот, позволяя нашему общему вкусу взорваться на моем языке.

— Так чертовски мило, Демон.

Схватив ее за горло, я толкаю ее обратно в ожидающий лифт и не останавливаюсь, пока вздох шока не срывается с ее губ, когда она ударяется спиной о заднюю стенку.

Протягивая руку, я нажимаю кнопку нашего этажа, прежде чем прижаться губами к ее губам и раствориться в ней, пока мы поднимаемся вверх.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — кричит Джоди, когда я оставляю ее в гостиной своей квартиры и направляюсь на кухню.

— Достань ложку, — говорю я, как будто это должно быть очевидно.

— Ты не можешь быть серьезным? — Она дуется, ее глаза следят за каждым моим движением.

— Что случилось, детка? Ты думала, что ты единственное, что я хотел съесть сегодня вечером? — Говорю я, вытаскивая ложку из ящика и поднимая ее вместе с контейнером, когда поворачиваюсь к ней с широкой улыбкой на лице.

— Отлично, — шипит она, направляясь к моей спальне. — Думаю, мне просто придется закончить самой. Придурок, — бросает она через плечо, когда я ухожу вслед за ней.

Не сводя глаз с того, что, как я знаю, является ее голой задницей под платьем, я зачерпываю ложкой чизкейк и издаю стон, когда сладость попадает мне на язык. Того поддразнивания, которым она меня одарила в машине, было недостаточно.

Я позволяю ей продолжать думать, что она уходит от меня, пока она не оказывается посреди моей спальни.

Прислоняясь плечом к дверному косяку, я вытаскиваю ложку изо рта и рывкаю: — Остановись.

Она делает это немедленно.

— Хорошая девочка, — говорю я с довольной улыбкой.

Ее голова опускается, и я могу только представить, как ее губы тоже изгибаются.

— Повернись, Демон.

Это занимает у нее несколько секунд, и как раз в тот момент, когда я думаю, что она собирается бросить мне вызов, она поворачивается, но не отрывает глаз от пола. Стоит передо мной в одном розовом платье и черном лифчике, скрывающемся под ним.

— Глаза. На. Меня, — требую я, и медленно, так чертовски медленно, она поднимает их, пока ее темно-шоколадные глаза не встречаются с моими.

У меня перехватывает дыхание от их глубины. Мне нравится, когда она раскрывается так, как сейчас. Я могу прочесть все ее уязвимости, ее страхи, ее эмоции. Это заставляет меня чувствовать себя ближе к ней, чем к кому-либо в моей жизни. Это чертовски пьянящий опыт.

Отталкиваясь от дверного косяка, я сокращаю пространство между нами. Зачерпнув еще ложку, я подношу ее к ее рту, но прямо перед тем, как ее губы приоткрываются, чтобы принять ее, я забираю ее обратно и запихиваю себе в рот.

— Эй, — жалуется она.

— Я думал, что предупреждал тебя, детка, — язвлю я, как только проглатываю свой кусок. — Когда я чего-то хочу. Я беру это.

— Не волнуйся, я хорошо знаю, что происходит, когда ты чего-то хочешь.

Ее глаза следят за мной, когда я хожу вокруг нее.

Кладу то, что осталось от чизкейка, на прикроватный столик, выдвигаю верхний ящик и достаю то, что я здесь прятал.

— Ч-что это? — спрашивает она, когда я подхожу обратно.

— Подарок, — признаюсь я, и мой желудок сжимается от мысли, что ей это не понравится или она сочтет это глупым.

— Тоби, — вздыхает она. — Мне не нужно—

— Тсс... — Я прижимаю пальцы к ее губам, чтобы остановить ее спор. — Дело не в деньгах, это о нас.

— Х-хорошо, — бормочет она, обхватывая мои пальцы.

— Открой это, — призываю я, опуская руку и постукивая по крышке коробки.

Она протягивает руку и снимает крышку, открывая две коробки поменьше внутри, одну черную и одну белую.

Отрывая от них взгляд, она поднимает его на меня.

— Сначала черный, — говорю я.

Она кивает и тянется к ней, вытаскивая ее из коробки большего размера и снимая крышку.

Ее лоб морщится, когда она видит, что скрывается внутри.

— Ты купил мне домик для крошечного человека? — размышляет она, оценивая размер ключа.

— Неа, — говорю я, протягивая руку за ним и дергая за кожаный шнурок, на котором он свободно висит. — Это мое. — Я надеваю его на голову, позволяя маленькому ключу свисать на грудь.

— Ты даришь мне подарок, который принадлежит тебе? — спрашивает она, одна из ее бровей в замешательстве приподнимается после того, как она оторвала от него взгляд.

— Что-то вроде этого. Следующая.

Мой пульс учащается от предвкушения, когда она тянется за ней. В ту секунду, когда она достает белую коробку, я бросаю большую на пол и сокращаю пространство между нами.

Она ахает, как только открывает ее, и реальность поражает ее.

— Тоби, это —

— Ты уверена, что все еще хочешь быть моей? — спрашиваю я, когда мое сердце громыхает в груди.

Ее темные глаза удерживают мои, и у меня кружится голова, пока я жду.

Ее губы приоткрываются, и я клянусь, что время, которое требуется ей, чтобы заговорить, — самая длинная секунда в моей жизни.

— Да.

Весь воздух вырывается из моих легких, и облегчение переполняет меня. Любой бы подумал, что она только что согласилась стать моей женой или что-то в этом роде, но для меня этого достаточно. На данный момент.

— Это прекрасно.

— Это облегчение, потому что ты не сможешь его снять.

Она проводит пальцем по замку, который висит на серебряной цепочке.

— Хорошо. Я не хочу. Я хочу этого, Тоби. Я хочу тебя. Я знаю, что это безумие и полный пиздец, но я вроде как думаю, что в этом часть нашего очарования.

Широкая улыбка расплывается на моем лице. — Я полностью согласен.

Взяв у нее ожерелье, я надеваю его ей на шею, прежде чем прикрепить цепочку к висячему замку и закрепить его на месте.

— Слишком поздно отказываться, — поддразниваю я.

— К лучшему или к худшему.

— Осторожнее, или ты заставишь меня подумать, что ожидала увидеть там кольцо.

Она мягко улыбается мне, заставляя меня думать, что она не была бы так напугана, как, вероятно, должна была быть, если бы в одной из этих коробок было обручальное кольцо.

— У нас есть все время в мире для этого. Но что касается прямо сейчас... Я знаю, что ты должен выполнить некоторые обещания, Тобиас.

Выхватывая коробку у нее из рук, я бросаю ее позади нас, и она ударяется о стену в тот

самый момент, когда мои губы соприкасаются с ее.

— Я люблю выполнять обещания, — бормочу я в наш поцелуй.

— Тебе просто нравится кончать.

— Нет, детка. Мне нравится смотреть, как ты кончаешь.

9

ДЖОДИ

— Из-за тебя я снова опаздываю, — рычит Тоби мне в шею, когда опускает мои ноги обратно на пол душа, наши груди вздымаются от напряжения.

— Я не приглашала тебя сюда, — говорю я со вздохом, когда он впивается зубами в мое горло.

— Мне нравится думать, что я получаю открытое приглашение всякий раз, когда ты голая и мокрая, — язвит он.

— Это правда?

— Конечно, это так. Теперь отвернись и позволь мне сделать свое дело—

— Почти уверена, что ты это уже сделал.

— Демон, — рычит он, шлепая меня по заднице, когда я двигаюсь. — Будь хорошей девочкой. Я хочу сменить тебе повязки, прежде чем уйду.

Довольный вздох срывается с моих губ, когда его пальцы зарываются в мои волосы, вдыхая цветочный аромат шампуня, который он купил для меня. Это не единственное новое дополнение к ванной комнате, и я подозреваю, что в его квартире есть еще кое-что.

Я хотела отчитать его за это прошлой ночью, когда я впервые наткнулась здесь и нашла все это, но я была слишком измотана, чтобы что-то сказать.

— Я более чем способна сделать это сама. — То, что ни один из нас не причинил себе еще какого-либо вреда прошлой ночью, выше моего понимания. Я почти уверена, что то, что мы сделали, превысило легкие упражнения, которые врачи рекомендовали нам в течение недели или около того, пока заживают наши раны.

— Я знаю, но я хочу это сделать. Я хочу заботиться о тебе.

— Ты немного милый, ты знаешь это, верно?

— Шшш, не говори боссу, — дразнит он.

— Твой секрет в безопасности, плохой мальчик.

Как только он доволен тем, что я полностью чиста, он осматривает меня и велит мне сесть на закрытый унитаз, чтобы он мог обработать мои повязки.

— Я даже не думаю, что они мне действительно еще нужны.

— Доктор сказал неделю, так что мы следуем правилам.

— Это то, что ты делал прошлой ночью? — пошутила я.

— Некоторые правила созданы для того, чтобы их нарушать, детка.

Обернув полотенце вокруг талии, он хватает аптечку первой помощи, спрятанную в шкафу, и опускается передо мной на колени.

Моя рука автоматически поднимается к новой цепочке, висящей у меня на шее, пальцы играют с маленьким висячим замком.

Заметив движение, Тоби отрывает взгляд от старой промокшей повязки, которая едва держится на моей икре.

— Моя, — рычит он, посылая мурашки по всему моему телу.

— Твоя.

Он улыбается мне, и любовь, и обожание, которые я вижу в глубине его голубых глаз, заставляют мое сердце трепетать самым лучшим образом.

Этот момент длится не так долго, как мне хотелось бы, прежде чем он снова опускает взгляд и продолжает обрабатывать мои почти зажившие порезы.

Его прикосновения такие нежные, что мои глаза горят от эмоций. Воспоминания о том, как я получила их, врезаются в меня. Запах гари, звуки разрушения, которые я слишком хорошо помню с той ночи, поражают мои чувства.

— Все в порядке, детка. Теперь ты в безопасности, и я, черт возьми, клянусь тебе, я никогда никому не позволю снова причинить тебе боль.

Протягивая руку, я провожу пальцами по его влажным волосам, надеюсь, что он может почувствовать, как сильно я забочусь о нем в моих прикосновениях.

Я не отвечаю. Я не могу. Он ни за что не сможет давать мне подобные обещания. Ну, если только он не будет держать меня здесь взаперти. Это не выходит за рамки возможностей. Благодаря Стелле, Эмми и Калли я знаю, что этим мальчикам не привыкать прибегать к крайним мерам, чтобы получить то, что они хотят, когда дело касается их девочек.

— Спасибо тебе, — вместо этого выдыхаю я, надеюсь, что он знает, как сильно я ценю все, что он для меня сделал, как он помог мне вернуться к жизни после того, как я была убеждена, что утону в своем горе.

Он снова поднимает на меня взгляд, прежде чем перейти к последней ране на моем плече. Он наклоняется ближе, его чистый аромат после душа наполняет мой нос и стирает мои воспоминания о горящем здании.

Мое сердцебиение учащается, а движения грудной клетки становятся более беспорядочными, когда я прокручиваю в голове все, что мы делали с тех пор, как он заехал в подземный гараж прошлой ночью.

— Демон, — рычит он, заставляя меня содрогнуться. — Я практически слышу твои мысли. Ты грязная, развратная девчонка.

— Именно такая, какой я тебе нравлюсь.

Он смеется, и глубина этого грохота проносится сквозь меня, заставляя все к югу от моей талии сжиматься. У меня болит все внутри, а мышцы горят, но самым лучшим образом, и я более чем счастлива пополнить свою коллекцию синяков на бедрах, где он брал меня прошлой ночью и сегодня утром в душе.

— Виновен, — признается он, проводя кончиками пальцев по моему плечу и вставая передо мной во весь рост.

Мои зубы впиваются в нижнюю губу, когда я рассматриваю его скульптурную грудь, подтянутый живот, а затем палатку из полотенца.

— Опять?

— Всегда. — Он подмигивает, прежде чем выскользнуть из комнаты, чтобы одеться. Я быстро роюсь в его шкафчике в ванной, нахожу все, что мне может понадобиться, и все это намного роскошнее, чем мои обычные продукты.

К тому времени, когда я возвращаюсь в спальню Тоби, он выглядит слишком аппетитно в форме колледжа Найтс-Ридж.

— Никому не должно быть позволено выглядеть так сексуально, чтобы пойти в школу, — говорю я, прислоняясь к дверному косяку и пробегая по нему глазами.

— Ты должна увидеть нас всех вместе, — поддразнивает он.

— О, быть девушкой в Найтс-Ридж, — выдыхаю я, театрально обмахиваясь веером.

Я могу только представить, как они вшестером управляют этим заведением и обводят девочек вокруг пальца.

Ревность сжимает меня в своих злобных тисках, когда я представляю, как все эти богатые, шикарные девушки лапают все, что принадлежит мне.

— О, детка. Тебе не о чем беспокоиться. Ты стоишь десяти девочек в школе, а то и больше.

— Но разве у них у всех не убийственные семейные связи? Я уверена, что они были бы более—

— Мне было бы насрать, даже если бы они были связаны с самим Богом. Для меня нет никого важнее тебя.

Мои брови морщатся от беспокойства, которое мучает меня уже несколько недель.

— Что тебя беспокоит? — спрашивает он.

— Имеет ли значение, что я только наполовину греческой крови? — Я тихо спрашиваю. — Ты уже говорил раньше, что маму никогда не приняли бы, потому что—

— Нет, — перебивает он. — Это старомодный идеал, которым *он* был одержим. Он хотел, чтобы мы были чистой организацией, чтобы родословные были чистыми. Но реальность совсем иная. Тебе не нужно беспокоиться ни о чем из этого. Ты моя, Демон. И если у кого-то с этим возникнут проблемы, то отвечать им придется передо мной.

Дрожь пробегает у меня по спине, когда он на несколько секунд превращается в своего страшного солдата.

— Хорошо, — выдыхаю я, смущенно возбужденная его стороной плохого мальчика.

— Хорошо. Я обещаю, тебе не о чем беспокоиться.

Кроме того, что делать с человеком в подвале.

Эти невысказанные слова повисают между нами, когда рука Тоби скользит по моему затылку, притягивая меня ближе.

— Если я понадобится тебе сегодня, позвони мне, хорошо?

— Хорошо, — соглашаюсь я, хотя уже знаю, что не позвоню. Не может случиться ничего такого, что не могло бы подождать, пока он закончит.

— Хорошо. А теперь будь хорошей девочкой, пока меня не будет. Передай Джесси привет от меня, — поддразнивает он, зная, что это мой первый пункт назначения этим утром. Наклонившись вперед, он украдкой целует меня, прежде чем прошептать: — Я оставил тебе несколько маленьких подарков.

— Правда? — спрашиваю я, затаив дыхание.

— Но сначала тебе нужно их найти.

Его язык погружается в мой рот, прерывая мой ответ. Он целует меня, пока у меня не подкашиваются колени, и после последнего поцелуя в кончик моего носа, он оставляет меня стоять там, едва удерживая мой собственный вес, когда он уходит от меня, затем быстро покидает квартиру.

Мои глаза сканируют комнату, задаваясь вопросом, что он мог бы оставить для меня.

Я не понимаю, что снова играю со своим ожерельем, пока не замечаю записку на шкафу и роняю ее, когда любопытство берет верх надо мной.

Открой меня.

Делая, как мне сказали, я открываю дверцу шкафа.

Мой вздох шока разрывает воздух, когда я нахожу полки, заполненные, очевидно, женской одеждой.

Еще одна розовая записка привлекает мое внимание, и когда я вытаскиваю ее, я обнаруживаю, что она прикреплена к паре джинсов.

Надень меня.

Качая головой от чистого безумия этого, я вытаскиваю джинсы, обнаруживая, что к одной вешалке прикреплена другая с толстовкой большого размера.

На передней части толстовки есть еще одна записка.

Верхний ящик. Как ты думаешь, какие из них мои любимые?

Мое сердце колотится в груди, а в животе порхают миллионы бабочек от того, как сильно я люблю эту маленькую игру.

Дотягиваясь до ящика, я открываю его, чтобы найти самый невероятный выбор нижнего белья. Они расположены как радуга из шелка и кружев.

— У тебя столько неприятностей, Тобиас, — бормочу я себе под нос, пытаюсь представить, сколько денег он потратил на все это.

Проводя кончиками пальцев по нежной ткани, я выбираю кружевной комплект точно такого же цвета, как мое платье в ночь нашей первой встречи, и надеваю его.

Бирки уже сняты, поэтому я не могу узнать, сколько все это стоило. Я молюсь, чтобы это подошло, потому что мне было бы больно видеть, как все это пропадает даром.

Хотя я не знаю, почему я волновалась. В ту секунду, когда я надеваю невероятно мягкое кружево на свое тело, я понимаю, что оно облегает меня, как вторая кожа. Положа руку на сердце, это самое удобное нижнее белье, которое я когда-либо имела удовольствие носить.

Улыбка играет на моих губах, когда я качаю головой.

Направляясь туда, где на прикроватном столике стоит моя сумка, я достаю телефон и делаю снимок, прежде чем струсить.

Джоди: Правильно ли я выбрала?

Я нажимаю отправить и пытаюсь забыть, что только что отправила фотографию своего почти обнаженного тела парню. Я никогда, никогда не делала ничего подобного раньше. Но Тоби делает меня безрассудной во всех лучших отношениях.

Его ответ приходит быстрее, чем я ожидала, и это заставляет мое сердце подпрыгнуть к горлу, когда я открываю свой телефон, чтобы прочитывать его ответ.

Тоби: Я возвращаюсь. НЕ ДВИГАЙСЯ.

Смех срывается с моих губ.

Джоди: Не смей, школьник. Будь хорошим мальчиком и не получай наказания, и я, возможно, позволю тебе снять его с меня позже... своими зубами.

Тоби: Черт возьми, Демон. Я так чертовски тверд для тебя.

Джоди: Я позабочусь о тебе позже, плохой мальчик. *подмигивающий смайлик*

Тоби: Я настаиваю на этом.

Джоди: *эмоджи дьявола*

Джоди: И спасибо тебе, все просто невероятно.

Тоби: Это наименьшее из того, чего ты заслуживаешь. *эмоджи в виде сердца*

Мое сердце бешено колотится, когда я смотрю на его слова.

Бросив телефон на кровать, я заставляю себя прекратить отправлять ему сообщения, предполагая, что он за рулем. Натягивая остальную одежду, я обнаруживаю целую полку с туфлями и ботинками и даже подборку дизайнерских сумочек.

Я хочу разозлиться на него за то, что он так много тратит на меня. Но мне все это так нравится, что у меня даже нет сил раздражаться. Думаю, мне просто придется отплатить ему минетом, потому что сейчас у меня нет реальной работы, чтобы самой за это платить.

Перекладывая свои вещи в одну из новых сумок, я беру коричневую кожаную куртку из шкафа и направляюсь на кухню в надежде освоить его кофеварку.

Смех срывается с моих губ, когда я нахожу устройство, о котором идет речь, покрытым стикерами.

Когда, черт возьми, у него было время сделать все это, одному Богу известно.

Начни отсюда.

Поставь кружку сюда.

Вставь модуль сюда.

Нажми здесь.

И когда я открываю шкаф, к которому приклеена записка с надписью: «Открой меня», я нахожу кружку с надписью: «Принцесса Джоди» снаружи и наклейку с надписью: «Наполни меня» внутри.

Наполнив свою новую кружку, я несу ее и телефон к дивану, чтобы позвонить маме и отправить сообщение Бри и еще одно Джесси, чтобы узнать, изменилось ли что-нибудь за ночь.

Я понятия не имею, что такого в квартире Тоби, но даже когда он отсутствует, я чувствую себя как дома. Вероятно, это из-за его атмосферы.

Может быть, это только начало, но я действительно вижу себя живущей здесь, счастливой здесь.

Эта мысль должна была бы вывести меня из себя, но это не так. Точно так же, как я не почувствовала ничего, кроме дикого возбуждения и безрассудства, когда прошлой ночью на мгновение подумала, что в одной из этих коробочек лежит обручальное кольцо.

Я снова ловлю себя на том, что играю со своим ожерельем. Мой маленький кусочек Тоби, который навсегда останется на моем теле.

Если я не знала, что он владел моим сердцем до прошлой ночи, то теперь я точно это знаю. Он буквально держит его под замком, и я не могу быть счастливее.

Как только я готова, я направляюсь к входной двери, готовая вызвать Uber, чтобы забрать меня.

Я останавливаюсь, когда нахожу еще одну наклейку, прикрепленную к подарочной коробке, идентичную той, что была прошлой ночью на комод.

Открой меня.

Нервничая, я снимаю крышку. Понятия не имею, почему, но в глубине души я знаю, что это ударит меня по заднице.

Внутри еще одна коробочка и еще одна записка.

Пожалуйста, не злись.

— Хорошо, — шепчу я, снимая крышку и с этой коробочки, только чтобы найти другую.

Это чисто из эгоистических соображений...

Мои брови сводит, когда я нахожу другую коробочку, поменьше.

Я хочу, чтобы ты всегда могла добраться до меня...

— О, черт. Тоби, что ты наделал?

Мое сердце подскакивает к горлу, когда я снимаю крышку и нахожу именно то, чего я боялась увидеть.

Черный ключ.

Моя рука дрожит, когда я тянусь к нему, вытаскивая его из бархатной подушки, на которой он лежит.

Переворачивая ее, пузырь восторга срывается с моих губ, когда появляется улыбка.

Мы никогда не говорили о машинах или о том, что бы я купила, будь у меня достаточно денег или причины для этого. Но, похоже, мы на одной волне, потому что, хотя я уверена, что это намного моднее, чем я когда-либо купила бы сама, это именно то, что я бы выбрала.

Доставая телефон из кармана, я быстро набираю сообщение, несмотря на то, что он сейчас на занятиях.

Джоди: У ТЕБЯ СТОЛЬКО НЕПРИЯТНОСТЕЙ, ТОБИАС ДУКАС!!!

И снова его ответ приходит ни минутой позже.

Тоби: Не за что. Я проверил, насколько отодвигается сиденье, и могу подтвердить, что там достаточно места не только для вождения. *подмигивающий смайлик*

Мои щеки горят от этой картинки, когда мои пальцы сжимают ключ, и я бросаюсь к двери, чтобы узнать, что именно ждет меня в гараже.

Огромная часть меня хочет, чтобы я положила ключ обратно в коробку и отказалась от подарка. Я не сделала ничего, чтобы заслужить, чтобы на меня потратили столько денег. Но затем наше совместное времяпрепровождение мелькает в моей голове, хорошее и плохое, и я думаю, что он просто делает все, что в его силах, чтобы продолжать доказывать мне, что он сожалеет о том, что произошло. И я уверена, он более чем осознает, что я здесь не из-за его денег. Мне было бы все равно, даже если бы он был нищим. Это в него я влюбилась. Его сердце, его сострадание. Его... все. Даже его плохие стороны.

Поездка на лифте в гараж — самое медленное путешествие в моей долбаной жизни, но когда двери открываются, я обнаруживаю, что не выхожу. Возможно, я отчаянно хочу посмотреть, что припарковано здесь для меня. Но я также не могу игнорировать жгучую потребность пойти и исследовать подвал.

Буква «П» на панели управления издевается надо мной, и, прежде чем я осознаю, что принял решение, я нажимаю кнопку и спускаюсь вглубь здания.

Мое сердце бешено колотится в груди. Я понятия не имею, что я собираюсь найти здесь, внизу, но, думаю, было бы наивно думать, что я просто войду в какую-нибудь тюремную камеру и обнаружу человека, которого я всю свою жизнь называла папой, сидящим за решеткой.

Они умнее этого. Но даже зная это, это не мешает мне выйти из лифта, как только открываются двери.

Меня встречает массивный набор деревянных двойных дверей. На биометрическом планшете рядом с ним горит красный индикатор блокировки, и я почти отказываюсь от этой маленькой исследовательской миссии до того, как она началась.

Тоби мог бы предоставить мне доступ к главному входу и своей квартире, но я не могу представить, что роскошь распространяется на остальную часть здания, особенно когда я знаю, что — или кого — они прячут здесь, внизу.

Решив, что теперь, когда я здесь, стоит попробовать, я подхожу и прижимаю руку к панели.

К моему полному недоумению, маленький огонек загорается зеленым, и двери передо мной открываются.

— Вау, — выдыхаю я, расправляя плечи в попытке подготовиться к тому, с чем я,

возможно, столкнусь.

Моя рука сильно дрожит, и я поднимаю ее и толкаю дверь, открывая ее.

Требуется секунда, чтобы зажегся свет, когда я вхожу, но как только это происходит, все, что я могу сделать, это удивленно моргнуть. Огромная комната открывается передо мной, и я изо всех сил пытаюсь вникнуть во все это.

Безусловно, это самый впечатляющий домашний тренажерный зал, на который я когда-либо смотрела. Это даже лучше, чем некоторые из тех, что я видела в «модных домах», на которые мама любит пускать слюни, когда их показывают по телевизору. У них даже есть гребаный боксерский ринг в натуральную величину.

Не в силах ничего сделать, кроме как пройти вглубь комнаты, я осматриваю все оборудование, большую часть которого я никогда раньше не видела, не говоря уже о том, чтобы когда-либо пытаться использовать.

Я думаю, это помогает объяснить форму, в которой находятся тела всех парней — и девушек.

Я чувствую себя толстой и не в форме, просто глядя на все это.

Розовые боксерские перчатки, которые лежат вместе с другими красными и черными перчатками на полке за рингом, вызывают у меня улыбку. Это идеальное напоминание парням, когда они выбивают дерьмо друг из друга здесь, внизу, кто на самом деле главный.

После тщательного расследования и не обнаружив абсолютно ничего подозрительного, я возвращаюсь к лифту, все еще надеясь, что смогу найти потайной ход или что-то безумное.

Очевидно, что-то должно быть. Тоби не сказал бы мне, что у них есть люди — или, по крайней мере, один человек — запертый в подвале, если бы это не было правдой.

Ничего не найдя, я возвращаюсь на уровень гаража, более чем готовая узнать, что меня ждет.

10

ТОБИ

Мне чертовски нравится после школы заезжать в наш гараж и находить маленький черный Abarth Джоди, припаркованный рядом с моим. Я не могу сдержать улыбку, зная, что она ждет меня наверху.

Этим вечером нас вызвали на работу впервые после шоу Ловелла. Это было последнее, чего я хотел после того, как Джоди написала мне, что она вернулась ко мне после посещения Сары, но у меня не было выбора.

Я уже достаточно испытал судьбу, когда дело доходило до игнорирования приказов босса в пользу моей девушки. Он мог бы дать мне свободу действий, учитывая ситуацию, но я сомневаюсь, что когда-нибудь получу ее снова.

Я просто рад, что мне удалось отгулять выходные.

Я не могу стереть улыбку со своего лица, когда открываю дверь и выбираюсь наружу, Нико, Алекс, Себ и Тео прямо за мной.

Нико и Алекс слишком заняты тем, что выводят друг друга из себя, чтобы заметить мое волнение по поводу возвращения домой. Однако это не то, по чему Тео и Себ упускают. Вероятно, потому, что это чувство они испытывают прямо рядом со мной, когда мы поднимаемся в наши квартиры.

В ту секунду, когда лифт звякает на нашем этаже, мы с Себом вываливаемся наружу.

— Ты собираешься поиграть с Нико? — Себ спрашивает Алекса, когда тот не идет за нами.

— Лучше, чем слушать, как вы вчетвером трахаетесь всю ночь напролет сквозь стены, — язвит он.

— Отвали, братан. Ты ни хрена не слышишь, и ты это знаешь.

— Я не знаю, — бормочет Себ. — Разве ты не слышал ту крикунью, которую он привел домой прошлой ночью? Звучало как крик умирающего гребаного кота.

Грудь Алекса раздувается от гордости.

— Я просто был настолько хорош.

— Почти уверен, что в какой-то момент я услышал: — Отвали от меня, ты, монстр.

— Не, приятель. Вы, должно быть, ошибаетесь. Вероятно, это была Стелла.

— Чертовски маловероятно, — усмехается Себ. — Мы все знаем, как сильно Стелла любит мой член.

— Иисус. Я уйду, — говорю я, прижимая руку к панели у моей двери, более чем готовый оставить этих идиотов позади в пользу моей девочки. — Приятного вечера, — бросаю я через плечо за секунду до того, как их препирательства прекращаются, и невероятный аромат чего-то, что задумала моя девочка, ударяет мне в нос.

Мой желудок громко урчит, когда я скидываю туфли.

С каждым моим шагом мое сердце бьется сильнее, а рот наполняется слюной — как из-за еды, которую она обещала приготовить для меня, когда я закончу, так и из-за нее.

К чему я не готов, так это к зрелищу, которое открывается мне, когда я заворачиваю за угол и нахожу ее стоящей на моей кухне с лопаткой в руке.

— Привет, — выдыхает она, широкая улыбка расплывается по ее лицу, а глаза возбужденно мерцают.

— Привет. Это пахнет—

Позади нее что-то пузырится, шипение воды на электрической плите заполняет пространство вокруг нас.

— Черт. Черт. Черт.

Повернувшись, она снимает сковороду с огня и пытается вытереть беспорядок кухонным полотенцем.

— Мне так жаль. Я так старалась—

— Вау, детка, — успокаиваю я, кладя руки ей на талию и прижимаясь всем телом к ее спине. — Можешь устраивать столько беспорядка, сколько захочешь, — поддразниваю я, мои губы касаются раковины ее уха.

— Н-но твоя кухня—

— Кухня. Это место, где можно устроить беспорядок, — уверяю я ее.

Забирая кухонное полотенце у нее из рук, я бросаю его в сторону стиральной машины и ставлю сковороду обратно на плиту, убедившись, что температура снижена.

— Мне чертовски нравится, что ты здесь, Демон, — рычу я, покусывая раковину ее уха.

— Ужин будет испорчен, если ты будешь продолжать в том же духе, Тобиас.

— Я счастлив съесть тебя вместо этого, — признаюсь я, прокладывая свой путь вниз по ее горлу, пока мои губы не сталкиваются с вырезом джемпера, который на ней надет.

— Да, хорошо, — бормочет она, вырываясь из моих объятий. — Я бы предпочла поесть, если тебе все равно. — Ее желудок громко урчит в знак согласия, и когда мои глаза находят ее лицо, ее щеки пылают.

— Иди и присаживайся, детка. Я могу закончить с этим.

Шагнув вперед, она берет мои щеки в свои ладони.

— Нет, — твердо говорит она. — Я сказала тебе, что приготовлю для тебя ужин, так что это то, что я собираюсь сделать. Иди переодевайся. Это займет пять минут.

— Но я думал, я нравлюсь тебе в костюме, — поддразниваю я, обхватывая пальцами ее запястья и опуская их на лацканы моего черного пиджака.

Ее горло сжимается от судорожного сглатывания.

— Поверь мне, это так. Но прямо сейчас я хочу, чтобы ты был в спортивных штанах.

Она ахает, когда я заставляю ее руку опускаться ниже, пока она не обхватывает мою длину через брюки.

— Ты просто хочешь увидеть, что именно ты делаешь со мной, не так ли, Демон?

На ее губах появляется самая порочная улыбка.

— Виновна.

Я качаю головой, глядя на нее, отчаянно желая запустить пальцы в ее темные локоны и заставить ее опуститься на колени, но я сдерживаюсь. На данный момент.

— Позже, — обещает она. — В конце концов, мне понадобится десерт.

— Ты, Джоди Уокер, чертовски идеальна.

Я оставляю ее руку именно там, где она есть, прижимаю ее к своей груди и целую так, как будто у меня не будет другого шанса.

— Я чувствую себя взрослой, — беспечно говорит Джоди, садясь напротив меня за обеденный стол и беря бокал с вином.

Она прожила здесь со мной всю неделю, так что это не первый ужин, который мы едим вместе. Но остальные были на вынос, и сидеть с коробками вокруг нас было не так... реально, я думаю.

— Мне это нравится, — признаюсь я, проводя босой ногой по ее икре.

— Я не говорила, что мне это не нравится. Это просто—

— Я знаю, что это много, Джоди. Я знаю, что всего этого очень много, — говорю я, указывая на окружающее нас здание и людей, которые живут внутри него.

— Мне нравится быть здесь. Занимаясь этим, я становлюсь счастливой, — признается она.

— Да?

На ее губах играет застенчивая улыбка.

— Значит, тебе не претила бы идея жить здесь со мной?

— Вау, — говорит она со смехом. — Я бы пока не заходила так далеко. Я все еще не разобралась, какие раздражающие черты в тебе есть, которые доведут меня до грани безумия.

— Ты видела меня и похуже, детка, и ты все еще здесь. Я не уверен, что разбрасывание грязных носков хоть сколько-нибудь приблизится ко всему этому.

Может, она и улыбается мне, но я не упускаю проблеск... вины, который мелькает в ее глазах.

Взяв вилку, я накручиваю на нее немного ее спагетти в надежде, что она признается в том, что ее беспокоит, без моего подталкивания.

— У вас внизу впечатляющий тренажерный зал, — выпаливает она через несколько секунд.

— Ты что-то вынюхивала, детка? — Я поддразниваю, несмотря на то, что от этих слов у

меня сводит живот. Даже сейчас я заставляю себя есть.

В ту секунду, когда еда попадает мне на язык, я едва могу сдержать стон одобрения.

— Боже мой, это здорово.

Она сияет от моей похвалы — или, по крайней мере, я думаю, что это так, а не тот факт, что я только что раскрыл наше потенциальное будущее в предыдущем разговоре.

Это явно не потому, ведь она охотно выбирает отступить.

— Я спустилась в подвал в понедельник после того, как нашла ключи от машины, — признается она.

— Ты нашла то, что искала? — Спрашиваю я, не желая даже думать о настоящей причине, по которой она была там.

Она качает головой, отводя от меня взгляд в пользу своего ужина.

— Тебе нужно только спросить меня, хочешь ли ты спуститься туда, детка. Я сказал тебе, что ничего не буду от тебя скрывать.

— Я-я знаю. Я просто... Я... боюсь, наверное. Я боюсь, что, если я увижу его, это снова все изменит.

— Или это могло бы подтвердить все, что ты уже знаешь, — возражаю я.

Она кивает, прежде чем молча приступить к еде.

Я позволяю ей на несколько минут погрузиться в свои мысли, в свои страхи, прежде чем, наконец, сказать то, на что я отчаянно надеялся, когда впервые вошел.

— Я знаю, что сейчас все... витает в воздухе с Сарой и что сейчас, вероятно, не лучшее время, но... — Она поднимает взгляд, и ее взгляд смягчается от моей нервной болтовни.

— Что? — тихо спрашивает она.

— Я хочу увезти тебя отсюда на эти выходные. У меня есть место для нас. Это недалеко, мы можем немедленно вернуться, если что-нибудь случится и...

— Да, — говорит она с широкой улыбкой.

— Да?

— Пока есть телефонный сигнал, и мы можем вернуться в город.

— Есть. Я клянусь.

— Тогда да. Мне бы не помешало немного... пространства.

— Пространства со мной? — спрашиваю я.

— Очевидно.

Я некоторое время смотрю на нее, задаваясь вопросом, как мне удалось оказаться здесь с ней.

Бывают моменты, так много гребанных раз, когда я задаюсь вопросом, не игра ли это все. Если она по какой-то причине играет со мной так, как я играл ею с самого начала. Это, черт возьми, разрушило бы меня.

Но затем она смотрит на меня своими огромными темными глазами, и все, что я вижу, это любовь. Она прикасается ко мне, и это так, как будто она только что ударила меня миллионом вольт, и я вспоминаю, что нет никаких шансов, что это подделка. Это слишком реально.

Все, что я чувствую к ней, я вижу отраженным к себе каждый раз, когда мы вместе.

Вот и все. У меня нет сомнений.

Мой взгляд падает на маленький замок, который висит у нее на шее. Маленький ключик, который упирается мне в грудь, горит так, словно он раскален докрасна, зная, что у меня в руках единственный способ для нее его снять, и мой член снова твердеет.

Заметив, куда ушло мое внимание, она кладет нож и вилку на свою теперь уже пустую тарелку и отодвигает все обратно. Она тянется к своему ожерелью, перекручивая маленький локон между пальцами и глядя на меня из-под опущенных ресниц.

Жар разливается по моему телу, потребность напрягает мышцы, но нигде это не ощущается так настойчиво, как в моем ноющем члене.

— Скажи мне, что тебе нужно, — говорит она низким голосом, посылая ударную волну желания прямо через меня.

Мне требуется секунда, чтобы пробиться сквозь туман желания, который затуманивает мой мозг, прежде чем я могу выдавить несколько слов.

— Встань на четвереньки и заползи под стол. Мне нужно, чтобы твои губы обхватили мой член.

Ее зрачки расширяются от моих слов, когда ее рука опускается с замка.

— Да, босс, — мурлычет она, отодвигая стул позади себя и опускаясь на колени, исчезая из моего поля зрения.

Черт возьми, да.

Предвкушение только растет по мере того, как стол становится барьером между нами. Мое сердце колотится, зная, что она может прикоснуться ко мне в любой момент, и его тяжелое биение вскоре становится единственным, что я слышу, пока жду.

Мою кожу покалывает от осознания, мой член подергивается от желания.

Я знаю, что она дразнит меня, и это чертовски убивает меня.

Мои пальцы сжимаются вокруг основания стула, пока не начинают болеть.

— Демон, — рычу я, мое отчаяние очевидно в моем тоне.

Из-под стола доносится тихий смешок, и я скриплю зубами от необходимости протянуть руку и найти ее.

Но я этого не делаю.

Я заставляю себя подождать и посмотреть, что она собирается делать.

Кажется, что прошла гребаная вечность, но, когда она наконец прикасается ко мне, я, черт возьми, чуть не выпрыгиваю со своего стула.

Прикосновение ее пальца к верхней части моей ноги невинно, но, черт возьми, если из моего члена не вытекает преякулят.

— Джоди, — выдавливаю я, когда ее пальцы начинают подниматься по моей ноге.

— Терпение, — выдыхает она, поднимаясь по внутренней поверхности моего бедра, заставляя напрячься каждую мышцу моего тела.

— Срань господня, — выдыхаю я, когда ее пальцы нежно касаются моего члена.

Это жалко. Как будто я двенадцатилетний подросток, к члену которого никогда раньше не прикасались.

Ее веселый смешок снова достигает моих ушей, и моя хватка на стуле только усиливается.

Она ерзает у меня между ног, давая мне знать, что она достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться, что она все контролирует. Это знание мало помогает в моем стремлении сдерживать себя.

Я снова вздрагиваю, когда она проводит пальцами по коже чуть выше пояса моих спортивных штанов.

— Господи, — шиплю я сквозь стиснутые зубы, но моя пытка становится только хуже несколько секунд спустя, когда что-то, возможно, ее нос, пробегает по длине моего члена.

— Такой твердый, плохой мальчик, — стонет она, как будто ее поддразнивания причиняют ей такую же боль, как и мне.

— Я всегда чертовски тверд для тебя, детка.

У меня перехватывает дыхание, когда жар ее рта обжигает меня через ткань брюк.

— Черт. Ты только что укусила меня?

— Я думала, тебе нравится немного боли, Тобиас.

— Чертов Демон, — стону я, сползая ниже на стуле и шире раздвигая бедра, полностью отдаваясь ей.

Она продолжает играть со мной через ткань, сводя меня с ума от потребности просто погрузиться в жар ее рта.

— Детка, не заставляй меня кончать в штаны, как чертов школьник, — выдавливаю я между тяжелыми вдохами.

Она смеется. — Но это именно то, кто ты есть, — язвительно замечает она.

— Мне, блядь, девятнадцать, Демон. Я настоящий мужчина, и ты, черт возьми, хорошо это знаешь.

— Так что ты хочешь сказать? — дразнит она.

— Я говорю, обхвати своими чертовыми губами мой член и позволь мне кончить тебе в глотку.

Моя голова откидывается назад, когда громкий вздох облегчения срывается с моих губ, когда она следует моему требованию, засовывая пальцы под мой пояс моих брюк и начинает стаскивать их с моих бедер.

Не желая больше продлевать эту пытку, я отрываю задницу от сиденья и позволяю ей стянуть ткань прямо с моих ног. Но она на этом не останавливается — вместо того, чтобы оставить их висеть у меня на лодыжках, она стаскивает их и выбрасывает, как будто они лично ее оскорбили.

— Лучше, — шепчет она за секунду до того, как жар ее губ касается моего бедра.

— Демон, — ворчу я, к ее большому удовольствию. — О, черт, — рывкаю я, когда она впивается зубами в мою кожу, достаточно сильно, я уверен, до крови.

— Мой, — мурлычет она, проводя по следу от укуса кончиком языка.

— Ты отмечаешь меня там, детка? — Спрашиваю я, осознание чего заставляет мой член яростно дергаться.

— Мы бы не хотели, чтобы кто-нибудь из этих девочек в твоей школе думал, что ты доступен, не так ли? — Я уверен, что ее тон должен быть поддразнивающим, но я все еще слышу в нем нотку ревности. И мне это чертовски нравится.

— Ни одна из них и близко не подберется к моему бедру, Демон. Не волнуйся.

— Хм, тогда, может быть, мне стоит оставить свой след где-нибудь в более заметном месте. Чтобы защитить от хищников.

— Отмечай меня везде, где захочешь, детка. Я весь, блядь, твой.

Она целует и покусывает прямо вверх по моему бедру, заставляя меня гадать, как это могло бы выглядеть со следами ее зубов и синяками, портящими его.

Как раз перед тем, как я подумываю о том, чтобы отодвинуться, чтобы посмотреть, все мысли вылетают у меня из головы, когда жар ее языка соприкасается с головкой моего члена.

— Да, — кричу я, когда она набрасывается на мой преякулят так, словно не ела неделю. — Какой я на вкус, детка?

— Как безрассудные решения.

На моих губах появляется улыбка, когда она продолжает дразнить меня, подготавливая к тому, что, я не сомневаюсь, станет потрясающим оргазмом, когда она, наконец, позволит мне это.

В ту секунду, когда она опускается на всю мою длину, принимая меня прямо к задней стенке своего горла, я, черт возьми, чуть не разбиваюсь вдребезги. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы сдержаться и позволить себе насладиться этим хотя бы несколько минут.

Я только что сказал ей, что я настоящий мужчина, так что теперь мне нужно это доказать.

— Черт возьми, Джоди. Черт. Я чертовски люблю твой рот.

11

ДЖОДИ

Я заглатываю Тоби так, как будто от этого зависит моя жизнь.

Сегодняшний день был долгим. С Сарой больше ничего не изменилось после хороших новостей в воскресенье. Я провела весь день, дорабатывая планы на свое будущее, планы, которые я еще не обсуждала с Тоби, и я отчаянно хотела, чтобы он вернулся домой и отвлек меня от всей серьезности жизни. К сожалению, нашему вечеру было суждено пройти не так, потому что, как только он переступил порог, он сказал мне, что ему нужно сразу же уйти, как только он переоденется.

У меня в животе поселился ужас при мысли о том, что его отправят в какую-нибудь опасную ситуацию, подобную той ночи в Ловелле, но он быстро заверил меня, что просто направляется в отель на встречу с боссом и смены охраны.

Итак, я провела ночь, готовя — *результат моих кулинарных экспериментов* все еще прячется в холодильнике. Я надеюсь, что это будет вторая вещь, которая поразит его воображение сегодня вечером.

— Джоди, — стонет он над столом, его соленая сперма покрывает мой язык, когда я отстраняюсь и дразню его головку.

Я просто опускаюсь обратно, когда где-то позади меня хлопает закрывающаяся дверь.

Мое сердце подскакивает к горлу — не то чтобы там было много места, когда член Тоби заполняет большую его часть, — когда шаги приближаются.

Я отстраняюсь, готовая выкарабкаться из-под стола, но Тоби быстрее. Он, наконец, отпускает стул, за который держался изо всех сил, в пользу того, чтобы запустить пальцы в мои волосы и не оставить мне выбора, кроме как оставаться там, где я есть.

— Это твое первое и единственное предупреждение, я собираюсь войти в комнату.

Я пытаюсь поднять голову при звуке голоса его сестры, но его хватка усиливается, заставляя мою кожу головы гореть.

Я чувствую момент, когда она присоединяется к нам в комнате, несмотря на то, что я не вижу ничего, кроме промежности Тоби, когда он снова кормит меня своим членом.

— Где Джоди? — спрашивает она, очевидно, способная увидеть доказательства того, что я должна была сидеть за столом и есть с ним.

Несмотря на то, что она стоит и смотрит на него, он не прекращает движения своей руки, заставляя меня продолжать покачиваться вверх-вниз на его твердом члене.

— Она... э-э... в ванной, — выдавливает он сквозь зубы. Для меня так чертовски

очевидно, что происходит только по его голосу, но либо Стелла намного глупее, чем я о ней думала, либо она просто более чем счастлива играть в эту большую и извращенную игру, в которую они, похоже, играют, потому что она не двигается, и вместо того, чтобы извиниться, ее единственный ответ: — Не беспокойся, я могу подождать.

Если бы я уже не была чертовски близка к тому, чтобы подавиться членом Тоби, я бы отреагировала на ее понимающий комментарий.

— Чего ты хочешь, Стел? — рявкает Тоби.

— О, извини, разве я недостаточно ясно выразилась, когда вошла и спросила, где Джоди?

Я могу представить, как она в отчаянии закатывает глаза, а на ее губах играет понимающая ухмылка.

— Я передам, что ты была здесь.

— О, это так любезно с твоей стороны, брат. Но я бы действительно хотела увидеть ее сама.

Я почти слышу веселье в ее тоне, и от этого мне хочется умереть миллионом смертей. Я почти уверена, что было бы менее унижительно, если бы она вошла, и мы занимались этим открыто. По крайней мере, у меня был бы шанс, что Тоби меня отпустит.

Тоби насаживает меня глубже на свой член, и мне приходится бороться с собой, чтобы не подавиться им, выдавая себя.

К сожалению, однако, ему не удастся сдержаться, и низкий стон вырывается из его горла. Это не слишком громко, но этого более чем достаточно, чтобы предупредить Стеллу о том, что происходит — при условии, конечно, что она не раскусила нас в тот момент, когда вошла.

— Убирайся, Стел, — ворчит он.

Наступает тишина, когда Тоби замедляет свои движения, удерживая меня на своем члене. Он дергается, его длина увеличивается из-за приближающегося освобождения.

— Прекрасно, — фыркает Стелла, — но только потому, что я люблю тебя. Скажи Джоди, чтобы она не строила никаких планов на завтра. Она моя. Это при условии, что она на самом деле не слышит меня прямо сейчас.

К счастью, черт возьми, ее шаги быстро становятся тише, и я жду, когда хлопнет входная дверь, чтобы я могла, наконец, подтолкнуть его к краю.

— О, Тобс? — зовет она из конца коридора.

Его ответ — не более чем страдальческий стон.

— Теперь ты можешь кончить. Увидимся завтра, Джоди. Постарайся не захлебнуться. — Ее смех быстро обрывается, когда входная дверь, наконец, захлопывается, и Тоби громко рычит, когда он толкает меня глубже, перекрывая мне дыхательные пути, когда он яростно кончает мне в горло.

В ту секунду, когда он заканчивает, он отодвигает свой стул с такой силой, что тот с грохотом падает на пол, и вытаскивает меня из-под стола за волосы.

Это больно, но только в лучшем смысле.

В ту секунду, когда я встаю, его губы обрушиваются на мои, и он стонет, когда, без сомнения, пробует себя на моем языке.

Не прерывая нашего грязного поцелуя, Тоби умудряется снять с меня джинсы и трусики, и, прежде чем я осознаю, что он тянет это вверх, он отрывает свои губы от моих и стаскивает с меня джемпер.

В ту секунду, когда я снимаю лифчик, мои ноги отрываются от пола, и я падаю спиной на стол.

— Тоби, — кричу я, когда его руки прижимаются к внутренней стороне моих бедер, обнажая меня перед ним.

— Отсасывая мой член, ты становишься такой влажной, — растягивает он, глядя на меня сверху вниз, как будто он голоден по мне больше, чем по обеду, который он только что проглотил.

— Пожалуйста, — хнычу я, более чем отчаянно желая почувствовать его рядом с собой.

— Чертовски нравится, когда ты умоляешь меня, демон.

— Да, — кричу я, когда он опускается на колени и немедленно засасывает мой клитор в рот.

— Ты это несерьезно, — стону я, переворачиваясь на другой бок и обнаруживая Тоби, возвращающегося в спальню. На нем нет ничего, кроме улыбки, и в руках у него две кружки и особое угощение, которое я приготовила для него вчера вечером, до которого у нас так и не дошли руки.

После того, как он довел меня до изнеможения на столе, он быстро склонил меня над ним и начал все сначала.

К тому времени, как мы закончили, мои колени ослабли, и я едва могла удерживать собственный вес. Кое-что, что, к счастью, не было проблемой, учитывая, что он настоял на том, чтобы отнести меня в душ, чтобы мы могли продолжить.

Мы провели остаток ночи за просмотром телевизора, свернувшись калачиком в его постели и заключив друг друга в объятия. Это было идеально. Я легко погружалась в рутину общения с Тоби, и как бы это ни было волнующе, это также пугало, потому что моя жизнь не всегда была такой... свободной и легкой. Я не могу оставаться без дела, кроме как навещать Сару и готовить ужин для Тоби каждый вечер. Это не я.

Мне нужно... что-нибудь. Работа, цель.

Мне просто нужно выяснить, как это будет выглядеть в течение следующих нескольких месяцев, прежде чем все снова изменится и я, наконец, начну студенческую жизнь.

— Не могу поверить, что ты отвлекла меня своей киской, — бормочет он, ставя кружки на прикроватный столик и забираясь обратно в кровать с тарелкой чизкейка и двумя ложками.

— Мы не можем есть это на завтрак, — выдыхаю я, моя улыбка угрожает выдать меня.

— Кто сказал? Здесь нет правил, детка. Хочешь чизкейк на завтрак и овсянку на ужин, будь моим гостем.

Одной рукой он держит тарелку между нами, пока ныряет за десертом ложкой, зачерпывая неприличное количество, прежде чем отправить все это в рот.

— Ты свинья, — усмехаюсь я. Протягивая руку, я провожу большим пальцем по уголку его рта, собирая все, что он не смог вместить внутрь, прежде чем взять себе.

— Хм, может, мне просто размазать это по всему телу и попросить тебя снова слизать это с меня.

— Может быть, в другой раз, плохой мальчик. У тебя есть школа.

— Черт возьми. До праздников осталось всего несколько недель. Тогда нам не придется вставать целых две недели. — Не обращая внимания на ложку, которую я держу, он снова наполняет свою и предлагает ее мне. — Я мог бы сводить тебя куда-нибудь. Частный остров

с нашим собственным панорамным бассейном. Мы можем все время быть голыми, и я могу трахнуть тебя на улице, где смогут видеть только дельфины.

Мой разум блуждает, вызывая в воображении мою собственную маленькую фантазию из его слов.

Это звучит как рай, и я никогда не думала, что это вообще возможно в моей жизни.

Но я думаю, что все изменилось, теперь я здесь, в центре всего этого... безумия.

— Мне не нужно все это, Тоби. Пока мы вместе, мы могли бы разбивать лагерь посреди грязного поля, и только коровы наблюдали бы за нами.

— Как бы... чудесно это ни звучало, — говорит он, морща нос и демонстрируя мне лишь проблеск того маленького мальчика, которым он был раньше, — мы можем придумать что-нибудь получше, чем мерзнуть и мокнуть посреди вонючего поля.

— Может быть, и так, но мне нужно, чтобы ты знал, что я была бы так же счастлива, пока я с тобой.

Он улыбается мне. Вид его чистого счастья от моих слов заставляет мою грудь чувствовать себя слишком маленькой.

— Ты все еще готова к этим выходным? — спрашивает он, возвращая разговор к здесь и сейчас.

— До тех пор, пока с Сарой никаких изменений, да. Я готова на несколько дней забыть о реальной жизни.

Телефон Тоби вибрирует на прикроватном столике, и он оборачивается.

— Черт, я опять собираюсь опоздать.

— Нико? — спрашиваю я.

— Да. Я никогда не думала, что доживу до того дня, когда он будет единственным, кто будет ждать меня.

Он съедает последнюю ложку, прежде чем оставить меня с тарелкой, быстро обыскивает свою комнату и натягивает форму.

— Разве Стелла не должна быть сегодня в школе? — спрашиваю я, мои глаза следят за ним по комнате, заходя в ванную и выходя из нее.

— Да, но я рассказал ей об этих выходных, и у нее явно есть планы.

— Господи, она собирается повести меня на очередной сеанс восковой эпиляции, не так ли? — спрашиваю я, сжимая бедра вместе, когда думаю о своем последнем опыте в том салоне в Ловелле перед моей катастрофической сменой в «Лисах», о котором я никогда больше не хочу думать.

Его глаза скользят по моему телу, как будто он представляет, как я лежу обнаженная перед какой-то неумолимой женщиной, выдирающей все волосы с моей кожи.

— Возможно, но я думаю, тебе не придется долго ждать, чтобы узнать.

Я бросаю взгляд на свой телефон и понимаю, насколько уже поздно.

Бросив чизкейк посреди кровати, я абсолютно голая подхожу к Тоби, пока его глаза пожирают каждый дюйм моего тела.

— Хорошего дня, школьник, — выдыхаю я, поднимаясь на цыпочки, моя грудь касается его пиджака, и по моей спине пробегает дрожь. — Я буду здесь ждать, чтобы посмотреть, что у тебя припасено для меня в рукаве на этот раз.

— Сегодняшняя ночь не может наступить достаточно скоро, Демон. Постарайся не попасть в слишком большие неприятности с моей сестрой.

— Я не могу ничего обещать.

Я касаюсь своими губами его губ в самом дразнящем из поцелуев, прежде чем я вырываюсь из его объятий, прежде чем он может углубить его.

— Позже, плохой мальчик, — мурлыкаю я, пинком закрывая за собой дверь ванной.

— Дразнилка, — кричит он.

— Ты любишь это.

— Я люблю тебя. — Я все еще стою посреди ванной, когда его слова сотрясают почву, на которой я стою.

Он не произносил этих слов с той ночи, когда я умоляла его не делать этого, и они все равно вырвались. Возможно, я не была готова услышать их тогда. Но моя реакция прямо сейчас является доказательством того, что мне нужно было напомнить себе о том, насколько я выросла за последние несколько недель. Я побывала в аду и вернулась обратно, и я чувствую себя совершенно другим человеком.

Я сбросила свою наивную оболочку, я перестала смотреть на мир через розовые очки, и я не могла быть более счастливой в своей новой жизни, даже если она полна крови, боли и разрушений. Все в этом просто кажется правильным.

Где-то в квартире хлопает дверь, и я быстро понимаю, что так ничего и не сказала в ответ.

Я вздыхаю, пытаюсь представить, с какими чувствами он ушел. Думаю, мне просто придется загладить свою вину перед ним в эти выходные.

К моему изумлению, Стелла решила не входить в дом этим утром, чтобы найти меня, и как только я оделась, я пересекаю коридор и стучу в ее дверь.

Часть меня задается вопросом, не было ли все вчерашнее чем-то вроде шутки, и что она на самом деле пошла в школу с остальными.

Но не прошло и двух секунд, как дверь открывается, и на пороге стоит очень счастливая Стелла.

Аромат бекона сразу же поражает меня, и мой желудок урчит от восторга, мой завтрак с чизкейком уже давно забыт.

— Ах, хорошо, ты вышла подышать свежим воздухом, — невозмутимо произносит она.

Мой подбородок опускается, когда она на мгновение сохраняет невозмутимое выражение лица, прежде чем расколоться и упасть от смеха.

— Знаешь, со всеми вами что-то действительно не так, — бормочу я, проскальзывая мимо нее вглубь ее квартиры.

Я впервые на самом деле оказалась внутри, и должна признать, что чувствую себя здесь почти так же дома, как и у Тоби.

— И все же ты добровольно стоишь посреди нас. Что это говорит о тебе? — язвит она. — В любом случае, ты, казалось, наслаждалась собой. Должна признать, если бы ситуация была обратной, я бы тоже осталась там, поклоняясь члену Себа.

Я смотрю на нее, чувствуя себя более комфортно, слушая ее мерзости, чем, вероятно, следовало бы. Но она напоминает мне Бри и ее отсутствие фильтра, когда дело доходит до... что ж... чего угодно.

— Ты бы видела его лицо. Это было бесценно. Он был так зол.

— Он был не единственным, — бормочу я, усаживаясь на табурет у их барной стойки для завтрака. — Так что же происходит? Разве ты не должна быть в школе?

— Я, — она отмахивается от меня. — Я беру выходной.

Мои брови приподнимаются от любопытства. — Я ходила только в обычную школу. Но если это в порядке вещей в твоём шикарном заведении, тогда, я думаю...

— О, это совершенно не так. Я просто прикинулась больной, чтобы провести день со своей сестрой. — Она подмигивает и продолжает, прежде чем я успеваю вставить хоть слово. — Итак, мы можем пойти навестить Сару сегодня утром. Потом я подумала, что мы могли бы пойти и немного пройтись по магазинам, купить тебе что-нибудь сексуальное на выходные, сделать маникюр. Знаешь, просто... потусоваться.

— Будут ли включены коктейли? — Спрашиваю я, слишком хорошо помня, сколько мы выпили за день, когда ходили в спа.

— О, черт возьми, да. И на самом деле, теперь, когда ты упомянула об этом...

Она разворачивается и открывает холодильник, достает бутылку шампанского и упаковку апельсинового сока.

— Давай начнем день так, как мы намерены продолжать.

— Не заставляй меня напиваться. Я хочу насладиться выходными с Тоби, а не бороться с похмельем.

— Я не имею никакого контроля над решениями, которые ты принимаешь, Джоди Уокер. Ты самостоятельная женщина, которая может сама принимать неверные решения, представь компании доказательство этого факта.

— Ты — нечто особенное, — бормочу я, наблюдая, как она смешивает нам, к счастью, довольно слабые напитки.

— Я приготовила по-американски, — говорит она несколько секунд спустя, когда я беру свой напиток, и достает тарелку со свежеприготовленными блинчиками из духовки.

— Боже мой, да. Дай мне. — Я протягиваю маленькие цепкие ручки, более чем готовая к аппетитному сочетанию сладкого и пышного с хрустящим и соленым беконом. — Ты знаешь, как сделать девушку счастливой.

— И ты знаешь, как заставить моего брата улыбаться так, как я никогда раньше не видела, так что я тоже счастлива.

— Ты никогда не позволишь мне забыть прошлую ночь, не так ли?

— Э-э... — Она притворяется, что на секунду задумалась. — Нет. Если серьезно, то никого из нас это дерьмо не волнует. Наслаждайся, веселись, и пока ты не разобьешь ему сердце, у нас никогда не будет проблем.

Ее тонко завуалированная угроза витает в воздухе, когда она придвигает тарелку ближе ко мне.

— Не смотри так обеспокоенно. Побудь здесь достаточно долго, и я обучу тебя так, чтобы ты могла хотя бы попытаться одолеть меня на ринге.

— Господи, — бормочу я, хотя напряжение быстро исчезает, когда я набиваю рот ее завтраком. — Ты готовила это для Тоби?

— Да. Как ты думаешь, почему он так легко позволяет мне выкручиваться со всем моим дерьмом? Я регулярно снабжаю его сладким.

— Так ты подкупила их всех блинчиками? — шучу я.

— Нет, в основном, только Тоби. Я зацепила Себа своей киской. остальным просто нравится моя яркая индивидуальность и теплое сердце.

Я смотрю на нее, не в силах решить, как поступить.

— Я шучу, — говорит она с улыбкой. — В основном. Когда я победила их всех на ринге, у них не было другого выбора, кроме как признать, кто на самом деле держал здесь всю

власть.

— Я тебе завидую, — тихо признаюсь я.

— Мне? Почему? Ты чертовски крутая, Джоди.

Я пожимаю плечами. — Ты такая упрямая. Кажется, ты точно знаешь, чего хочешь от жизни, и берешь это за яйца. В случае Себа, вполне возможно, буквально.

— Хочешь, я открою тебе маленький секрет? — Она наклоняется над прилавком, как будто собирается прошептать что-то, что изменит мою жизнь.

— Конечно.

— Я ни хрена не понимаю, что я делаю. Я выдумываю дерьмо по ходу дела. Это все восприятие, Джоди.

— Что ж, считай, что ты меня убедила.

— А если серьезно, то, когда ты переезжаешь примерно столько же, сколько я, когда кажется, что твой мир меняется чуть ли не еженедельно, тогда у тебя нет другого выбора, кроме как научиться отбивать удары.

— Это место? На самом деле это всего лишь второе место, которое я когда-либо называла домом.

— Где было первое? — спрашиваю я, отчаянно желая узнать больше о ее нетрадиционном воспитании.

— Место во Флориде под названием Розвуд. Это был мой дом до того, как мы сюда переехали. Друзья, которых я там завел, были... невероятными.

— Ты скучаешь по ним? — спрашиваю я, когда ее печаль становится осязаемой.

— Да, — выдыхает она. — Но мы много разговариваем. И я надеюсь, что они приедут в гости, как только закончат учебу этим летом. Они познакомились с Себом, знают все о моей жизни здесь. Но я действительно хочу, чтобы они познакомились с остальными ребятами, увидели это место, понимаешь?

Я киваю. — Я рада, что все твои переезды были не такими уж плохими, — говорю я с улыбкой.

— Это многому меня научило. И это заставило меня оценить, насколько хорошими могут быть вещи, когда они правильные, даже если всем остальным они кажутся совершенно неправильными.

Ее слова поражают меня прямо в грудь, как будто она говорит о моей жизни, о моих отношениях с Тоби.

— К черту то, что думает остальной мир, Джоди. Все, что имеет значение, — это то, что в твоём сердце. Все остальные могут идти нахуй.

12

ТОБИ

— У нас было свидание, о котором я забыл, или что-то в этом роде? — спрашиваю я, выходя из класса и обнаруживая Себа, прислонившегося спиной к противоположной стене, задрав одну ногу и держа телефон в руке.

Злая улыбка появляется на его губах, когда он понимает, что я обнаружил его.

— О, братан, у нас скоро будет лучшее свидание из всех гребаных свиданий. Я надеюсь, ты готов.

Я свирепо смотрю на него.

— О чем, черт возьми, ты вообще говоришь?

— Ты помнишь, что я так и не купил тебе подарок на день рождения?

— Э-э... да. Но ты довольно скуп, когда дело доходит до подарков, так что я не ожидал многого, — бормочу я.

— Пфф, это чушь собачья. Ты видел, сколько бриллиантов в этом ожерелье на шее моей девушки?

— Стелла не в счет.

— Ну, неважно. — Он обнимает меня за плечи и направляет к главному выходу. — Я собираюсь возместить тебе это в десятикратном размере.

Любопытствуя, я позволяю ему проводить меня до парковки.

— Ты мог бы просто накормить меня. Я чертовски проголодался, — жалуясь я, когда становится более чем очевидно, что мы собираемся покинуть кампус, каким бы ни был этот маленький сюрприз.

Оказывается, Джоди была права, усомнившись в моем выборе завтрака этим утром. В чизкейке не так уж много начинки. Я прошел только половину своего первого урока за день, когда у меня в животе заурчало так громко, что я был уверен, что даже учитель мог слышать это из-за его чрезмерно раздражительных комментариев.

Ладно, так что, возможно, это была чистая скука, которая заставила меня проголодаться.

— Я обещаю, я принесу тебе что-нибудь поесть, — говорит он, заводя двигатель и пятясь со своего парковочного места. — Итак, я слышал, вчера вечером после ужина ты получил настоящее удовольствие.

— Господи, — бормочу я, проводя рукой по лицу.

— Есть ли что-то, чего вы со Стеллой не разделяете?

— Секреты, телесные выделения, убийства... Нет. На данный момент мы почти один человек. Чертовски рад, что она застала тебя врасплох, чувак. Она вернулась возбужденной, когда—

— Остановись. Пожалуйста, просто остановись, — умоляю я.

Его смех разносится по машине. — В наши дни до тебя чертовски легко добраться, Тобс.

— Да, хорошо, как бы ты себя чувствовал, если бы я трахал одну из твоих сестер и рассказывал тебе все об этом?

Он морщится.

— Именно.

— Ты простишь меня примерно через десять минут.

— Посмотрим, — бормочу я, складывая руки на груди и глядя в окно, пытаюсь угадать, куда мы направляемся.

Всего через несколько минут мы заезжаем на парковку, на которой я никогда раньше не был, и Себ велит мне следовать за ним.

— Если ты пригласил меня помочь выбрать белье Стелле, то я должен сказать тебе, что ты взял с собой в это маленькое путешествие не того человека. Мне даже все равно, какой едой ты меня подкупишь, я уже могу сказать тебе, что этого не будет—

— Прекрати, блядь, жаловаться. Я не хочу, чтобы ты выбирал нижнее белье Стеллы. С другой стороны, секс-игрушки... — Я поворачиваюсь на пятках, но Себ ожидает этого, и его пальцы хватают меня за плечо, прежде чем я успеваю пошевелиться. — Я, конечно,

шучу. Хотя что-то подсказывает мне, что твой опыт в этой области может пригодиться.

— Я, блядь, не эксперт. Мне просто нравится—

— Небольшой перегиб. Кто знал? Милому маленькому Тоби нравится связывать свою девочку и шлепать ее, пока она не засияет.

— Не говори, пока не попробуешь, — усмехаюсь я, мысленно возвращаясь к нашей первой ночи в Аиде.

— О, у меня есть все намерения, черт возьми, попробовать это.

— Забавно, потому что я думал, что ты ведешь себя как слабак, не ведя туда Стеллу.

— Не-а. — Он жадно потирает руки. — Это произойдет.

— Почему мы здесь? — Спрашиваю я, когда он тащит меня в универмаг и сразу направляется к эскалатору.

Он смотрит на меня и подмигивает.

В глубине души я уже знаю. Я знал с того момента, как он забрал меня из школы, но я отчаянно не хотел разочаровываться, поэтому я держал любую надежду, которая хотела вспыхнуть, крепко запертой.

— Ты можешь сказать мне, как сильно ты меня любишь позже, братан.

— Ты грязный ублюдок, — говорю я ему, когда мы проходим между стеллажами с женской одеждой в направлении, где указатели указывают на примерочные.

— О, а ты у нас — гребаный ангел, — невозмутимо отвечает он.

Набрав короткое сообщение на своем телефоне, он убирает его обратно в карман.

Подозрительно, что поблизости нет сотрудников. Их маленькая станция у входа полностью заброшена, когда мы входим.

— В конце слева. У нас есть десять минут. Тот, кто заставит их кричать громче, избавится от покупки обеда.

— Ты придурок.

— Эх, мне похуй.

Отодвигая занавеску в кабинке напротив той, куда он меня направил, он проскальзывает внутрь за мгновение до того, как Стелла начинает хихикать.

Ну, с волками жить, по волчьей выть...

Протягивая руку, я копирую его движение и обнаруживаю, что моя девушка стоит в одних кружевных красных стрингах, которые я заказал для нее онлайн, когда она спала на прошлой неделе.

При виде нее у меня текут слюнки, что не совсем так я бы описал ее реакцию, когда она испуганно кричит, обхватывая руками свои обнаженные сиськи в попытке прикрыться.

— Какого черта — Тоби? — выдыхает она, как только ее мозг справляется с шоком.

Я не отвечаю. Нет времени на светскую беседу.

Вместо этого я бросаюсь к ней, разворачиваю ее и толкаю к зеркалу. Она вскрикивает от удивления, когда холодное стекло соприкасается с ее разгоряченной кожей.

Еще один вскрик слетает с ее губ, когда моя ладонь сталкивается с ее голой ягодицей.

— Черт, Тоби, — выдыхает она, уже отчаявшись от одного этого прикосновения.

Опускаясь на колени, я кручу в руках тонкие края ее стрингов, пока они не спадают с ее тела, позволяя мне запихнуть свой приз в карман.

Может, она и принадлежит мне сейчас, но я не уверен, что кража ее нижнего белья когда-нибудь надоест.

— Раздвинь ноги, Демон. Я проголодался.

Она делает в точности, как ей сказано, и всего за несколько секунд я оказываюсь между ее бедер спиной к зеркалу.

Наши глаза встречаются, когда она смотрит на меня сверху вниз, прежде чем я провожу языком по всей длине ее киски, позволяя ее вкусу наполнить мой рот.

— Черт, детка, — я стону от того, какая она влажная. — Ты была здесь и думала обо мне?

Я просовываю два пальца глубоко в нее, изгибая их так, как, я знаю, ей нравится.

— Тоби, — кричит она, когда очень похожие звуки доносятся из кабинки напротив нас.

Отбрасывая мысли о них в сторону, я сосредотачиваюсь на моей девушке, втягивая ее клитор в рот и задевая его зубами.

У меня есть все намерения использовать мои десять минут, проведенных здесь с ней, по максимуму. И это означает, что она кончит как минимум дважды. Один раз на моем лице, а затем еще раз, когда она берет мой член.

Протягивая свободную руку, я расстегиваю брюки и несколько неловко стягиваю их вниз, обнажая свою длину. Обхватив ее пальцами, я медленно работаю над собой, пока ем свою девушку.

Ее глаза становятся все тяжелее и тяжелее, когда она смотрит на меня сверху вниз, но она никогда не закрывает их, слишком отчаявшись пережить каждую секунду этого со мной.

— Ты так чертовски красива, Демон, — рычу я, позволяя вибрациям моего глубокого голоса проходить через нее.

— Черт. Тоби, — стонет она, когда ее мышцы начинают сжиматься на моих пальцах.

— Тебя заводит, когда ты знаешь, что кто-то может быть там и слушать, как ты выкрикиваешь мое имя, как грязная шлюха?

Ее глаза вспыхивают жаром от моих грубых слов.

— Да, — выдыхает она. — И мне чертовски нравится эта твоя сторона.

— Я тебе сильно нравлюсь, да? — рычу я.

— Ты это знаешь.

Вытаскивая свои пальцы из нее, я дразню ее вход.

— Насколько грязной ты себя чувствуешь, детка?

Я перемещаю их позади нее, дразня ее задницу.

Все ее тело напрягается от этого ощущения. Мы туда еще не ходили, хотя она никогда не говорила мне, что против этого, так что я собираюсь рискнуть.

Она шипит, когда я прижимаюсь к тугому кольцу мышц, мои пальцы более чем достаточно скользкие от ее влаги.

— Черт возьми, — выдыхает она, когда я толкаюсь глубже.

— Кончай для меня, Демон. Покажи мне, как это приятно.

Мой язык продолжает ласкать ее клитор, а палец медленно трахает ее попку, и проходит всего несколько секунд, прежде чем она впадает в свое первое блаженное освобождение.

— Хорошая девочка. Не двигайся, — рывкаю я, вытаскивая палец из нее и вставая обратно.

Мое сердце колотится, а член ноет от желания, когда я стою позади нее.

Взяв в кулак ее длинный хвост, я притягиваю ее обратно к себе, ее задница дразнит мой член самым невероятным образом.

Мои зубы задевают раковину ее уха, пока она борется, чтобы восстановить контроль над

дыханием.

Найдя ее глаза в зеркале, я шепчу: — Я собираюсь трахнуть тебя жестко и быстро, и я хочу, чтобы ты выкрикивала мое имя так чертовски громко, чтобы каждый ублюдок в этом месте знал, что ты принадлежишь мне. Ты поняла это, Демон?

Ухмылка подергивается на ее губах. — Да, босс.

Гордость за мою девочку захлестывает меня на мгновение, прежде чем я заставляю ее наклониться.

— Руки на зеркало, и ни хрена ими не двигай.

Втягивая воздух сквозь зубы, я смотрю на нее, склонившуюся передо мной.

Снова обхватывая рукой свою длину, я провожу кончиком пальца по изгибам ее позвоночника, наслаждаясь тем, как она вздрагивает от моего прикосновения.

— Тоби, — стонет она, покачивая бедрами.

— Отчаянная маленькая шлюха, — бормочу я. — Тебе нравится быть моей игрушкой, не так ли? — Спрашиваю я, проводя головкой своего члена по ее киске, покрывая ее соками.

— Да, — кричит она, когда я толкаюсь внутрь ровно настолько, чтобы подразнить ее. — Тоби, пожалуйста. Мне нужно—

Я продвигаюсь вперед, точно зная, что ей нужно.

Ее руки разжимаются от моей силы, и я едва успеваю поймать ее, прежде чем ее лицо сталкивается с зеркалом.

— Держись крепче. Это не будет нежно, — предупреждаю я, отпуская ее плечи и вместо этого обхватывая пальцами ее бедра.

— Посмотри на меня, — требую я. — Я хочу, чтобы ты смотрела, как я владею тобой.

Ее темно-шоколадные глаза находят мои в зеркале, и на этот раз, когда я вонзаюсь в ее тело, она готова для меня и принимает это как демон, которым она и является.

Осознавая, что время ускользает от меня, я трахаю ее как дикарь, когда пот начинает стекать у меня по спине.

— Кончай для меня, детка. Мне бы не хотелось оставлять тебя здесь голодной.

— Ты бы не стал, — стонет она, давая мне понять, что она так же близка, как и я.

— На твоём месте я бы не испытывал себя.

Моя хватка на ней усиливается, когда я нахожусь на грани своего освобождения.

Скользя одной рукой ниже, я зажимаю пальцами ее клитор, и она почти сразу же срывается с места, как ракета, громко выкрикивая мое имя, именно так, как я требовал.

Я следую за ней ни секундой позже, рыча, когда мой член дергается глубоко внутри нее, заполняя ее.

В тот момент, когда я заканчиваю, я вырываюсь и разворачиваю ее, снова прижимая спиной к зеркалу и прижимаясь губами к ее губам.

Она целует меня почти так же жадно, как и я ее. Ее пальцы запутались в моих волосах, прижимая меня к себе, как будто она никогда не хочет отпустить.

Опуская руку между ее бедер, я провожу пальцами по ее влагалищу, моя грудь набухает, когда я чувствую, как моя сперма вытекает из нее.

— Ты трагишь это впустую, детка, — рычу я, толкая сперму обратно внутрь и заставляя ее застонать еще раз.

— Тобиас, твоё время вышло, чувак, — доносится из-за занавеса веселый голос Себа.

— Как будто ты, блядь, следишь за временем, — кричу я в ответ, хватая Джоди за горло, чтобы удержать ее на месте.

Я задерживаю ее взгляд на мгновение, позволяя ей увидеть все, что я чувствую к ней в моих синих глубинах.

— Я буду дома после тренировки, — говорю я ей, меня охватывает удовлетворение, когда я думаю о квартире, которая раньше была моей, как о нашей. — Будь готова к выходным.

— Что мне нужно взять с собой?

— Обычное дерьмо. И бикини. Самое маленькое, какое только можно найти.

— Тобс, — рявкает Себ.

— Все, блядь, в порядке, — огрызаюсь я в ответ, отпуская Джоди и прикрываясь штормкой, пока она стоит напротив зеркала с вздымающейся грудью и раскрасневшейся от желания кожей.

— До скорого, детка. — Я подмигиваю, подношу пальцы ко рту и слизываю с них ее вкус.

Ее подбородок опускается, а глаза темнеют, прежде чем я с сожалением отступаю от занавеса и оставляю ее одну, чтобы она снова взяла себя в руки.

— Черт возьми, я же говорил тебе, что это будет лучший подарок в твоей жизни, — радостно говорит Себ, когда я подхожу к нему. — О, у тебя немного... — Он постукивает по уголку своего рта, прежде чем кивнуть мне.

Не в силах остановиться, я вытираю губы, к его гребаному удовольствию.

— Ты мудак, — бормочу я.

— И ты любишь меня за это. Давай, пойдем заканчивать наш день, прежде чем мы сможем развлекать наших девочек все выходные.

— Сексуальный наркоман.

— И чертовски горжусь этим, чувак.

13

ДЖОДИ

Я нервничала из-за отъезда из города на выходные, этого нельзя было отрицать. Но сегодня утром в состоянии Сары не было никаких изменений, и ее врач на самом деле не ожидал, что это изменится в ближайшее время. На данный момент она стабильна, и мы просто должны продолжать молиться.

Но даже зная, что я ничего не могу для нее сделать, чувство вины терзает меня изнутри из-за того, что я не рядом с Джесси. Он едва держит себя в руках. Он едва ли даже похож на человека, к которому я привыкла, с его темными глазами и расстроенным выражением лица. Мне больно смотреть на него и знать, что единственное, что я могу сделать, это быть там. Доставлять ему кофе и еду и пытаться говорить все правильные вещи, которые в то же время всегда кажутся неправильными.

Это тяжело.

Так чертовски тяжело.

И у меня есть страх, что будет только хуже, прежде чем станет лучше.

Джесси сидит там изо дня в день, как будто она может проснуться в любой момент. Я понимаю это, действительно понимаю, черт возьми. Если бы это был Тоби, тогда я была бы прямо там, ожидая его, оказывая ему всю свою поддержку. Но я не могу избавиться от ощущения, что он теряет себя рядом с ней.

Даже если она справится с этим, это будет долгий и медленный путь к выздоровлению.

Она отказалась от всего, чтобы осуществить свои мечты, а затем, даже больше, чтобы жить с Джесси. Что произойдет, когда это исчезнет?

Ее родители уже заявили о своих пожеланиях относительно ее будущего ухода. Я думаю, что если бы Тоби не обеспечил лучшее лечение в отделении Чирилло в больнице, то они бы уже перевезли ее поближе к своему дому и лишили Джесси возможности видеться с ней.

Мысль о том, что это произойдет, заставляет мое сердце болеть. Сара — это вся его жизнь. Я понятия не имею, как бы он справился, если бы потерял этот контакт сейчас.

— Мы можем развернуться или вернуться, когда тебе понадобится, — уверяет меня Тоби, предсказывая, к чему клонит моя голова. Его рука крепче сжимает мою, когда мы направляемся туда, куда направляемся.

Единственное, что я знаю об этой поездке, это то, что она была организована через Галена и что это не дом Эвана. На самом деле, зная Тоби и людей, с которыми он связан, это может быть буквально что угодно.

— Я знаю, — тихо говорю я. — Я просто потерялась в собственной голове. Я бы хотела, чтобы я могла сделать больше.

— То же самое, детка.

— Я беспокоюсь о Джесси. Он не справляется.

— Ребята пристально следят за ним, — уверяет он меня. И я знаю, что так оно и есть. Арчер, Дакс и Джейс были там каждый день, обеспечивая Джесси всем необходимым и заставляя его заботиться о себе.

Я киваю, зная, что даже их дружба сейчас мало чем поможет.

— Как сейчас обстоят дела в Ловелле? — спрашиваю я, желая увести разговор подальше от этой унылой больничной палаты.

— Да, насколько я знаю, все улажено, и Арчер вернул себе контроль над поместьем.

— Ты... — Я колеблюсь, с трудом веря, что собираюсь задать этот вопрос всерьез. — Ты... избавился от членов, которые создавали проблемы?

— Избавился? — Тоби спрашивает с ухмылкой.

— Ты убил их? — смеюсь я.

Как именно моя жизнь стала связана с вопросом, убил ли мой парень плохих парней?

— Ну, не лично, но они выбили большинство основных игроков в попытках захвата.

— А что насчет тех, кого они не убили?

— Сбежали, поджав хвосты.

— Это звучит... опасно.

— Нет. Они не настолько глупы, чтобы сейчас что-то предпринимать. Они проиграли. Скорее всего, они начнут все сначала где-нибудь в другом месте. Прoberутся в какую-нибудь другую банду в другом городе и начнут процесс сначала.

— Я думала, что в бандах главное — верность, — говорю я, нахмурившись.

— Это так. Но все портится, когда ты обнаруживаешь, что твоя преданность находится не в том месте. Они совершили ошибку, поддержав Луиса, и теперь им приходится расплачиваться.

— Если они будут ошиваться поблизости, они будут мертвы. Итак, единственный вариант на самом деле — начать все сначала. И жизнь в банде — это все, что они когда-либо знали. Они вряд ли найдут где-нибудь работу и станут добропорядочными гражданами.

— Наверное.

— Теперь там все будет хорошо. С нами и Жнецами за спиной у Арчера есть все, что ему может понадобиться, чтобы начать все сначала.

Между нами повисает тишина, когда я отрываю взгляд от Тоби и смотрю в окно. Мои глаза расширяются, когда я понимаю, что мы оставили главную дорогу позади и в настоящее время окружены идеально ухоженными кустами.

— Что, черт возьми, это за место? Одна из загородных резиденций королевы? — спрашиваю я, когда самые большие ворота, которые я когда-либо видела, появляются над небольшим холмом перед нами.

— Я не уверен. Это не было одним из вопросов, которые я задавал, — язвит Тоби, останавливая машину перед ними, прежде чем опустить окно и ввести код на маленькой клавиатуре.

— Бинго, — объявляет он, когда загорается зеленый и ворота перед нами начинают плавно открываться.

— Вот дерьмо, Тоби, — выдыхаю я, когда он выезжает вперед, и в поле зрения появляется самый сумасшедший дом. — Это—

— Чертовски массивно, — выдыхает он, звуча почти так же потрясенно, как и я.

Белое здание перед нами настолько современное, что чертовски похоже на футуристическое.

Оранжевый оттенок заходящего солнца позади нас отражается в огромных окнах, которые занимают большую часть как первого, так и второго этажей здания.

Огромные двойные двери расположены прямо посередине. Все это идеально симметрично, вплоть до цветочных горшков, которые выстраиваются вдоль дорожки к огромному крыльцу.

— Это безумие.

— Гален сказал, что это было милое местечко, но черт возьми. Это—

— Мы не можем оставаться здесь. Это слишком.

— Это наше на все выходные. Владельцы рады, что мы можем им воспользоваться.

— Тоби, мы там, блядь, заблудимся.

Он поворачивается ко мне, на его губах появляется непристойная улыбка. — Тебе нравится игра в прятки?

Мои глаза опускаются на его губы, когда его язык пробегает по нижней губе.

— Думаю, все зависит от того, что получит победитель, — шепчу я, мой голос едва слышен над хриплым стоном, когда его зубы заменяют язык, погружаясь в мягкую подушку его губ.

— Голову, — рычит он. — Тот, кто проиграет, должен заставить другого кричать.

Я изучаю его, мое сердце колотится почти так же сильно, как пульсирует у меня между ног.

— Звучит как игра, в которую я могла бы сыграть, — бормочу я. — Я думаю, нам, возможно, стоит пойти и проверить это тогда. Мне нужно найти несколько хороших укрытий.

— И подумать только, это должны были быть расслабляющие выходные. Пошли, — говорит он, толкая плечом дверь, прежде чем я успеваю ответить.

Я сижу там пару секунд, просто любуюсь безумным дизайном здания передо мной, пока Тоби не захлопывает багажник и не обходит мою сторону, открывая для меня дверь.

— Моя леди, — бормочет он, жестом указывая мне на выход.

— Благодарю вас, добрый сэр.

Мы молча идем к входной двери. Может, Тоби и привык к богатству и роскоши, но что-то подсказывает мне, что это место потрясло даже его.

Мой подбородок опускается, когда он открывает дверь. Мы входим в идеально белый огромный коридор с замысловатой лестницей, поднимающейся из центра, прежде чем она разделяется по обе стороны огромного пространства, к тому, что, как я предполагаю, является спальнями.

Мои ботинки стучат по мраморному полу, который, я уверена, стоит больше, чем я, вероятно, заработаю за всю свою жизнь в одиночку.

Я чувствую себя абсолютным мошенником, даже просто стоя здесь.

— Помнишь, я говорила тебе, что твои деньги меня не впечатляют, верно? — Говорю я, уставившись на картину, которую, я уверена, я, вероятно, должна признать одной из величайших. Но когда я изучаю это, я понимаю, что мне это даже не очень нравится. Мне это ни о чем не говорит. Это ничего не значит, и, честно говоря, это даже не так привлекательно. Это просто для вида, и одно это меня отталкивает.

— Что ж, к счастью для нас, это не мои деньги. Она принадлежит тому, у кого их явно слишком много. И после всего дерьма, через которое мы прошли, я думаю, мы более чем заслуживаем пару дней притворяться, что живем роскошно, как они.

— Ты хотя бы знаешь, кому принадлежит это место? — спрашиваю я, наблюдая, как он скидывает обувь и расставляет упакованные нами чемоданы у нетронутых стен.

— Нет. И прямо сейчас мне совершенно плевать.

В ту секунду, когда я следую его примеру и оставляю свою обувь, он берет меня за руку и тащит по коридору к первой двери.

Я визжу, когда мои ноги с трудом поспевают за ним, и широкая улыбка расплывается на моем лице от его игривости.

— Это влажная мечта шеф-повара, — объявляю я, когда мы заходим на кухню, превосходящую все, что я когда-либо видела раньше.

— К черту шеф-повара, единственное, что я хочу здесь съесть, — это тебя на этой гранитной стойке.

— Тоби, — выдыхаю я, когда его большие руки обвиваются вокруг моей талии, готовые поставить меня на место. — Нет, — кричу я, убегая от него, прежде чем он успевает поднять меня с ног.

— Демон, — рычит он, когда я вылетаю из комнаты, быстро оказываясь в другой, полной гладкой черной мебели. Но в углу есть розовый кукольный домик, который выглядит совершенно неуместно. При виде этого с моих губ срывается еще один смешок. Я думаю, это то, что мега богатые называют семейной комнатой.

Тяжелые шаги раздаются позади меня, когда я продолжаю идти вперед и выхожу обратно в коридор, из которого мы начали. Или, по крайней мере, я так думаю. Я двигаюсь слишком быстро, чтобы обращать внимание на детали комнаты, когда мчусь к лестнице.

Толстый ворс ковра под моими ногами смягчает мои шаги, и я улыбаюсь про себя, что, возможно, мне удастся увеличить расстояние между нами, чтобы продлить эту маленькую игру в кошки-мышки.

Мое сердце бешено колотится, когда адреналин бежит по моим венам. Я останавливаюсь на углу и прислушиваюсь. Взрываюсь смехом, когда все, что меня приветствует, — это звук моего тяжелого дыхания.

Стаскиваю с себя кардиган, швыряю его на лестницу и снова бегу, ничего, кроме радости и безрассудства, не наполняет мое тело.

На ходу я расстегиваю блузку, наконец позволяя ей упасть с моих рук и оставляя ее в коридоре.

Я бросаюсь за другой угол, когда шаги гремят по лестнице позади меня.

— Ты не сможешь убежать от меня, Демон. Я найду тебя и даже любезно заберу свой выигрыш.

Мой желудок переворачивается от волнения, когда я продвигаюсь вперед.

Расстегнув джинсы, я неловко натягиваю их на бедра, когда обнаруживаю еще одну лестницу.

Я оставляю на ней свои брюки, за которыми быстро следуют носки.

Мой лифчик падает на ковер в коридоре, прежде чем я открываю первую попавшуюся дверь и врываюсь внутрь.

Я уже нахожусь в глубине комнаты, прежде чем действительно поднимаю взгляд и осматриваюсь по сторонам.

— Святое дерьмо, — ахаю я, оценивая огромные размеры спальни. Но какой бы потрясающей ни была комната, мое внимание привлекают окна, а точнее закат за ними.

Небо окрашено в красивые оттенки оранжевого и красного, когда солнце в последний раз садится за горизонт, отражаясь в спокойной воде того, что я могу принять только за озеро в их долбаном саду.

Это место похоже на рай на земле.

Это шокирующее напоминание о том, насколько изменилась моя жизнь. Мои выходные больше не проходят в старом парке отдыха с Бри, где мы напиваемся как можно больше и кайфуем от жизни. Вместо этого я сижу посреди особняка миллионера и играю в прятки. Ну, я думаю, мы никогда по-настоящему не повзрослеем, не так ли?

— Выходи, выходи, где бы ты ни была, — зовет голос Тоби из-за двери.

В спешке я натягиваю трусики на бедра и позволяю им упасть к ногам.

Я быстро хватаю их и бросаю в сторону двери, которую оставила слегка приоткрытой. Возможно, это игра, но мы оба знаем, что на самом деле все самое интересное заключается в поимке.

Забывая о том факте, что в данный момент я стою в том, что, как я предполагаю, является чьей-то главной спальней, с голой задницей, я быстро оглядываюсь по сторонам. Не найдя места, которое подходит для этого, я подкрадываюсь к огромной кровати. Клянусь, она достаточно большая, по крайней мере, для четырех человек. Эта мысль только вызывает больше вопросов о владельцах этого места.

Я опускаю задницу на край, мой пульс колотится в такт приближающимся шагам Тоби, и буйство бабочек продолжает множиться в моем животе.

Мой вздох разрывает воздух, когда он останавливается за дверью, его тень заполняет несколько дюймов, которые я оставила на расстоянии удара, прежде чем небольшая кучка кружев, которую я бросила туда, украдена.

— Ммм, пахнет так, будто моя девушка могла бы быть рядом, — бормочет он. — Я почти чувствую вкус моей сладкой, сладкой жертвы, — Он распахивает дверь, и его слова обрываются, когда он обнаруживает, что я откидываюсь назад, опираясь на ладони, с раздвинутыми ногами и вздымающейся грудью.

— Черт, Демон.

Через несколько секунд его толстовка с капюшоном валяется на полу, ботинки и носки сняты, а ширинка разорвана.

То, как он приближается ко мне, нельзя описать никак иначе, кроме как крадущимся взглядом, его глаза впитывают меня и пожирают одновременно.

Мое дыхание становится только более прерывистым, когда его запах проникает в меня, и мое естество становится еще более влажным от желания.

— Так, так, так, посмотри, что у меня здесь. Маленькая мышка в моей ловушке, готовая быть уничтоженной.

Он опускается на колени, его глаза невероятно темнеют, когда его язык скользит по нижней губе, как будто он уже может почувствовать меня там.

— Но ты победил, я думала—

— О, детка. Я, блядь, победил. — Его руки сжимают мои бедра, и он приподнимает мою задницу над кроватью, прижимаясь ко мне, его язык погружается в меня, когда моя голова запрокидывается от крика удовольствия.

14

ТОБИ

Я понятия не имею, кому принадлежит это место, но это не имеет значения, потому что их главная спальня с таким же успехом может быть теперь нашей. Воспоминания, которые у меня остались от прошлой ночи, о том, как я нашел ее, пожирал ее, заставлял ее кончать всеми гребаными способами, навсегда запечатлеются в моей памяти. Смотреть, как она корчится на огромной кровати, — это то, о чем я, вероятно, буду думать всю оставшуюся жизнь. Великолепное мягкое сияние заходящего солнца и лунного света, оставшееся на ее коже, когда я разрушил ее всеми лучшими способами, запечатлелось на моих веках. Она была демоном, но на самом деле, она мой ангел.

Она спасла меня во многих отношениях. Способы, которые, я уверен, она никогда по-настоящему не поймет. Черт возьми, я даже не уверен, что сам действительно понимаю. Все, что я знаю, это то, что я был на пути в один конец к саморазрушению, и если бы я не потащил ее с собой в ад, то понятия не имею, где бы я оказался.

Я думал, что она была послана на эту землю, чтобы помочь мне отомстить, чего я жаждал, но на самом деле, она была послана сюда ради меня.

Единственная хорошая вещь, которую этот мудака когда-либо сделал в своей жизни, это привел меня к ней. Мое утешение. Моя спасительница. И хотя моя ненависть к нему, возможно, все еще отравляет каждую каплю моей крови, я не могу сказать, что она немного не уменьшилась. Он сделал мне подарок. Тот, который он пытался скрыть, но который я обнаружил и сделал своим вопреки его желанию.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Джоди, ставя передо мной напиток и вставая между моих ног, где я сидел, наблюдая за ней на кухне.

Страх поселяется у меня в животе, но я не уклоняюсь от правды.

Джоди снова и снова показывала мне, что она более чем достаточно сильна, чтобы справиться с реальностью моей жизни, и я полностью готов поделиться с ней об этом всем, чем смогу.

— *О нем*, — признаюсь я. — О тебе. — Я пожимаю плечами, когда мягкая улыбка играет на ее губах.

Время, проведенное нами здесь, было поистине удивительным. Мы провели день в кинозале, который нашли в подвале. После того, как мы хорошо использовали главную спальню, мы, наконец, отправились на миссию исследовать каждую комнату, которую может предложить это место, и мы оба согласились, что то, что мы нашли под землей, было, безусловно, лучшим.

Я не хотел, чтобы она это видела, но я не решался спускаться по этой лестнице. Единственный опыт, который у меня был с подвалами в моей жизни, был не из приятных, но, взяв ее за руку, я отступил и оставил своих демонов далеко позади. Слава богу, что я это сделал, потому что комната, которая предстала перед нами, была такой же захватывающей, как и все остальное здание.

Джоди собирается ответить, когда раздается автомобильный гудок.

— Что за черт? — рывкаю я, вставая и направляясь к окну, когда фары освещают всю кухню. — Гален сказал, что это место будет— Мои слова запинаются, когда рядом с моей останавливаются две машины. — Ублюдки, — ворчу я.

— Что это— о, — со смехом говорит Джоди, когда все высыпаются из машин.

— Да, о. Надеюсь, ты не планировала провести приятную тихую ночь дома, — говорю я, прекрасно зная, что так оно и было. Я уже приготовил место для костра снаружи, чтобы мы могли провести ночь, сидя без дела, как мы это делаем, просто... ничего.

— Да, но это тоже могло бы быть весело. О Боже мой, — визжит она, заметив что-то или кого-то, кого я раньше не замечал, прежде чем броситься к входной двери.

Я иду вслед за ней, наполовину проклиная их всех, наполовину радуясь их видеть.

К тому времени, как я подхожу к двери, Джоди бежит по дорожке, крича «Брианна», прежде чем прыгнуть в ее объятия.

— Что это, черт возьми, на самом деле такое? — рывкаю я, складывая руки на груди, и свирепо смотрю на Стеллу и Себа. Возможно, у меня нет никаких доказательств, но я точно знаю, что они стоят за этой маленькой засадой.

— Итак... — начинает Стелла. — Возможно, папа случайно проговорился о том, где ты был, и мы подумали, что, возможно, было бы забавно—

— Стать незванными гостями?

— Я собиралась сказать «вечеринка», но, конечно, если ты хочешь это так называть, давай, братан. — Она покровительственно хлопает меня по груди, прежде чем проскользнуть мимо меня в дом. — Черт. Это место безумно, — бормочет она, прежде чем ее шаги затихают вдали, и Нико устремляется ко мне, его лицо подобно гребаному грому.

— Я не соглашался на это, — говорит он, указывая за спину, где Джоди и Брианна все еще разговаривают. — Она приводит в бешенство.

— О, она не позволила тебе трахнуть ее на заднем сиденье машины? Бедный маленький Нико, — издеваюсь я.

— Пошел ты. Мы оба знаем, что я мог бы склонить ее перед собой ровно за три секунды, если бы попытался. — Я не могу не ухмыльнуться его высокомерию.

— То есть ты не хочешь сказать, что с тех пор, как ты оставил ее связанной и на милость того, кто вошел в тот гостиничный номер в День Святого Валентина, она с тобой не разговаривает?

— Это была просто шутка, — издевается он, повыше закидывая сумку на плечо и направляясь в дом. Алекс, Тео, Эмми и Калли не отстают от него.

— Привет, Брианна, — приветствую я, подходя к ним двоим.

— Привет, Тоби. Надеюсь, ты не возражаешь, что я присоединяюсь. Не то чтобы Стелла действительно оставила мне выбор. Твоя сестра жестока, чувак.

— Мне нравится все, что заставляет мою девушку так визжать, — язвительно замечаю я.

— О, черт возьми, да. Я надеюсь, ты правильно с ней общался, Тобиас. — Брианна подмигивает, прежде чем схватить Джоди за руку и потащить ее к дому. — Разве я не говорила тебе всегда, что ты должна трахаться с теми, у кого есть деньги?

— Ты кошмар, — смеется Джоди, бросая на меня ответный взгляд. Мое сердце тает от исходящего от нее неподдельного счастья, и я быстро забываю о любом раздражении, которое у меня было на парней за то, что они появились и вот так разрушили наш мир.

Их голоса и смех заполняют весь нижний этаж, когда я закрываю за всеми нами входную дверь и возвращаюсь на кухню.

Стелла и Брианна заняты приготовлением коктейлей в кувшинах, а Алекс и Нико наполняют холодильник пивом, водкой и несколькими другими бутылками, которые я не могу разобрать.

Тео и Себа нигде не видно, но я их слышу.

— Они разжигают костер для нас, — говорит Джоди, заметив, кого я ищу, когда она подходит ко мне. — Тебя это устраивает?

Я улыбаюсь ей, когда она проводит руками по моей груди, прежде чем положить их мне на плечи.

— Ты счастлива? — Спрашиваю я, наклоня свою бровь к ее и отсекая всех остальных от моего видения.

— Да. Я люблю твою семью.

— Тсс, не позволяй им слышать, как ты это говоришь. Это ударит им в головы.

Ее смех зажигает меня изнутри.

— По дороге сюда мы заказали китайскую еду. Это должно прибыть примерно через десять минут.

Я целую Джоди в кончик носа, прежде чем повернуться, чтобы посмотреть на свою сестру.

— Это было очень самонадеянно с твоей стороны. Мы могли бы отказаться открывать дверь.

— Может быть. Но ты этого не сделал, не так ли? — Она улыбается мне, и все, что я могу сделать, это рассмеяться. — Давайте, дети. Пойдем напьемся и станем безрассудными.

— О Боже, — стону я, более чем осознавая, на какое безрассудное дерьмо она способна, когда пьяна. — Просто не снимай свою гребаную одежду, — кричу я ей вслед, когда она несет кувшин с чем-то во внутренний дворик, куда исчезли остальные.

— Я не могу давать таких обещаний, старший брат. Я предлагаю тебе просто хорошенько напиться вместе со всеми нами.

Джоди смеется, крепче прижимая меня к своему соблазнительному телу.

— Сегодняшний вечер обещает быть диким, не так ли?

— Я думаю, ты, возможно, права, Демон.

Она ахает, когда я внезапно сжимаю пальцы на ее горле и не оставляю ей выбора, кроме как отступить назад, пока она не сталкивается со стеной рядом с открытыми французскими дверями.

— Не можешь победить их, присоединяйся к ним, — бормочу я, прежде чем прижаться губами к ее губам.

Кому-то не потребуется много времени, чтобы оглянуться назад и увидеть, как я прижимаюсь к своей девушке, и за этим последуют предсказуемые возгласы.

— Давайте поиграем в игру, — невнятно произносит Алекс со своего места на краю углового дивана. Он сидит боком, положив ноги на бедра Калли, не то чтобы она жаловалась на то, что использует его как свое личное одеяло.

На улице прохладно, в конце концов, еще даже не весна, но с ревушим камином и обогревателями, которые мы все притащили и установили повыше, приятно сидеть под звездами со своей семьей.

Джоди свернулась калачиком у меня на коленях под толстым одеялом на огромном круглом уличном диване, который мы выбрали для себя, когда Нико освободил его примерно час назад, чтобы облегчиться в озере. Гребаное животное.

— Звучит зловеще, — бормочет Джоди. Судя по количеству выпитых коктейлей Стеллы, она звучит почти такой же пьяной, как и Алекс.

— Стреляй, чувак. Я более чем готов к некоторым волнениям, — рывкает Нико, проводя рукой по волосам и напрягая мышцы так, что я уверен, он думает, что никто из нас этого не замечает. Я имею в виду, что один из нас этого не делает, или, по крайней мере, она хорошо притворяется, несмотря на тот факт, что шоу, которое он устраивает, явно для нее.

— Правда или действие, — радостно объявляет Алекс, пока остальные из нас стонут.

— Нам не двенадцать, чувак, — бормочет Тео.

— Я более чем в курсе. Я не собирался предлагать тебе пойти и взбодрить кого-нибудь из соседей. — Алекс закатывает глаза. — Мы можем придумать гораздо лучшее дерьмо, чем это.

— Я в деле, — радостно говорит Стелла, за ней быстро следует Брианна, которая, вероятно, просто надеется, что у нее появится шанс помучить Нико.

— Ладно, к черту это. Я в деле, — объявляет Эмми. — Босс? — мурлычет она, глядя на Тео сквозь ресницы.

— Отлично, — бормочет он, и это звучит как угодно, но только не радостно.

— Как мы выбираем, кто пойдет первым? — спрашивает Калли, и это звучит более взволнованно, чем я ожидал от нее.

— Полегче, — говорит Брианна, поднимаясь со своего места на диване и обходя стол посреди всех нас. Улыбка подергивается на моих губах, когда она наклоняется перед Нико, давая ему возможность взглянуть прямо на то, что она может — или зная Бри, а может и нет — носить под своей короткой юбкой.

Джоди фыркает от смеха, когда мы наблюдаем, как глаза Нико чуть не вылезают из орбит.

— Он осознает, что начал с ней битву, которую ему никогда не выиграть, верно? — шепчет она мне на ухо.

— Нико верит, что он никогда не проигрывает.

— Ну, это чушь собачья, прямо здесь, — рывкает она.

— Тебе не нужно говорить мне это, детка.

Она, наконец, встает, ставит его пустую пивную бутылку на середину стола и поворачивается.

— И мы думали, что «правда или действие» — это ребячество. Крутишь бутылочку, серьезно? — насмехается Нико.

— Что? Значит, ты бы отказался поцеловать меня, если бы бутылка решила, что такова твоя судьба?

Голос Брианны — чистый секс, когда она стоит перед ним и соблазнительно проводит рукой по своему телу.

— Она хороша, — признаюсь я Джоди.

— У него нет ни единого гребаного шанса. Она возьмет то, что хочет, и выплюнет его обратно.

— Буквально? — Спрашиваю я со смехом и зарабатываю себе легкий шлепок по голове.

— Ты такой мальчишка.

Я пожимаю плечами, на самом деле мне насрать. — Может быть. Хотя я предпочитаю, когда ты глотаешь, Демон.

Она извивается у меня на коленях, и мой член набухает, когда ее задница трется об него. Брианна опускается обратно на свое место, когда бутылка останавливается на Алексе.

— Ах, хорошо, сначала мы помучаем зачинщика этого дерьма, — бормочет Тео.

— Правда или действие? — спрашивает Брианна с дерьмовой ухмылкой на лице.

— Правда.

— Киска, — усмехается Нико, прикрываясь кулаком.

— Хорошо... о ком из сидящих за этим столом ты фантазировал, когда кончал? — радостно спрашивает Бри.

Глаза Алекса перебегают с каждой из наших девушек на следующую. — Что ж, значит начинаешь с легкого? — спрашивает он, делая глоток пива.

— Я думаю, что все зависит от твоего ответа.

— Верно. Что ж, мне жаль разочаровывать вас, ребята, но вы все очень, очень далеки от моего материала в банке дочки. Стелла и Калли, однако...

— Алекс, — в ужасе визжит Калли, когда Нико запускает ему в голову пустой банкой, которую он с легкостью ловит.

— Что, братан? Ты бы предпочел, чтобы я думал о тебе? — Алекс устраивает шоу, разглядывая тело Нико, в то время как он обнимает Калли за плечи, когда она пытается убежать.

Нико усмехается, потому что Алекс громко объявляет: — Не волнуйся, малышка Си. Ты всегда лучшее, что у меня когда-либо было.

— Ну, очевидно, — раздражается Калли.

— Разве она не девственница? — Джоди шепчет мне на ухо.

— Насколько я знаю. Хотя я уверен, что кто-нибудь скоро это заберет. Алекс как собака во время течки.

— Он бы не... не так ли?

— Учитывая такое количество алкоголя, я бы не был так уверен.

— Хорошо, моя очередь. — Алекс потирает руки и тянется вперед, чтобы раскрутить бутылку для своей жертвы.

Она останавливается перед Тео и Эмми, и с ней, прижатой прямо к нему, это легко может быть любой из них.

— Эмми, — объявляет Алекс.

— Как ты до этого додумался? — спорит она. — С таким же успехом это мог быть Тео.

— Потому что, Мегера, — подмигивает Алекс, когда Тео закатывает на него глаза, — наш слабак-босс выберет правду, а у меня в рукаве припасено кое-что гораздо более

забавное.

— Великолепно, — бормочет она. — Тогда делай все, что в твоих силах, Деймос. — Эмми хватает свой оставленный коктейль и залпом выпивает его. — Дерзай.

Улыбка, которая кривит губы Алекса, — это чистое гребаное зло.

— Это скоро станет грязным, не так ли? — Джоди шепчет, когда вокруг нас нарастает дурное предчувствие.

— Ты допускала, что этого не будет?

— Справедливое замечание, — бормочет она, когда Алекс обращает свое внимание на Стеллу, и я стону, точно зная, что за этим последует. Я могу читать его грязные мысли, как гребаную книгу.

— Эмми, я предлагаю тебе поцеловать Стеллу.

Не сбиваясь с ритма, Эмми встает и перекидывает свои длинные темные волосы через плечо.

— Это все? — спрашивает она. — Я думала, ты собираешься бросить мне вызов.

Подбородок Алекса опускается, в то время как Тео и Себ наблюдают за происходящим с более чем небольшим интересом, их глаза темнеют.

Не так увлеченный результатом, как они, я просовываю руку под голые ноги Джоди и притягиваю ее ближе к себе на колени.

На ней была только моя рубашка, когда все пришли, и, к моему большому удовольствию, с тех пор она не переделалась.

— Тоби, — выдыхает она, когда я провожу рукой по внутренней стороне ее бедра, чтобы выяснить, надевала ли она недавно трусики. Я точно знаю, что раньше она ничего такого не носила.

— Что? — Невинно спрашиваю я. — Мне просто нужно кое-что проверить.

— Конечно, ты — Ее вздох прерывает слова.

— Ты грязная девчонка, Демон. Сидишь здесь, такая милая и мокрая для меня без всякого нижнего белья.

Я провожу пальцами по ее складочкам, окрашивая ее кожу ее собственными соками.

— Т-ты не можешь, — возражает она, обхватывая мою руку и пытаюсь оттащить меня.

— Смотри, — приказываю я, — все смотрят на них. Никто даже не узнает.

Она в восторге от моих слов.

— Смотри шоу, Демон.

Она нервно сглатывает, и я опускаю пальцы ниже, дразня ее вход.

Отрывая от нее взгляд, я наблюдаю за Эмми, пока она крадется к Стелле.

Нико наклоняется вперед, опираясь на локти, как будто это поможет ему лучше видеть.

— Привет, девочка, — мурлычет Эмми, надевая соблазнительный голос, который она использует для Тео, когда хочет заставить его согласиться с тем, что она говорит. — Я надеюсь, ты достаточно пьяна, чтобы справиться с этим. Мне бы не хотелось обратить тебя одним поцелуем.

Себ усмехается. — Вряд ли. Она прирастилась к моему члену.

— Посмотрим, — бормочет Эмми, прижимая колено к сиденью рядом со Стеллой и оседлав ее колени.

— О Боже, — стонет Джоди, подбадривая.

К счастью, спина Эмми загораживает мне обзор от происходящего, но я получаю чертовски хорошую подсказку, когда Алекс кричит: «О, черт возьми, да», а Себ дергает себя

за джинсы так, что на самом деле мне становится немного жаль его. Ему, должно быть, чертовски неудобно.

Себ и Тео обмениваются взглядами, между ними потрескивают безмолвные обещания, которые я могу предсказать, но не могу прочесть.

— Так что ты скажешь? — спрашивает Эмми, откидываясь на спинку стула. — Ты собираешься сменить команду и убежать со мной в закат, принцесса?

— Прости, детка, — мурлычет Стелла. — У тебя просто недостаточно члена для меня.

Протянув руку, Стелла проводит рукой по бедру Себа, и он громко стонет, когда она хватает его через джинсы.

— Черт. Думаю, в следующий раз мне лучше стараться сильнее, — поддразнивает Эмми, прежде чем вернуться к Тео и повторить движение, которое она только что проделала со Стеллой. Она опускается к нему на колени, накручивает его волосы на пальцы и возвращает его голову именно туда, куда она хочет. — Тебе это понравилось, босс? — дразнит она, давя на него.

Никто не может сидеть сложа руки и принимать это, он обнимает ее, прижимает ее тело к своему и требует ее губы. Я уверен, что стирает все воспоминания о поцелуе Стеллы.

— Эмми, твоя очередь крутить, — кричит Алекс, но все, что она делает, это поднимает руку и отшвыривает его.

— Прелестно, — легкомысленно бормочет он.

— Я раскручу это, — говорит Стелла, наклоняясь вперед и крутя ее.

Алекс использует стол для барабанной дроби, и я пользуюсь возможностью, чтобы засунуть пальцы глубже в мою девушку и сжимать их, пока она не начнет стонать.

15

ДЖОДИ

Мое тело горит, пока Тоби продолжает безжалостно дразнить меня. Он точно знает, как играть со мной, подвести меня прямо к краю, а затем вернуть обратно, не дав мне даже пальцем пошевелить над пропастью.

Моя грудь вздымается, и я скрежещу зубами, отчаянно пытаюсь скрыть свою реакцию на то, что он делает, от моего лица.

Бутылка начинает медленно вращаться, и я молнюсь, чтобы она не остановилась на мне. Клянусь, как только кто-нибудь посмотрит, он поймет, что происходит, и в нашей игре все вокруг меня получают больше впечатлений, чем, я уверена, им нужно.

— Тебе жарко, детка? — спрашивает Тоби, не обращая никакого внимания на бутылку, когда он держит мой напиток передо мной свободной рукой. — Тебе действительно стоит выпить.

— Ты засранец, — выдыхаю я.

— Просто развлекаюсь, Демон. И, судя по тому, как ты стекаешь по моей руке, я думаю, что ты, возможно, тоже проводишь лучшее время в своей жизни.

— Я ненавижу тебя, — шиплю я, опрокидывая остатки, возможно, самого крепкого коктейля, который я когда-либо пила. Это обжигает меня до самого желудка и почти мгновенно усиливает тот кайф, который у меня уже был.

Тоби посмеивается мне в ухо, когда бутылка останавливается, к счастью, не на нас.

— Да, — кричит Брианна, и когда я снова сосредотачиваюсь, я обнаруживаю, что

бутылка направлена прямо на Нико.

— Тогда продолжай, принцесса. Давай посмотрим, что ты сможешь придумать, — говорит Нико, и широкая, неистовая улыбка расплывается на его лице.

— О нет, — говорит Стелла, бросая на мою лучшую подругу заговорщический взгляд. — Я думаю, это справедливо, что Бри выбирает твой вызов.

— Это не по правилам, — возражает Нико, глядя на Алекса.

— По-моему, звучит справедливо, чувак.

— Пизда, — бормочет Нико, зная, что то, что последует дальше, будет болезненным, либо физически, либо просто для его раздутого эго.

Пальцы Тоби замедляются, пока мы все ждем, что Бри что-нибудь придумает, но как бы отчаянно я ни хотела, чтобы он наконец заставил меня кончить, я также действительно хочу увидеть, что должно произойти.

Бри смотрит ему в глаза, ее лицо смертельно серьезно, пока в ее голове разыгрывается план.

— Подойди сюда и встань на колени.

Одна сторона улыбки Нико становится шире.

— В любое гребаное время, Сирена. Ты знаешь, что все, что тебе нужно сделать, это попросить.

Он радостно встает и, немного отодвинув стол, опускается перед ней на колени, облизывая губы, готовясь.

Он, должно быть, пьянее, чем выглядит, потому что она, блядь, ни за что не попросит его—

— Скажи мне, что это не то, что я думаю, — умоляет Тоби.

— Нет, она не такая. Однако она заполучила его именно туда, куда хотела.

Вынимая ногу из туфли, она поднимает ее и прижимает к середине его груди.

— Поклоняйся моим стопам, плейбой. Покажи мне, как хорошо ты управляешься с этими пальцами. — Ее слова сочатся намеками, и все вокруг хихикают, в то время как Нико бросает кинжальные взгляды на Бри.

— О, ты выглядишь разочарованным, детка. О Боже мой, — невинно выдыхает она, прикрывая сердце рукой. — Ты действительно думал, что я позволю тебе отлизать мне? Пожааалуйста. Я бы скорее пошла и нашла дохлую рыбу в том озере, чтобы кончить.

Алекс, Тео и Себ чуть не падают со смеху над выражением ужаса на лице Нико, а тело Тоби вибрирует от смеха подо мной.

— Любой мог бы подумать, что ты считаешь мою лучшую подругу шлюхой, которая обнажает свою киску перед кем попало, Нико, — язвительно замечаю я, сожалея о своих действиях в ту же секунду, как все взгляды обращаются на меня.

Мои щеки горят, как будто прикрывающее нас одеяло прозрачное, и все они могут видеть, как пальцы Тоби исчезают внутри меня.

— Не хочу тебя огорчать, Джоди, но твоя лучшая подруга — шлюха. Не так ли, Сирена? — Он берет ее ступню в свои руки и нажимает большим пальцем на стиб.

Глаза Бри закрываются, и она резко втягивает воздух.

— И к тому времени, как я закончу, я гарантирую, что она будет мокрой и умолять меня об этом.

— Как будто это возможно, — выплевывает Бри. — Сегодня вечером я положила глаз на кое-кого другого. — Ее внимание перемещается через его плечо на Алекса, который

немного похож на оленя, попавшего в свет фар.

— Думаю, это хорошо, что мы с Алексом — идеальная команда, не так ли? То, что мы оба могли бы сделать с тобой, Сирена... это снесло бы тебе крышу.

Внезапно Тоби, кажется, вспоминает, что он был чем-то занят. Его пальцы двигаются, когда Нико опускает голову и прокладывает поцелуями дорожку вверх по ступне Бри к ее лодыжке. И как бесстыдная шлюха, она раздвигает для него бедра, позволяя ему увидеть именно то, чего он действительно хочет. Я просто надеюсь, что на ней больше нижнего белья, чем на мне.

— Ты так чертовски красива, когда разваливаешься на части для меня, Демон, — рычит Тоби мне на ухо, пока я продолжаю смотреть шоу.

Глубоко в моей груди вырывается стон, когда Бри борется, чтобы сохранить самообладание, в то время как Нико держит ее в своих руках.

Что-то подсказывает мне, что она сожалеет об этом вызове, потому что Нико не единственный, кого это мучает прямо сейчас.

— Чертовски жаль, что вызов заключался не в том, чтобы заставить ее кончить вот так, потому что я думаю, что смог бы это сделать, — высокомерно объявляет он.

— Отвали. Ты едва смог даже заставить меня кончить, когда я дала тебе дорожную карту к моему клитору.

Мы все знаем, что она лжет. Ну, по крайней мере, мы с Тоби знаем, потому что то, как он заставлял ее кричать, когда они были вместе, указывает на тот факт, что он более чем способен.

— Конечно. Продолжай в это верить, Сирена. Все равно никто из моих парней тебе не верит.

— Ладно, хватит, — в конце концов говорит Алекс, призывая прекратить бесстыдный флирт. — Вращай, Чирилло, — требует он.

Нико отпускает ногу Бри, но не встает со своего места между ее ног. Вечный оптимист. Кажется, что каждое вращение бутылки занимает больше времени и ускоряет мой пульс. Но, похоже, судьба снова на нашей стороне, потому что она останавливается в том же положении, в котором была изначально.

— О, Сирена. Как все повернулось. Правда или действие, детка?

Не сбиваясь с ритма, Бри расправляет плечи и твердо говорит: «Дерзай».

— Если они начнут трахаться, мы уходим, — шепчет Тоби мне на ухо. — Единственный человек, на которого я хочу посмотреть, как он насаживаешься на член, — это ты на мой.

— Так романтично, — поддразниваю я.

— О, детка, — шепчет он, снова переплетая пальцы. — Я знаю, как правильно с тобой обращаться.

— Ты бы уже заставил меня кончить, если бы это было правдой, — нахально говорю я.

— Отложенное удовлетворение, детка. Или, может быть, я просто жду, когда ты дойдешь до такого отчаяния, что я смогу предложить тебе прокатиться на мне, когда придет наша очередь.

Его глаза вспыхивают жаром от его слов, и мои мышцы сжимаются на его пальцах.

— Не притворяйся, что ты бы этого не сделала. Мы оба знаем, что ты любишь аудиторию. И ты не единственная. — Мои брови в замешательстве сходятся вместе, пока я не смотрю на Нико, который теперь нависает над Бри, как хищник.

— Я вызываю тебя сопротивляться мне.

— О Господи, — стону я, когда пальцы Тоби переплетаются, а Нико опускается, зарываясь лицом в шею Бри.

— Ты умоляешь, стонешь или делаешь любое движение, ты проигрываешь.

— Каков штраф? — спрашивает она, и ее голос уже звучит опасно близко к проигрышу.

— Эта бутылка водки, — говорит Алекс, размышляя на ходу и ставя маленькую бутылочку на стол.

На самом деле это не угроза — Бри, вероятно, могла бы выпить эту бутылку на завтрак и почти не почувствовать последствий, но я не собираюсь никому из них об этом говорить.

— Прекрасно. Делай все, что в твоих силах. Покажи мне, как многого мне не хватает без тебя, детка.

— Наконец-то, — рывкает Алекс. — Мы увидим, как мало приемов у нашего мальчика.

Все его игнорируют. Я почти уверена, что это потому, что все здесь знают, каков Нико ловелас. Я не могу представить, что он из тех, кто держит свои завоевания при себе.

— Ты думаешь, она собирается победить его, Демон? — спрашивает Тоби, копируя движение Нико и опуская лицо к моей шее.

Жар его языка обжигает мое горло, прежде чем он посасывает чувствительный участок кожи под моим ухом, когда он снова обращает свое внимание на мою киску.

— Боже. Тоби, — стону я. — Ты должен позволить мне кончить.

— Я сделаю это, детка, — обещает он, его зубы задевают мою кожу достаточно сильно, чтобы оставить следы.

Я слишком увлечена им и всем, что он делает со мной, чтобы обращать внимание на то, что Нико делает с Бри, что, вероятно, хорошо.

— Черт. Тоби, пожалуйста.

— Тсс, демон. Если только ты не хочешь, чтобы все на тебя смотрели.

Открывая глаза, я обнаруживаю, что на нас никто не смотрит. На самом деле, только Алекс и Калли смотрят что-либо, потому что, пока Нико продолжает целовать грудь Бри, и Эмми, и Тео, и Стелла, и Себ потерялись в своих собственных маленьких мирах.

Не заботясь обо всех вокруг, Нико расстегивает пуговицы на блузке Бри, обнажая ее бюстгальтер под ним.

Ее грудь вздымается, когда он продолжает, погружая язык в ее декольте, но помимо этого, она застыла, ее глаза прикованы к дому перед ней.

— Давай, Сирена, ты знаешь, что хочешь умолять меня о большем. Ты отчаянно хочешь, чтобы я пососал твои соски, облапал твою киску, — бесстыдно рычит Нико.

— Никогда, — говорит Бри, ее голос, ровный и лишенный желаний, которое наполняет ее черты лица.

— Снимаю шляпу перед ее силой воли, — говорит Тоби. — Возможно, он откусил больше, чем может прожевать.

Алекс ухмыляется комментарию, прежде чем Тоби снова обращает свое внимание на меня.

Мои глаза снова закрываются, когда Нико прикусывает сосок Бри через кружево ее бюстгальтера, и очень явный стон разрывает воздух.

Мои глаза распахиваются, и я сразу же вижу разъяренную Бри, которая отталкивает от себя Нико и прикрывается.

— Я, блядь, знал, что ты не сможешь устоять передо мной, Сирена.

Он возвращается на свое место с самодовольной ухмылкой на губах и в штанах-палатке.

— Мы закончим то, что начали позже, — обещает он, посылая ей воздушный поцелуй и протирая себя через джинсы, как собака, которой он и является.

— Мы все еще играем или что? — лает Алекс, когда пары продолжают устраивать свои частные вечеринки вокруг него. — Эй. — Протянув руку, он бьет Себа по голове. — Мы играем в гребаную игру, чувак.

— Мы здесь, чувак. Расслабься нахуй.

— Ого, — воркует Стелла. — Алекс чувствует себя обделенным. Обними его и сделай так, чтобы ему стало лучше, Кэл.

— Просто раскрути бутылочку, Сирена, — требует Нико. — Чем скорее закончится эта игра, тем скорее я смогу выполнить свое обещание.

Тоби снова отстраняется от меня, и мое разочарование зашкаливает. Моя хватка на его предплечье усиливается, мои ногти впиваются маленькими полумесяцами в его кожу.

В ту секунду, когда я вижу, что она останавливается на Калли, мой рот и общее раздражение по поводу того, что Нико думает, что у него вообще есть шанс с Бри, берут верх надо мной, и я выпаливаю вызов, толком не обдумав его.

— Калли, я предлагаю тебе сегодня поспать в постели Алекса.

— О, черт возьми, да, малышка Си.

— Какого хрена? Нет. Этого не произойдет, — возражает Нико.

— Значит, я могу сидеть здесь и смотреть, как ты сосешь сиськи Бри, но я даже не могу с кем-то разделить постель? Иди к черту, Нико, — невнятно произносит Калли, обращая свое внимание на Алекса и улыбаясь ему так, что у Нико наверняка закипает кровь. — Просто чтобы ты знал, я предпочитаю спать голой.

— Иисус, блядь, Христос, — рявкает Нико, вскакивая со своего места и умчавшись прочь.

— Братан, я думал, ты хотел поиграть.

— Пошел ты, — кричит он в ответ, прежде чем проскользнуть в дом.

Грудь Тоби сотрясается от смеха, когда Алекс продолжает смотреть на Калли сверху вниз, как будто все его мечты только что сбылись.

— Это была шутка, — заявляет она. — Я никогда не сплю голой, и у меня нет ни малейшего намерения делать это с тобой.

Алекс протягивает руку и заправляет прядь волос ей за ухо.

— Посмотрим.

Тоби выбирает этот момент, чтобы снова подвести меня к краю, и я не могу сдержать стон, срывающийся с моих губ.

Все взгляды обращены в мою сторону, включая тех, кто ранее был отвлечен, и мои щеки горят.

— Ах, похоже, Джоди чувствует себя обделенной. Малышка Си, ты хочешь попробовать отыгратья?

Она сбрасывает ноги Алекс со своих колен и тянется за бутылкой, пока я пытаюсь держать глаза открытыми.

Все знают, что сейчас происходит, так что, думаю, я должна просто принять это.

Как будто она это спланировала, бутылка останавливается на нас двоих.

— Тоби, — заявляет Алекс с озорным блеском в глазах. — Закончи то, что ты начал.

Не теряя ни секунды, Тоби переворачивает нас, заставляя меня откинуться на подушки, прежде чем прижаться ко мне своим широким телом.

— Думаю, у меня нет другого выбора, кроме как выполнить этот вызов.

Его пальцы находят то волшебное место внутри меня, когда его губы заявляют права на мои. У меня нет выбора, кроме как с головой окунуться во все, что он может мне предложить. Я забываю о нашей аудитории и о том, где мы находимся, и просто тону в нем.

Всего за несколько секунд он снова подводит меня к краю, но на этот раз он не останавливается и, наконец, позволяет мне погрузиться в блаженное освобождение. Я выкрикиваю его имя, но он ловит каждый звук, заглушая мои крики, позволяя мне пережить каждую последнюю секунду.

Он высвобождает свои пальцы из моего тела и отрывается от моих губ. Все, что я вижу, когда открываю глаза, — это его счастье, смотрящее на меня сверху вниз.

— Я люблю тебя, Джоди, — шепчет он, и мое сердце трепещет от искренности в каждом слове.

— Я тоже тебя люблю, — наконец говорю я. Возможно, это не идеальное время или даже не самое подходящее, учитывая нашу нынешнюю ситуацию, но к черту это.

Наш мир беспорядочен и полон неизвестности. И после всего, через что мы прошли, я бы не хотела, чтобы было по-другому.

Где-то вдалеке хлопает дверь, прежде чем Нико гремит: «Последний окунувшийся гольшом в озере — гребаная киска».

Я поднимаю взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть его голую задницу, бегущую в конец сада.

Смех и движение вспыхивают вокруг меня, и теплота Тоби быстро исчезает, когда он принимает вызов. Я обнаружила, что склонность к соперничеству у мальчиков также достаточно сильна, чтобы они следовали их примеру.

— Конечно, вы не собираетесь все— Когда Стелла и Эмми начинают присоединяться, снимая с себя одежду, я понимаю, что они все серьезны.

— Давай, Демон. Я думал, ты готова к бурной ночи впереди. — Тоби стаскивает меня с дивана и стягивает рубашку через голову.

Прохладный ночной воздух овеивает мое обнаженное тело, но вскоре я забываю об этом, когда он перекидывает меня через плечо и бежит к озеру.

Раздаются крики восторга и смех, прежде чем все стихает, когда Тоби ныряет в ледяную воду, как будто у него нет никаких забот в мире.

Это, блядь, все.

16

ТОБИ

Я могу проснуться с адским похмельем и ощущением, что в моем черепе играет марширующий оркестр, но при этом на моем лице сияет широчайшая улыбка, когда я крепче прижимаю к себе Джоди и вспоминаю некоторые из менее туманных воспоминаний прошлой ночи.

Уткнувшись носом в ее шею, я вдыхаю ее аромат, смешанный с моим ароматом геля для душа, который мы разделили после нашего короткого пребывания на озере.

Дрожь пробегает по моему позвоночнику при мысли о том, насколько холодной была та вода. Гребаный Нико и его дурацкие вызовы.

— Доброе утро, — стонет Джоди, еще сильнее прижимаясь своим телом ко мне и

задевая своей задницей мой утренний стояк.

— Доброе утро, детка, — выдыхаю я, покрывая поцелуями ее обнаженное плечо.

— У меня болит голова, — жалуется она, заставляя меня смеяться.

— Да, то же самое. Хочешь немного обезболивающего? — Я предлагаю, хотя мысль о том, чтобы выбраться и найти их для нее, не совсем привлекательна.

— Я могу подождать. Это мило. — Ее ноги переплетаются с моими, соединяя нас всеми возможными способами.

— Ммм.

Мы долго лежим в тишине, оба смотрим в огромные окна, из которых открываются захватывающие виды.

Я начинаю задаваться вопросом, действительно ли она снова заснула, она такая умиротворенная, но несколько секунд спустя она заговаривает. — Когда мы вернемся, я думаю, что пришло время полностью начать все сначала.

Я не отвечаю, чувствуя, что она хочет сказать еще что-то.

— Я хочу... Я хочу, чтобы ты выполнил свой план. Усмири своих демонов и позволь нам всем жить дальше.

— Ты уверена, детка?

— Да.

— Ты не хочешь—

— Мой отец погиб в смертельной аварии перед Рождеством. В топливном проводе произошла утечка, и он превратился в огненный шар через несколько секунд после того, как он столкнулся с деревом. Это было разрушительно. Это разрушительно. Человек в твоём подвале... он не тот мужчина, которого я когда-либо знала. Но он тот, кто терроризировал тебя, причинял тебе боль, издевался над тобой. Он заставил истекать кровью и тебя, и тех, кого ты любишь, и за это я хочу, чтобы ты сделал то, что должен.

Она переворачивается и позволяет мне заглянуть в ее насыщенные шоколадные глаза, увидеть в них правду.

— Этому нужно положить конец, Тоби. Я знаю, что ты пытаешься поступить правильно для меня, и я действительно, действительно ценю это. Но это давит на тебя. Его присутствие все еще влияет на тебя, и это нужно прекратить.

— Тебе нужно начать все с чистого листа и по-настоящему начать свою жизнь заново. Тебя окружает невероятная семья, которая буквально сделает для тебя все. Пришло время оставить плохие моменты в прошлом, где им самое место, и, наконец, начать принимать свое будущее.

Я обхватываю пальцами ее затылок и притягиваю ближе, чтобы прижаться своим лбом к ее.

— Ты хочешь, чтобы я это сделал? Смогла бы ты с этим жить?

— Мне нужно, чтобы ты сделал то, что должен сделать. Мне нужно, чтобы ты освободился от этих кошмаров, Тоби.

— Это может потребовать немного больше работы, чем просто нажать на курок, — признаюсь я.

— Я знаю. И я здесь для этого. Я здесь для всего, что тебе нужно.

Я киваю.

— Я не заслуживаю тебя, Демон.

— И ты тоже не заслужил всего того дерьма, которым он тебя наградил. Пришло время

все исправить. Двигаться дальше.

— А как насчет тебя? — Я спрашиваю, зная, что в последнее время она ведет собственную битву за свое будущее.

Она закрывает глаза и делает глубокий вдох. Этот ход заставляет мое сердце подпрыгнуть к горлу, и страх, который я надеялся не испытывать снова какое-то время, разливается по моим венам.

— Меня приняли в бизнес-школу Имперского колледжа.

Меня охватывает шок.

— Ч-что? — заикаюсь я. — Когда это произошло? Почему ты мне не сказала?

— Я получила электронное письмо, когда гуляла со Стеллой в пятницу. Я просто... Я не совсем в это поверила. Я подала заявку только на всякий случай. Я действительно не думала, что они захотят меня.

— Детка, — вздыхаю я. — Почему, черт возьми, им не захотеть тебя? Ты потрясающая.

Застенчивая улыбка подергивается на ее губах.

— Здесь нечего бояться, Демон. Мы сделаем это вместе, да? Мы можем быть приятелями по учебе и проводить вместе ночи напролет.

— Из того, как ты это говоришь, не следует, что нам предстоит много учиться.

— Можешь ли ты винить меня, когда ты такая горячая? — спрашиваю я, скользя рукой вниз по ее талии и хватаясь за ее задницу, притягивая ее тело вплотную к моему.

— Мне все еще нужно найти работу. Что-то... полезное, значимое. Я больше не хочу подавать кофе.

— Мы что-нибудь придумаем.

Улыбка, которой она одаривает меня, озаряет комнату.

— Да, — соглашается она. — Мы сделаем это. Все кажется не таким страшным, когда ты рядом со мной.

— Хорошо, потому что именно так я себя чувствую с тобой.

— Ой, смотри, они не свалили посреди ночи и не оставили нас со всем этим беспорядком, — язвит Себ, когда мы, наконец, спускаемся на кухню чуть больше часа спустя.

— Оставь их в покое, — огрызается Стелла, отвешивая ему пощечину. — Вы двое хотите кофе или завтрак?

— Скажи мне, что ты испекла блины, — прошу я.

— Я сделала это, братишка. Присаживайся. — Она поднимает подбородок в сторону стола, за которым сидят все остальные, и я выдвигаю стул для моей девочки, заставляя Нико фыркнуть от удовольствия.

— Судя по твоему отношению, я предполагаю, что ты так и не выполнил своего обещания, — поддразниваю я.

Нико скрещивает руки на груди, в то время как Брианна смеется на другом конце стола.

— По-видимому, нам не разрешено говорить об этом, — объясняет Алекс с ухмылкой. — Но я ставлю на то, что он либо был не в состоянии поднять его, либо не смог заставить ее кончить.

— Заткни свой гребаный рот, Деймос, — огрызается Нико.

— Что бы ни случилось, — добавляет Тео, — он определенно не трахался.

— Я чертовски ненавижу, что у вас есть девушки.

— Ну, если бы ты не был такой свиньей, может быть, у тебя могла бы быть своя, — предлагает Бри.

— Что это, блядь, такое? День «Давайте, придеремся к Нико»?

— Конечно, почему бы и нет, — язвит Алекс. — Кажется, для этого самый подходящий день.

— Ого, — говорит Стелла, принося две кружки кофе, в то время как Калли плетется следом с двумя наполненными тарелками. — Оставь бедного Нико в покое. — Она обнимает его за плечи и целует в висок. — Это не его вина, что он не смог найти нужную дырку.

Она визжит сквозь смех и отскакивает назад, когда он встает.

— Вы все кучка придурков, — рявкает он и вылетает из комнаты.

Мы все смотрим на его удаляющуюся спину и вздрагиваем, когда хлопает дверь.

— Может быть, тебе стоит просто пойти отсосать у него. Подбодри его немного, — предлагает Джоди, отчего я чуть не подавился кофе.

— У него отличная правая рука. Я уверена, что он справится.

— Он просто взбешен, потому что обнаружил Калли в постели Алекса этим утром, — объявляет Себ.

Моим глазам предстает очень застенчиво выглядящая Калли.

— Ты этого не сделала, — выдыхаю я.

— Что? — недоверчиво спрашивает она. — Я с ним не спала.

— Не уверен, что Нико заботят детали, малыш Си, — указывает Себ.

— Ну и к черту его. И тебя тоже, — выплевывает она, указывая на Тео, чтобы пресечь любое его мнение по этому поводу, прежде чем у него появится шанс что-либо сказать. — Я была пьяна. Алекс был... терпимым.

— Спасибо, детка. Мне тоже почти удалось смириться с тобой.

Калли отмахивается от него, прежде чем опуститься на пустой стул рядом с ним.

Я с интересом наблюдаю за ними, когда Алекс наклоняется к ней и шепчет что-то ей на ухо, что заставляет ее хихикать.

У меня нет никаких проблем с тем, что между ними что-то происходит, но я могу понять, почему это делает Нико. Она его младшая сестра, и мы наблюдали, как она выросла из маленькой девочки в розовых балетных пачках, играющей со своими Барби. Но ему нужно смириться с тем, что она больше не ребенок. Она женщина. При этом красивая, забавная и умная. Алексу бы чертовски повезло заполучить ее, если это то, чего она хочет.

— Они милые вместе, — шепчет Джоди мне на ухо.

— Да, они такие.

Наши разговоры переходят от откровения о том, что Калли и Алекс провели ночь вместе, и, прежде чем мы это осознаем, мы стучимся в дверь Нико и говорим ему, что мы уходим с ним или без него.

— Встретимся в машине, Демон, — говорю я Джоди после того, как несу наши сумки к входной двери. — Я хочу поговорить со Стеллой, прежде чем мы уйдем.

Мне не нужно больше говорить. Джоди знает, о чем я хочу поговорить со своей сестрой, и она более чем счастлива не знать подробностей.

Она целует меня в губы и следует за Эмми и Тео к двери.

— Стел, — говорю я, когда она и Себ проходят мимо меня.

— Все в порядке? — спрашивает она, прочитав что-то в выражении моего лица.

Обхватив ее за плечо, я тяну ее в сторону лестницы и объясняю, что я планирую сделать,

когда мы вернемся.

— Ты хочешь быть там?

— О, Тоби. Ты такой милый, — дразнит она.

— Так да или нет? Потому что у тебя не будет второго шанса на это.

— Хочу ли я смотреть, как жизнь вытекает из глаз этой пизды? Черт возьми, да, хочу.

— С тобой что-то не так, сестренка.

— Нужно быть одним, чтобы узнать другого, — язвительно замечает она.

— Джоди собирается увидеться с Сарой. Я приду и постучу, как только она уйдет, и мы сможем...

— Ладно, звучит неплохо. Я начищу свой пистолет. — Она подмигивает.

— Это скоро закончится, — обещаю я ей.

— Давно, блядь, пора. Тебе следовало сделать это несколько недель назад. Это могло бы избавить и тебя, и Джоди от кучи боли.

— Я знаю, — бормочу я, отступая от нее на шаг. — Но вот мы здесь.

— Готова, принцесса? — зовет Себ.

— Да, давайте запустим это шоу в турне.

— Благодарю тебя за эти выходные, они были идеальными, — говорит Джоди, обнимая меня за талию и кладя голову мне на грудь.

— Не за что, детка. — Я целую ее в макушку и прижимаю к себе немного крепче.

Я не чувствую себя готовым к тому, что собираюсь делать дальше.

Я избегал спускаться в подвал, я избегал встречаться с ним с тех пор, как у нас все стало серьезно, потому что Джоди заслуживает моего полного внимания. В некотором смысле мне удалось оставить его позади. Я смог засунуть по крайней мере некоторые из кошмаров, которыми он наградил меня, под стальную дверь и запереть их.

Но я знаю, что она права. Пока он все еще с нами, у него будет власть надо мной, и мы оба заслуживаем лучшего, чем это.

— Ты уверена насчет этого? — шепчу я, огромная часть меня надеется, что она скажет «нет» или даже прикажет мне не делать этого.

— Да, я уверена. Пришло время, Тоби, — уверенно говорит она, отстраняясь от наших объятий и удерживая мой взгляд.

Она продолжает смотреть на меня, и я клянусь, все, что она может видеть, это испуганного маленького мальчика, который живет внутри меня. Тот, кто предпочел бы спрятаться и съежиться в углу, чем иметь дело со своим отцом.

Но это не тот, кто я сейчас.

Он обучал меня, формировал меня. Сделал меня солдатом. К тому же чертовски хорошим.

Теперь у меня на руках все карты. И для меня пришло время сыграть в последний раз.

Кивнув, я опускаюсь ниже, захватывая ее губы своими и напоминая себе обо всем хорошем, что вышло из стольких страданий.

То, что она есть, того стоит.

— Позвони мне, когда закончишь. Мы можем делать все, что ты обычно делаешь после... работы.

— Черт возьми, я люблю тебя.

Взяв ее лицо в свои руки, я краду еще один поцелуй, прежде чем, наконец, позволить ей

отступить к двери.

— Я тоже тебя люблю. Усмири своих демонов, Тоби. Я буду ждать на другой стороне.

Она ушла задолго до того, как я был готов. Тишина окружает меня, и у меня ноет в груди.

Вытирая рукой лицо, я заставляю ноги двигаться и снимаю одежду, пока иду по коридору в свою спальню.

Моя голова все еще погружена в выходные. Мне нужно найти тот переключатель внутри меня, который может отключить реальность, чтобы я мог просто сосредоточиться на том, что нужно сделать.

Включив холодный душ, я встаю под ледяные струи, напоминая себе о прошедших годах.

У меня была собственная ванная под его крышей, и холодный душ был обычным делом. По-видимому, это научило меня стойкости, силе. Неделями подряд он отключал горячую воду в моей спальне. Моим единственным облегчением был душ в школе после тренировки по футболу.

У меня по коже бегут мурашки, когда воспоминания всплывают в моей голове. Душ, подвал, контроль. Страх.

Быстрее, чем я думал, что это возможно, ненависть, которой я когда-то был поглощен, снова течет по моим венам.

Я борюсь с этим, отчаянно желая просто утонуть в утешении, которым является Джоди. Но мне нужно это. В последний раз, мне нужен этот яд в моих венах, чтобы помочь положить всему этому конец.

Все мое тело дрожит, когда я, наконец, выключаю воду и выхожу. Ушел парень, который провел выходные, любя свою девушку и смеясь со своими друзьями. На его месте человек, которым *он* меня учил быть.

Я одеваюсь на автопилоте, натягивая свой черный костюм, как будто это доспехи.

Всего через десять минут я возвращаюсь в свою комнату с маской, твердо надетой на лицо, готовый пойти и постучать в дверь Стеллы, чтобы покончить с этим.

Но как раз перед тем, как я подхожу к входной двери, у меня начинает звонить телефон.

Вытаскивая его из кармана, я хмурю брови при виде имени Деймона на моем экране.

Мои доспехи сползают, и чувство вины скручивает меня изнутри из-за того, что его не было с нами в эти выходные. Но сейчас немного поздно беспокоиться об этом.

— Привет, как дела? — спрашиваю я, моя попытка обрести счастье звучит фальшиво даже для моих собственных ушей.

— Э-э... у нас проблема, — признается он, его голос мрачный и пугающий.

Мое сердце подскакивает к горлу, и в памяти всплывает улыбающееся лицо Джоди из этих выходных. Ужас заполняет мой желудок, как бетон, пока тишина продолжается на линии.

— Ч-что случилось?

— Тебе нужно спуститься в подвал.

Я выхожу из своей квартиры еще до того, как осознаю, что мои ноги двигаются.

— Я иду. Черт возьми, — рявкаю я, прежде чем повесить трубку.

Возможно, он не сказал мне, в чем проблема, но я знаю. В глубине души я знаю, и это страх, который у меня был, но я отказывался признавать все это время. Еще одна причина, по которой я должен был просто убить его, черт возьми, в ту первую ночь.

Но тогда ты бы никогда ее не нашел.

— ЧЕЕЕЕРТ, — кричу я, проносясь через двери, ведущие на лестницу, мне нужно продолжать двигаться, а не бесполезно стоять в лифте, пока он спускается.

Всего через несколько минут я бегу по коридорам глубоко под нашим зданием, которые ведут к нашим камерам предварительного заключения. Я заворачиваю за угол и, черт возьми, чуть не врезаюсь прямо в Деймона, который стоит там и смотрит именно на то, чего я боялся.

Пустая клетка.

17

ДЖОДИ

Все кажется неправильным, когда я ухожу от Тоби и направляюсь к своему маленькому спортивному автомобилю Abarth. Это может выглядеть как малыш, стоящий рядом с BMW Тоби, но сходство просто поразительное. От черной окраски до красных бликов, которые выделяют его на общем фоне, нет никаких сомнений в том, что они созданы друг для друга. Это заставляет меня задуматься, думают ли люди так о нас двоих, когда видят, что мы стоим бок о бок.

Я вздыхаю, отрываю взгляд от своей машины и возвращаюсь к лифту, из которого только что вышла. Все внутри меня кричит, чтобы я вернулась, чтобы сказать ему, что я буду рядом с ним, что бы ему ни пришлось делать дальше.

Но я не могу. Несмотря на то, что я вижу страх в его глазах, я знаю, что это то, что ему нужно сделать в одиночку. Или не столько одному, сколько без меня. И для моего собственного здравомыслия мне также нужно держаться от всего этого подальше.

То, что я сказала ему этим утром, было правдой. Человек, с которым он собирается встретиться, не тот, кого я знаю. Он незнакомец. И мне нужно, чтобы так и оставалось.

Я оплакиваю своего отца с тех пор, как нам позвонили по поводу того несчастного случая. Не имеет значения, насколько реальным это могло быть. То, что я чувствовала, горе, которое я все еще испытываю по поводу заботливого, любящего человека, которого я потеряла, все еще там. Он умер в тот день, и именно так мне нужно с этим смириться.

Монстр, который преследовал Тоби и Марию слишком долго, — это другой человек.

Заставляя себя двигаться, я открываю дверцу и вдыхаю аромат новой машины, который поражает меня, прежде чем я падаю на сиденье-ковш, которое обволакивает меня, как будто обнимает.

Я вздыхаю, мне нужно снова почувствовать объятия Тоби.

Набравшись смелости, я возвращаю свою машину к жизни, говоря себе, что поступаю правильно, оставляя его. Я знаю, что это правильно. Ему нужно пространство, чтобы иметь возможность делать то, что ему нужно, а затем время, чтобы обработать это после. Даже празднуя.

Хотя я сочувствую всему, через что он прошел, я никогда по-настоящему не пойму, что он чувствует, его потребность в мести. Я знаю из первых рук, насколько это обжигает его тело.

У меня была хорошая жизнь. Хорошие — хотя и в основном отсутствующие — родители. Единственное страдание, которое я когда-либо по-настоящему испытывала, было недавним, когда я потеряла Джо, а затем и отца. Меня любили, обо мне заботились, у меня

было все, о чем я только могла мечтать. Я никак не могла по-настоящему понять, что Тоби чувствует к своему детству. И это без добавления к этому всей мафиозной стороны.

Слушать его истории о том, как его заставили совершить свое первое убийство, о том, что он делал и видел с такого юного возраста... Это ни в коем случае не оправдывает того, что он сделал со мной, как он пытался использовать меня, причинить мне боль, но, черт возьми, если это не поможет мне понять, позволит мне простить его.

Качая головой, я заставляю себя думать о лучших временах, о выходных, веселье и смехе. Как только это закончится, мы сможем повторить это. Я, надеюсь, смогу увидеть, как Тоби сбросит последний груз, который всегда давил на его плечи, зная, что человек, который преследует его в ночных кошмарах, больше не дышит, больше не в состоянии причинить боль тем, кого он любит. И я хочу этого для него. Я хочу. Я хочу, чтобы у него была свобода просто жить своей жизнью, не беспокоясь о том, что происходит за закрытыми дверями дома, и о том, как сильно может страдать его мама, как сильно он может страдать, когда вернется.

Я останавливаюсь на перекрестке, готовясь вернуться в больницу, чтобы навестить Сару, когда на экране вспыхивает входящее сообщение. Вчера меня убивала разлука с Джесси. Но я также не могу лгать — день, проведенный без пребывания в этом унылом месте, пошел мне на пользу, даже если я никогда по-настоящему не забывала, если моя грудь никогда не переставала болеть из-за надвигающейся потери.

Мама: Ты можешь заехать ко мне домой? Я испекла печенье для Джесси.

Улыбка подергивается на моих губах. Она так же беспокоится о Саре, как и я. Вчера она зашла к ней, чтобы я не чувствовала себя такой виноватой, и просидела с ней час, держа ее за руку, рассказывая о своих воспоминаниях о нас двоих, о том времени, когда мы были маленькими, в надежде, что, где бы Сара сейчас ни была, она сможет вспомнить те времена. Эти, казалось бы, бесконечные летние дни и смех до упаду, пока нас не стошнило.

Хорошие времена.

Я быстро посылаю в ответ эмоджи с поднятым большим пальцем, прежде чем сменить направление и повернуть направо, к дому.

Тревожное чувство в моем животе не проходит. На самом деле, когда я приближаюсь к единственному дому, в котором когда-либо жила, узел кажется все туже.

Это потому, что я подсознательно знаю, что Тоби мог бы делать прямо в эту секунду? Это просто беспокойство, озабоченность тем, что он не получит от всего этого свободы, к которой стремится? Или это нечто большее? Шестое чувство, что дерьмо вот-вот снова попадет в вентилятор?

Занавеска в столовой дергается, когда мама выглядывает, чтобы посмотреть, я ли это уже. Подавляя свое беспокойство по поводу того, что происходит в доме парней, я направляюсь к дому, вытаскивая ключи из глубин сумки, когда подхожу ближе.

В ту секунду, когда я вставляю ключ в замок, что-то успокаивается внутри меня.

Открываю дверь, до меня доносится знакомый аромат, и я еще больше расслабляюсь.

Но у меня снова встают дыбом волосы, когда я закрываю дверь и ничего не слышу.

Мама ждала — я видела, как шевельнулся занавес. Это непохоже на нее — не позвать меня почти сразу.

— Мама? — я кричу с дрожью в голосе, которая мне не нравится.

Бросив сумку на столик у двери, я отправляюсь на поиски.

— Мам, что случилось? — спрашиваю я, когда захожу в столовую и нахожу ее сидящей

на своем обычном месте, но ее глаза широко раскрыты, а лицо бледно. Что-то не так. Что-то чертовски неправильно.

Мой желудок сжимается, а сердце так беспорядочно колотится в груди, что это единственное, что я могу слышать.

С маминых дрожащих губ срывается всхлип, ее глаза устремляются к открытой двери позади меня.

— Мам, что, черт возьми, такое —

На меня падает тень, и мое сердце уходит в пятки. За секунду до того, как у меня появляется шанс убежать, холодная рука обхватывает мое лицо, обрывая любой звук, который, возможно, вот-вот вырвется из моего горла, и рука обхватывает мою талию, прижимая меня спиной к телу.

Слезы текут по маминым щекам, но она никогда не протягивает руку, чтобы вытереть их. Я могу только удивляться, почему нет.

Несмотря на то, что это никак не поможет, крик вырывается из моего горла. Я действую инстинктивно и врезаю каблуком ему в ногу.

До моего уха доносится громкое ворчание, но его хватка на мне не ослабевает.

— О, да ладно тебе, милая. На самом деле это было не совсем то радушное возвращение домой, на которое я надеялся. — Голос, который когда-то наполнял меня радостью и утешением, теперь заставляет мой желудок переворачиваться и вызывает прилив желчи к горлу.

— Отвали от меня к чертовой матери, ты, засранец.

Мама ахает, я думаю, осознав, что я не шокирована тем, кто стоит у меня за спиной.

— Тебе лучше бы пожалеть, что ты не погиб в гребаной автокатастрофе, потому что, когда они доберутся до тебя, они заставят тебя пожалеть о каждой секунде твоей лживой, отравленной жизни, — шиплю я.

— О, моя девочка, — печально вздыхает он. — Он действительно забрался тебе в голову, не так ли?

— Он сказал мне правду, — выплевываю я, отчаянно пытаюсь вырваться из его хватки. — Он рассказал мне, какой ты на самом деле монстр.

— На самом деле ты не веришь ни в одну из этих лживых историй, не так ли? — Он цокает, как будто это я виновата во всем этом.

— Верю каждому гребаному слову, *papa*, — усмехаюсь я. — Ты лгал мне со дня моего рождения. Ты никто иной, как лжец и оскорбительный кус — Аай, — кричу я, и он отпускает меня с такой силой, что я лечу через комнату, сталкиваясь со стеной с болезненным стуком.

— Джоди, — кричит мама, ее стул скрипит по деревянному полу, когда она пытается добраться до меня.

— Не двигайся, Джоанна, — командует Джонас, и я в абсолютном ужасе наблюдаю, как она делает то, что ей сказано.

Срань господня.

На мгновение я замираю, задаваясь вопросом, всегда ли у него был такой контроль над ней, или это просто результат шока от того, что он, по-видимому, восстал из мертвых.

Мне неприятно признаваться в этом самому себе, но история говорит мне, что это всегда было прямо передо мной. Я была просто слишком слепа и глупа, чтобы заметить это. Точно так же, как Джесси и Волки, и предупреждающие знаки в начале с Тоби.

— Нет, — кричу я, когда Джонас подходит к ней, запускает пальцы в ее волосы и

оттягивает ее голову назад, так что у нее нет выбора, кроме как смотреть на него снизу-вверх. — Отпусти ее.

— Ты рада, что я вернулся, не так ли, милая?

Мама нервно сглатывает, но после паузы кивает, насколько позволяет его хватка. — Я так рада видеть тебя, милый, — выдыхает она с такой искренностью, что мне хочется блевать себе на ноги.

Черт возьми, я надеюсь, что она лжет.

Пожалуйста, ради любви к Богу, играй с ним в его собственную игру.

— Теперь у нас есть второй шанс. Мы снова вместе только втроем, — продолжает Джонас. — Я всегда хотел, чтобы это было так.

Он проводит костяшками пальцев по ее щеке, как будто она самое хрупкое существо в мире, когда мне удастся снова подняться на ноги, вся правая сторона моего тела горит от столкновения.

— Они поймут, что ты ушел, и они найдут тебя, — предупреждаю я.

— Они даже не знают, что я ушел, милая. И где, по мнению твоего драгоценного Тоби, ты сейчас находишься?

Очевидно, мое лицо должно меня выдать, потому что он улыбается мне, показывая больше, чем несколько отсутствующих зубов. Неожиданная гордость захлестывает меня, потому что в глубине души я знаю, что это сделал Тоби.

— Они заметят. Тоби найдет меня, и они убьют тебя.

Его улыбка становится шире.

— Этому жалкому куску дерьма наплевать на тебя, милая. Он только хочет причинить мне боль. Я единственный, кто любит тебя.

Я смотрю на него с полным недоверием, мое сердце разрывается от его слов.

— Нет, — возражаю я. — Это неправда.

— Он использует тебя, Джоди. Как только он получит то, что хочет, он бросит тебя так же быстро, как нашел.

Моя рука тянется к висячему замку у меня на шее. Мое сердце не верит ни единому слову из этого, но моя голова? Временами эту маленькую сучку можно легко поколебать.

— Нет, — выплевываю я, но он игнорирует меня и поворачивается обратно к маме.

— Мы собираемся уехать, не так ли, милая? Мы собираемся начать все сначала. Будем семьей. Такими, какими мы всегда должны были быть.

— А как насчет Джо? — Спрашиваю я, отчаянно желая просто поддержать его разговор. Чем дольше я смогу тянуть с этим, тем больше у нас шансов.

Тоби спустится в подвал с намерением убить его, и когда он узнает правду, он придет за мной.

Джонас усмехается. — Он был мертвым грузом. У него не было того, что нужно, чтобы по-настоящему стать Арити.

У меня отвисает челюсть от того факта, что он может так говорить о собственном сыне.

— Ты убил его, — кричу я. — Ты убил своего собственного сына. Мой брат. — Мама хнычет, но меня это не останавливает. — Ее сын. Ее первенец. Ты подставил его. Ты отправил его в этот тупой гребаный мотоклуб и сам его подставил.

— Я не убивал его, — издевается он. — Это сделала дочь этой тупой пизды.

— Нет. Стелла защищала себя и тех, кого любила. Ты убил его.

Джонас качает головой, ему наплевать на его причастность к смерти Джо.

Я свирепо смотрю на него, и он поднимает маму со стула, ее руки все еще сцеплены за спиной.

— Отпусти ее, — требую я.

— Мы уходим, — говорит он, полностью игнорируя, что я вообще что-то сказала, поскольку мама позволяет ему водить ее вокруг стола, как будто ее все это устраивает.

— Я никуда с тобой не пойду, и она тоже.

В ту секунду, когда она оказывается на расстоянии вытянутой руки, я хватаю ее за плечо и пытаюсь вырвать из его хватки.

— Джо-Джо, пожалуйста. Не надо, — тихо умоляет мама.

— Нет. Я не позволю этому случиться. Я не позволю ему так с тобой обращаться. Разве ты не слышала ничего из того, что Тоби или Мария рассказывали тебе о нем?

— Они лгут, Джоди.

У меня от шока отвисает подбородок.

— Ч-что? Ты не можешь на самом деле говорить мне это прямо сейчас. Он сломал их. Он причинил им боль. Он—

— Джоди, пожалуйста? — умоляет мама, ее глаза сверлят мои. — Просто делай, что он говорит.

Я выдерживаю ее взгляд, мое сердце колотится, а кровь со свистом проходит мимо ушей.

— Пожалуйста, — одними губами произносит она. — Доверься мне.

— Джоанна, — рычит Джонас, хватка на ее волосах усиливается, пока она не вскрикивает от боли.

— Черт, — шиплю я, бросаясь вперед, впиваясь ногтями в руку Джонаса и пытаюсь ослабить его хватку на ней. — Отпусти ее, ты, гребаный психопат.

Он движется слишком быстро, и следующее, что я осознаю, — моя щека горит, и я едва успеваю поднять руки, чтобы не удариться головой о деревянный пол, когда отступаю назад.

— Джоди, — кричит мама.

— Ты, блядь, ударил меня, — ахаю я в ужасе, прижимая руку к щеке.

Все еще держа маму в своей неумолимой хватке, он искоса смотрит на меня. Его глаза почти такие же черные, как и его душа, и от этого меня пронзает волна страха. Но я отказываюсь это показывать. Если последние несколько недель и научили меня чему-то, так это никогда не съезживаться. Вместо этого я собираю все свои силы и выкапываю своего внутреннего борца.

Что бы сделала Стелла?

— Не проявляй ко мне неуважения.

— Почему? — шиплю я. — Ты запрешь меня в подвале, чтобы преподать мне урок, как ты это делал с Тоби?

— Не смей, — рычит он, с его губ слетает слюна, а его изможденное, ранее бледное лицо краснеет от гнева. — Даже не упоминай имя этого подонка. Он ничто. И как только мы будем свободны, я собираюсь убедиться, что от него не останется ничего, кроме воспоминаний.

— Нет, — кричу я, пробираясь вперед, но успеваю пройти всего несколько дюймов, прежде чем он прижимает свой ботинок к моей руке. — Делай, как тебе говорят, милая. Слушай своего папочку.

Мой желудок снова переворачивается. — Ты не мой папа. Ты гребаный монстр.

Я отдергиваю руку, прежде чем он решит переломать мне все пальцы.

Он смотрит на меня с чистой ненавистью, когда я снова встаю. Мои ноги дрожат, и я вынуждена опереться о стену, чтобы не упасть. Его ноздри раздуваются, а грудь вздымается.

Он выглядит лучше, чем в тот день, на экране Тоби, но он далеко не здоров.

— Мы можем сделать это легким или трудным путем, — предупреждает он меня. — Но мы покидаем этот дом всей семьей и никогда не собираемся оглядываться назад.

— Ты бредишь, если хоть на секунду думаешь, что я куда-то пойду с тобой.

— Прекрасно, — спокойно говорит он. Слишком, блядь, спокойно. — Мы сделаем это, по-твоему.

Маму отбрасывают, швыряют на пол, как будто она ничто. Однако, в отличие от меня, она недостаточно быстра, и ее голова ударяется об пол с леденящим душу треском.

— Мама, — я бросаюсь вперед, но он ловит меня, его рука снова накрывает мое лицо — но на этот раз меня касается не его кожа, а ткань.

Мои руки молотят, и мои ногти царапают его руки, сдирая с них куски кожи, когда мои ноги пинаются, но что бы я ни делала, его хватка не ослабевает, и вскоре мое тело начинает становиться вялым, слабым, и мои глаза начинают опускаться, когти тьмы начинают обвиваться вокруг меня и угрожают утащить меня под воду.

— Нет, — кричу я, паника заполняет мой организм, когда я пытаюсь предотвратить неизбежное.

Я не могу пойти ко дну. Если я это сделаю, то понятия не буду иметь, куда он нас заведет. У меня не будет возможности добраться до Тоби.

Джонас собирается забрать нас, и он собирается...

— Тоби, — хнычу я.

— Ты не слушаешь меня, не так ли, милая? Он не придет. Он не хочет тебя, на самом деле. Он просто хотел отомстить, и я думаю, твоя киска была достаточно хороша, чтобы оставаться рядом немного дольше, чем требовалось. Ты просто не могла этого видеть. Но, я полагаю, ты всегда была раздражающе наивна.

Запах разложения — это первое, что поражает меня, когда тьма начинает рассеиваться. Мой нос морщится, а губы кривятся.

Второе, что я осознаю, — это холод. Пронизывающий до костей холод, от которого у меня стучат зубы.

Где я, черт возьми, нахожусь?

Заставляю себя открыть глаза, и меня встречает еще больше темноты.

Мое сердце учащенно бьется, а голова идет кругом, когда я пытаюсь что-нибудь разглядеть в окружающей меня тьме.

— Мама? — шепчу я, когда начинает накатывать паника.

— Да, Джо-Джо. Я здесь.

Облегчение переполняет меня, и я заставляю себя сесть. О чем я быстро сожалею, когда содержимое моего желудка решает, что оно хочет появиться снова.

Делая глубокий вдох через нос, я снова закрываю глаза и заставляю свой желудок успокоиться. Запах и так достаточно отвратительный — последнее, что мне нужно сделать, это блевать.

Когда я думаю, что у меня все немного под контролем, я, наконец, сажусь прямо и оглядываюсь вокруг, молясь, чтобы мне удалось что-нибудь разглядеть, что угодно, что дало

бы нам ключ к пониманию того, где мы находимся.

— Мама? — я спрашиваю снова в надежде, что что-то более громкое, чем ее дыхание, приблизит меня к ней.

— Сюда, — тихо говорит она.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, опускаясь на четвереньки, чтобы попытаться найти ее.

Пол под моими ладонями ледяной, и еще одна дрожь пробегает по моей спине.

— Я... эм... — Нерешительность в ее голосе заставляет мое сердце упасть в пятки.

Она ранена. Я просто хотела бы увидеть ее и узнать, насколько она плоха.

У меня самой болит лицо, но я отказываюсь жалеть себя, потому что человек, которым на самом деле является мой отец, открылся нам. Что мне действительно нужно сделать, так это выяснить, где мы, черт возьми, находимся, и найти выход.

Мне нужно как-то добраться до Тоби, сообщить ему или любому из них, где мы находимся. Они будут здесь в мгновение ока. Я знаю, что так и будет.

Джонас не знает, о чем говорит. Ему не все равно. Он любит меня. Я знаю, что это так. И я не могу дождаться, когда он докажет его неправоту.

Ненависть к человеку, на которого я всегда равнялась, горит в моих венах. Воспоминание о том, как мама подчинялась ему, как он прикасался к ней.

Мой желудок снова скручивается, когда я молюсь, чтобы это был первый раз, когда он был с ней так груб.

— Что случилось, мам? Он причинил тебе боль?

— Со мной все будет в порядке, детка. Тебе не нужно беспокоиться обо мне. — Дрожь в ее голосе говорит мне об обратном.

Я вздыхаю с облегчением, когда мои пальцы касаются ткани, прежде чем я нахожу ее бедро.

Ее шокированный вздох пронзает воздух.

— Все в порядке, это всего лишь я, — уверяю я ее.

Всего через несколько секунд мы в объятиях друг друга.

Слезы градом катятся по моим щекам, пока я пытаюсь держать себя в руках. Развалиться прямо сейчас, как мама, никуда нас не приведет.

— Все будет хорошо. Он придет за нами. Он доберется до нас, — обещаю я ей, молясь, чтобы моя вера в Тоби того стоила. Если Джонас прав, если то, что между нами, ненастоящее, это сломает меня.

Я поверила его извинениям. Я приняла его тьму, его сожаления и приняла его слова за правду, даже после того, как увидела, на что он способен. Я действительно ничему не научилась? Так ли я наивна, как была когда-то?

— Ты знала, что он был жив, не так ли? — Мама спрашивает меня, и, несмотря на то, что здесь так темно, что я не могу даже разглядеть ни единой фигуры передо мной, я вижу выражение ее лица в своем воображении ясно, как день.

— Да. В ту ночь, когда я узнала правду, я обнаружила, что он все еще жив, что все это было прикрытием.

— И ты мне не сказала. — Боль пронизывает ее голос, и я хотела бы заглянуть в ее глаза, чтобы понять, почему. Рада ли она, что он все еще жив? Или это просто потому, что я солгала? Конечно, это не может быть первое, после того, как он вел себя с ней ранее?

Я нахожу ее руку, сжимаю ее обеими руками, в то время как пульсация в моей голове

постепенно усиливается.

— Что хорошего это дало бы? С ним нужно было... разобраться. Он был все равно что мертв.

— Ну, сейчас так не кажется, — бормочет она.

— Что случилось, мам? Когда он—

На другой стороне комнаты раздается громкий треск, и внезапно вокруг нас разливается свет, в то время как длинная, навязчивая тень покрывает пол.

Я прищуриваюсь, глядя на человека, ответственного за все это.

Он стоит там, в дверном проеме, пытаюсь проявить как можно больше силы и контроля, но его тело слабее и более хрупкое, чем я когда-либо видела, он немного отклоняется от цели. Или, может быть, просто теперь я знаю правду, я знаю, что он действительно не что иное, как монстр. Монстр, от которого я отказываюсь прятаться.

— Ах, хорошо, мои девочки проснулись. Вы обе голодны?

— Где мы находимся, и что тебе от нас нужно? — Требую я, пытаюсь вырвать свою руку из маминой хватки, чтобы встать и посмотреть ему в лицо, но она держит слишком крепко, и я могу подняться только на колени. Не тот недостаток в росте, которого я хотела.

— Не имеет значения, где мы находимся, — мягко говорит он, заставляя меня снова почувствовать себя маленькой девочкой, когда он читал мне мои любимые сказки на ночь. — Мы вместе. Это единственное, что сейчас важно.

— Не по своей воле. Мы не хотим быть здесь с тобой. Ты должен был быть мертв, — кричу я, теряя остатки здравомыслия.

— Ну же, милая. Мы оба знаем, что ты на самом деле так не думаешь.

Наконец, мне удается высвободить руку из маминой хватки, и я стою перед ним, высоко подняв голову и расправив плечи.

— Да, — выплевываю я. — Я так думаю. Я ненавижу тебя, ты монстр.

Его губы сжимаются в тонкую линию, а челюсть подергивается, когда он смотрит на меня.

— Что ты собираешься делать, папа? Ты собираешься ударить меня снова? Или ты просто планируешь запереть нас здесь, пока мы не начнем подчиняться? Если это так, я могу сказать тебе, что этого никогда не произойдет. Я никогда не собираюсь слушать— Его рука взметнулась, и он наотмашь ударил меня по той же щеке, что и раньше.

— Джонас, — кричит мама, пока я прижимаю ладонь к лицу, кровь наполняет мой рот.

— Я надеюсь, что они причинят тебе боль, когда убьют тебя, — тихо киплю я, мой голос полон яда.

— Я собирался отвести вас наверх и накормить ужином вас обеих, — рычит он, прежде чем погрузить нас в темноту и захлопнуть за собой дверь.

Наступает тишина, прежде чем топот тяжелых ног по лестнице подсказывает мне по крайней мере один факт о нашем местонахождении. Эта пизда действительно заперла нас в подвале. Но где?

Направляясь обратно туда, где, как я думаю, в темноте находится мама, я не могу не задаться вопросом, не забрал ли он нас обратно к себе домой. Мы в том же подвале, в котором он запирает Тоби?

Конечно, нет. Это было бы слишком очевидно.

Если мои инстинкты верны, и Тоби прямо сейчас где-то там, ищет нас, тогда он подумает о том, чтобы вернуться в дом своей семьи. Не так ли? Он нашел бы нас.

— Он собирался выпустить нас, — говорит мама, я уверена, сквозь стиснутые зубы.

— Ты хотела пойти и поужинать с ним? — спрашиваю я, вытирая разбитую губу.

— Джоди, — вздыхает она. — Иногда ты просто должна играть в игру.

Я прищуриваюсь, глядя на нее, несмотря на то, что она не может меня видеть.

— Если мы будем злиться и выводить его из себя, это ни к чему нас не приведет. Нам нужно знать, где мы находимся, и то, что мы заперты в темноте, не даст нам никаких подсказок.

Я со вздохом падаю на задницу. В ее словах есть смысл, но последнее, что мне сейчас хочется делать, — это уступать.

Положив голову ей на плечо, я ищу ее руку.

— Прости, что я никогда не говорила тебе, что он жив.

— Я тоже сожалею. За все.

— Мы собираемся выбраться отсюда.

Мама вздыхает, но она не соглашается — и это только усиливает страх, тяжестью сидящий у меня в животе.

18

ТОБИ

Мои кулаки сжимаются и разжимаются, когда я расхаживаю взад-вперед по пентхаусу Тео. Все остальные сидят на его диванах, наблюдая за мной так, как будто я вот-вот взорвусь в любую секунду.

— Он не мог просто уйти. Это, блядь, невозможно, — бормочу я себе под нос.

Прошло десять минут с тех пор, как я стоял в дверях рядом с Деймоном и смотрел на пустую камеру, и я все еще не могу в это поверить.

Выхода нет.

Установленная там система безопасности лучше, чем в большинстве тюрем. Не может быть, чтобы однажды он просто решил, что ему надоело быть нашей маленькой игрушкой, открыл дверь и вышел.

— То, что это произошло в эти выходные, не может быть совпадением, — размышляет Себ, пока Тео яростно стучит по своему ноутбуку, пытаясь точно определить время, когда все это происходило, через канал безопасности, который работает круглосуточно в этом месте.

В какой-то момент мы сможем увидеть, как он уходит. Мы узнаем, как ему это удалось, и, надеюсь, это даст нам зацепку.

Это должно произойти. Другого выбора нет.

— Ты уже дозвонился до Джоди? — спрашивает Стелла с края дивана, откуда она с беспокойством наблюдает за мной.

— Нет, ее телефон просто переключается на голосовую почту. Она в больнице.

— Мы должны пойти туда. Убедиться, что это так и что ее не собираются перехватить

—

Кровь, которая приливает к моим ушам при ее словах, мешает мне услышать то, что следует за началом этого заявления.

— Иди, — кричу я. — Приведи ее, блядь, обратно сюда и запри ее, — требую я.

Если он приблизится к моей девушке хотя бы на милую, то... мое сердце начинает

учащенно биться. Мои легкие качают, но они не в состоянии втянуть воздух.

Теплая ладонь Стеллы, опускающаяся на мои плечи, поражает меня. Я смотрю в ее голубые глаза, видя отражение моего собственного страха.

— Просто дыши, Тоби. — Ее хватка на мне усиливается, когда она велит мне просто сделать глубокий вдох, прежде чем выдохнуть еще раз. — Мы доберемся до нее, хорошо? Себ уже созвонился с папой. С мамой все в порядке. Они оба в безопасности и находятся в состоянии повышенной готовности.

— Они должны прийти сюда, — говорю я ей. — Здесь безопаснее.

Стелла кивает. — Я позвоню ему по дороге в больницу. Мы доставим их всех в целости и сохранности, а затем найдем его, — обещает она мне.

Мои губы подергиваются в подтверждение ее слов, но я ни в коем случае не чувствую улыбки.

— Пошли, принцесса, — говорит Себ, обнимая ее за плечи и оттаскивая от меня.

Я хочу протянуть руку и остановить ее, но я знаю, что Джоди нуждается в ней больше, чем я прямо сейчас.

— Осторожно, прибыла кавалерия, — громко кричит Себ от входной двери, и две секунды спустя Дэмиен и Харон врываются в комнату.

Мы ожидали босса. Тео позвонил ему, после того, как я потащил его вниз, чтобы посмотреть на пустую камеру. Но я действительно мог бы обойтись без встречи с моим так называемым дедушкой.

Гнев захлестывает меня при воспоминаниях о том, как я в последний раз видел его в кабинете Дэмиена. Когда он стоял там, совершенно равнодушный к тому факту, что он знал, что его сукин сын обращался с мамой и со мной так, как он это делал.

— Нет, — кричу я, двигаясь через комнату быстрее, чем ожидал. Мои пальцы сжимаются на пиджаке Харона, прежде чем я прижимаю его спиной к стене.

Я отдергиваю руку и как раз собираюсь совершить величайший грех, врезаю кулаком по его предательскому лицу, когда чья-то рука сжимает мое предплечье.

— Осторожнее, солдат, — предупреждает Дэмиен, его пальцы до боли впиваются в мой бицепс.

— Ему здесь не рады. Вероятно, он был тем ублюдком, который выпустил его.

Моя хватка на его лацкане пиджака никогда не ослабевает, и холодный взгляд Харона никогда не отрывается от моих глаз.

— Я могу заверить тебя, Тобиас, что, если бы я собирался освободить его, я бы сделал это задолго до этого, — спокойно говорит Харон. — Я знаю, ты думаешь, что я здесь тоже виноват, и частично, я вполне мог бы быть. Но я этого не делал. Я, однако, помогу вам исправить это и положить конец ситуации навсегда.

— Ты хочешь положить его к моим ногам, чтобы я мог пустить пулю ему в голову?

Он кивает один раз, и мое тело немного расслабляется.

— Прекрасно. Но если он тем временем причинит вред кому-либо из них, ты можешь просто покинуть этот мир вместе с ним.

— В этом не будет необходимости.

Напряжение нарастает между нами, когда я смотрю на него. Человек, который был для меня всего лишь хорошим примером для подражания. Я хочу верить, что он не совсем виновен во всем этом. Но я остаюсь при своем мнении, что он должен был знать больше, чем показывал.

— Должны ли мы—

— Готово, — рывкает Тео, обращая все наше внимание на него.

Отпуская Харона и высвобождаясь из объятий Дэмиена, я бросаюсь туда, где Тео и Нико смотрят на экран.

— Кто это, черт возьми, такой? — рывкаю я, в ужасе наблюдая, как двое мужчин в балаклавах просто открывают гребаную дверь и выпускают его на свободу.

— Гребаные мертвецы, вот кто они такие, — рычит Нико, звуча почти так же расстроено, как я чувствую себя сейчас.

— Кто охранял его в эти выходные? — лает Дэмиен, бросая свой убийственный взгляд на Деймона, но тот не дает ему шанса заговорить. — Приведите их сюда. Сейчас же.

— Что значит «ее там нет»? — Я рывкаю в свой телефон, пока мы все ждем внизу, в подвале, парней, которым было поручено сохранить жизнь Джоанасу в эти выходные.

— Джесси ее не видел, Тобс.

Страх в голосе Стеллы заставляет мое сердце уйти в пятки.

— Нет, это не может быть правдой. Она направлялась прямо туда.

— Она ушла отсюда? Ты видел, как она села в свою машину и уехала?

Мои глаза встречаются с глазами Тео, пока он внимательно наблюдает за моей реакцией.

— Нет, — признаюсь я, вспоминая, что позволил ей выйти из квартиры, нисколько не беспокоясь о ее безопасности. — Тео, найди запись из гаража. Нам нужно увидеть, как Джоди уходит.

Он кивает, открывает свой ноутбук и, положив его на одну руку, нажимает на клавиши.

— Мы едем к Джоан.

— Я встречу тебя там.

— Нет, тебе нужно—

— Не надо, — рычу я. Как бы мне ни хотелось вздернуть за яйца пару мудаков, которые позволили этому случиться, моя самая большая забота прямо сейчас — Джоди и обеспечение ее безопасности. — Ты говорила с Галеном?

— Они в пути.

— Хорошо. Я встречу тебя там. — Я заканчиваю разговор, прежде чем у нее появляется шанс сказать что-нибудь еще. — Джоди так и не добралась до больницы, — объясняю я, несмотря на то, что они, вероятно, уже догадываются.

— Она ушла отсюда одна, и, насколько я могу судить, никто за ней не последовал, — добавляет Тео, к большому моему облегчению.

— Она, вероятно, просто заскочила домой и, возможно, сейчас находится на пути в больницу. Отследить ее, — предлагает Нико.

Я уже сделал это, и на нем было видно, что она едет в сторону больницы, как я и ожидал. Но я полагаю, что нет ничего плохого в том, чтобы проверить еще раз.

Моя рука дрожит, пока я жду обновления ее местоположения.

— Она дома, — заявляю я, наконец-то видя ее маленькую голубую точку не там, где я ожидал ее увидеть.

— Тогда поехали, брат. Вы справитесь? — Нико спрашивает Тео, Алекса и Деймона, прежде чем броситься к лестнице.

— Ты, блядь, это знаешь. Эти ублюдки не уйдут отсюда, пока не выложат все, что

знают.

— Ты должен остаться, — говорю я Нико, предполагая, что все мы, появившиеся у двери Джоан, будем полным перебором, когда обнаружим, что они вдвоем пьют чай и едят печенье. Но даже когда я так думаю, что-то глубоко внутри меня знает, что этого не будет.

— Отвали. Я нужен тебе, я рядом, братан. — Он тянется ко мне и ерошит мои волосы, пока мы мчимся к гаражу.

Я открываю свою машину еще до того, как мы добираемся туда, и в ту секунду, когда моя задница касается сиденья, я разворачиваю ее с места и мчу через весь город.

— Следи за ее трекером, — рывкаю я, швыряя телефон в Нико.

— Это не обновлялось более десяти минут, — указывает он, заставляя мой желудок сжиматься от беспокойства.

— Может быть, батарейка села, — предлагаю я, нуждаясь в какой-нибудь лжи, чтобы убедить себя, что все будет хорошо.

Прошло две минуты, когда из динамиков раздался звонок моего телефона.

— Она у тебя? — рывкаю я, когда раздается звонок Стеллы.

— Никто не открывает дверь.

— Она там, ее телефон там.

— Кажется, здесь никого нет.

— Черт. Черт. — Я хлопаю ладонями по рулю, прежде чем сделать последний поворот на их улицу. — Мы уже подъезжаем.

Я бросаю свою машину посреди дороги с все еще работающим двигателем.

Мчась к входной двери, я ударяю кулаками по темному дереву.

— ДЖОДИ? — кричу я. — ДЖОДИ? ДЖОАННА?

Но там ничего нет.

— Посмотри в окно, — требую я.

Нико бросается ко мне, но Себ просто смотрит на меня, сострадание наполняет его глаза.

— Я уже проверил, чувак. Там внутри никого нет.

— Н-но... ее машина там. Ее телефон здесь. Она должна быть. ДЖОДИ? — Я кричу пытаюсь снова, отчаянно желая, чтобы она открыла эту чертову дверь и доказала мне, что я слишком остро реагирую.

— Какого черта ты—

Стелла не успевает закончить свой вопрос, так как я отступаю от двери на несколько шагов, прежде чем броситься на нее со всех ног в надежде, что она поддастся.

Она даже не скрипит под моим весом. Мое плечо, с другой стороны, кричит от боли.

— Немного гребаной помощи? — спрашиваю я, глядя на Себа и Нико, которые одинаково хмурятся.

— Мы не собираемся—

Мои ладони сталкиваются с грудью Нико, прежде чем он может продолжить этот спор. Он отшатывается в шоке, но вскоре возвращается ко мне, более чем готовый стать моей боксерской грушей, если мне это понадобится.

— Так ты просто собираешься стоять там и ничего, блядь, не делать? Она у него, чувак. Он, блядь, у— Слова застревают у меня в горле, когда страх, какого я никогда не испытывал, угрожает разорвать меня надвое.

Слышать ее голос по телефону, когда вокруг нее горело здание, было ужасно. Бежать

туда, чтобы забрать ее, было чертовски страшно.

Но тогда я мог бы что-нибудь сделать. Я мог бы изменить ситуацию. Я мог бы помочь. Прямо сейчас я бесполезен.

— Если он прикоснется к ней...

— Тогда мы выпотрошим его, как гребаную рыбу. Мы найдем ее, — обещает Нико, беря мое лицо в свои руки и прижимаясь своей головой к моей. — Мы, блядь, найдем ее.

Его янтарные глаза смотрят в мои, темнея от обещаний боли и возмездия с каждой проходящей секундой.

— Давай выбьем эту дверь, — говорит Себ, кладя руку мне на плечо. — Что-то должно указать нам правильное направление.

Мы трое выстраиваемся в линию, когда Стелла отступает, ее лицо искажено беспокойством и беспомощностью, когда мы наваливаемся на дверь всем своим весом.

Она стонет и поскрипывает, дразня нас. Но мы не сдаемся, пока она наконец не распаивается и мы втроем не падаем на пол в коридоре.

— Убери свой гребаный локоть от моих яиц, — рывкает Нико.

Игнорируя его, я поднимаюсь с вершины кучи и мчусь дальше в дом.

Все выглядит именно так, как я и ожидал, за исключением одной вещи. Вид перевернутого стула в столовой заставляет мою кровь стечь в жилах.

— Он был здесь, — выдыхаю я.

— Черт, — говорит Себ, подходя ко мне сзади и осматривая комнату.

— Должно же что-то быть. Что угодно. Обыщите это место.

Я разворачиваюсь на пятках, готовый проверить гостиную, и натываюсь прямо на Нико.

— Убирайся нахуй с моего пути.

— Это может быть ловушкой, — говорит он, и это звучит намного серьезнее, чем он обычно говорит о чем-либо.

— Если он хочет выскочить и попытаться сразиться со мной прямо сейчас, то ему, блядь, более чем рады, — выплевываю я. — Двигайся. — Я отталкиваю его в сторону, и, к счастью, на этот раз он отпускает меня.

— Ты действительно думаешь, что он спланировал это настолько, чтобы начать расставлять ловушки? — спрашивает Себ.

— Ему удалось сбежать из камеры строгого режима, — саркастически говорит Стелла. — У него есть гребаный план.

— Кто-то выпустил его, — добавляет Нико, пока я обыскиваю комнату, одним ухом прислушиваясь к их обсуждению.

— Тобс, ты проверил все его биографические данные. Кто был у него в заднем кармане, кто мог бы помочь повернуть это дело?

— Вероятно, было бы проще спросить, кого у него не было в заднем кармане, насколько я могу судить, — бормочу я, присоединяясь к ним, когда не нахожу ничего подозрительного.

— Кто бы хотел, чтобы он вернулся? Какую пользу он принесет нашим врагам? — спрашивает Стелла.

— Вероятно, он продавал нас направо и налево. Все, что когда-либо шло не так, вероятно, было делом его рук.

— Ночь драк, вечеринка в честь Хэллоуина. Бьюсь об заклад, он даже знал о гребаном бунте Ловелла, — перечисляет Себ.

— Ну, это не может быть Луис или Рэм, — возражает Нико.

— Тем не менее, у них было много верных последователей. Нет причин, по которым это не мог быть кто-то из них.

Нико, Себ и я разделяем взгляды.

— Что? — Требует Стелла, увидев наш безмолвный разговор.

— Давайте проверим остальное в этом доме и вернемся, посмотрим, что им удалось выбить из этих двух парней, — храбро говорит Себ. — О, черт, — кричит он, когда Стелла хватается за сосок через рубашку и выкручивает.

— Начинай, блядь, говорить, Папатонис, — рычит она. — Ты больше не оставляешь меня в стороне от этого дерьма, помнишь?

— Мы оставим тебя с этим, — говорит Нико, подталкивая меня к лестнице. — Он должен просто радоваться, что это были не его яйца.

— Почти уверен, что они уже надежно спрятаны у нее в сумочке, — язвлю я, пытаюсь оттолкнуть тот факт, что я собираюсь зайти в комнату Джоди, быть окруженным всем, что принадлежит ей, но не знать, где, черт возьми, она находится.

Но как бы плохо я ни думал, что это будет, это все равно ничто по сравнению с реальностью, когда тыходишь в ее комнату и вдыхаешь ее сладкий аромат.

— Черт, — ворчу я, поднимая руку и стягивая рубашку прямо над болью в груди. — Детка, где ты? Куда он тебя отвез?

Мои глаза сканируют комнату, как будто ответ вот-вот выскочит у меня из головы. Но там ничего нет. Ничего, кроме боли, потерь и сожалений.

Опускаясь на край ее кровати, я опускаю голову, поскольку все то, что я должен был сделать по-другому с ней, всплывает в моей голове.

Я качаю головой, мои кулаки сжимаются до тех пор, пока ногти не впиваются в ладони, поскольку я отказываюсь верить, что он собирается победить нас. Победить меня.

Он обучил меня лучше, чем это. Я должен быть в состоянии разгадать его планы.

Зажмурив глаза, я вспоминаю тот видеозвонок, когда он разговаривал с ней все эти недели назад.

Он сказал ей, что они снова будут вместе. Что они могли бы снова стать семьей. Так вот в чем дело? Он что, только что убежал с ними на закат?

Черт.

Меня осеняет мысль, и я резко выпрямляюсь.

Нет. Конечно же, она не знала об этом?

— Что случилось? — спрашивает Нико, появляясь в дверях.

— Ты думаешь, она хотела этого? — спрашиваю я, мое сердце замирает с каждой проходящей секундой.

— Нет, — заявляет он, даже не сбившись с ритма. — Нет ни единого шанса. Она только что сказала тебе убить его, — напоминает он мне.

— Но она могла знать, что он собирался сбежать.

— Не, чувак. Ты придаешь этому слишком большое значение. Она ни за что на свете не предпочла бы его тебе.

— Ты не можешь так говорить. Ты никогда не видел его с ней.

Черт возьми, я никогда не видел его с ней. Но я слышал, как она говорила о своем отце до того, как узнала правду, и она верила, что он был всего лишь ее отчимом тогда.

— Что, если она никогда не прощала меня, и все это было—

— Ты несешь чушь. Эта девушка чертовски любит тебя, чувак. Перестань позволять

своим страхам брать над тобой верх.

Он стоит передо мной, не оставляя мне иного выбора, кроме как вытянуть шею, чтобы посмотреть на него снизу-вверх.

— Я не... я просто—

— Гребаная киска. Джоди не лгуныя. Она не ее отец. Ты нужен ей, брат. И прямо сейчас и ей, и Джоанне нужно, чтобы ты, черт возьми, сражался за них.

Я смотрю на него, мои глаза сузились от подозрения.

— Когда, черт возьми, ты стал таким мудрым?

— Я этого не делал. Я только что провел последние несколько недель, наблюдая, как вы, два сентиментальных говнюка, все сильнее влюбляетесь друг в друга. Перестань сомневаться, достаточно ли ты хорош, хочет ли она тебя настоящего. Потому что ты достаточно хорош.

— Я не уверен, что ты мне нравишься таким, — признаюсь я. — Но я, черт возьми, ценю это.

Поднимаясь на ноги, я обнимаю его и хлопаю по спине в попытке сохранить мужественность.

— Чертовски люблю тебя, чувак. Я бы сделал все, чтобы сохранить ту улыбку, которую она вызывает на твоём лице.

— Думаю, тогда нам лучше пойти и выяснить, как ее найти.

19

ТОБИ

Крики агонии достигают наших ушей задолго до того, как мы спускаемся по лестнице в подвал. И когда мы, наконец, сворачиваем за угол, мы обнаруживаем, что Дэмиен, Харон, Тео и Алекс наблюдают, как Деймон прижимает клеймо к коже одного из парней, которых они голыми привязали к двум стульям в центре комнаты.

Обоих едва можно узнать, их лица опухли и окровавлены от избиений и пыток, которые они уже перенесли.

Я могу только предположить, что этого было недостаточно, потому что, судя по темному облаку, окружающему Деймона, я не думаю, что у него есть какие-либо намерения останавливаться в ближайшее время.

От запаха горячей кожи у меня в животе все переворачивается, прежде чем Деймон отодвигает раскаленное клеймо, открывая свое произведение искусства.

— У меня есть вопрос, — говорю я, делая шаг вперед, чтобы встать рядом с самым темным дьяволом.

Всеобщее внимание в комнате приковано ко мне, когда я пристально смотрю в опухшие глаза наших пленников.

— Сколько итальянцы пообещали тебе за то, что ты провернешь это для них?

Они оба сидят неподвижно, и я уверен, что если бы их лица были в состоянии показать реакцию, они бы этого не сделали.

Тупые предатели, гребаные пезды.

Оба они были с нами в течение многих лет. Или, по крайней мере, мы думали, что они на нашей стороне. Оказывается, они примерно так же коррумпированы, как те засранцы-Волки, которых мы недавно уничтожили.

— Я действительно надеюсь, что вы оба все обдумали, прежде чем позволили им манипулировать вами, заставляя выполнять их грязную работу. У вас обоих есть семьи, верно? — Спрашиваю я, проведя небольшое исследование по дороге сюда благодаря информации Тео. — Жены. Дети. Было бы настоящим позором заставить их страдать из-за твоего тупого гребаного выбора.

Тем не менее, ни тот, ни другой не ломаются.

— Итак, я могу предположить, что Мариано держат ваших близких в безопасном месте. Или вы оба настолько чертовски самонадеянны, что они прямо сейчас сидят дома, даже не подозревая, что вы нас предали?

И мы с Нико знаем ответ на этот вопрос, и они тоже.

Наконец, один из них показывает ту реакцию, на которую я надеялся, когда из его горла вырывается тихое хныканье.

— Что это было? — Спрашиваю я, наклоняясь немного ближе, но сожалею об этом в ту же секунду, как в нос мне ударяет запах мочи.

Тишина.

— Я думаю, нам, вероятно, следует пойти и забрать их всех сейчас, не так ли, босс? — Спрашиваю я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Дэмиена, который смотрит на меня с чем-то, что, я уверен, является гордостью в его глазах.

— Конечно. Алекс, Себ, возьмите Стеллу и Эмми с собой. Приведите их сюда мирно, — приказывает он.

— Конечно, босс, — соглашается Алекс, прежде чем крик боли наконец прорезает воздух.

— Нет, нет. Не впутывай их в это.

Бросаясь вперед, я обхватываю пальцами горло пизды достаточно сильно, чтобы перекрыть ему доступ воздуха. Его глаза расширяются в панике, но я не сдаюсь.

— Тогда тебе нужно, блядь, начать говорить, — киплю я, выплевывая ему в лицо каждое слово. — Нам не нужно читать тебе лекцию о гребаной важности семейной верности, солдат. Вы оба знаете, что вы мертвы из-за этого гребаного глупого трюка, но жизни ваших семей сейчас в значительной степени висят на волоске. Я действительно надеюсь, что они того стоили.

Тишина заполняет комнату, и моя хватка на его горле только усиливается. Но, несмотря на его более ранний протест в защиту своей семьи, ни один из них больше не возражает.

Пока Алекс, Себ и Стелла не решат уйти.

— Нет, — кричит другой. — Они обещали нам новую жизнь вдали отсюда, если мы позволим ему освободиться.

Я оскаливаю зубы, продолжая смотреть на подонка в моих лапах. Его губы начинают синеть, но он по-прежнему ничего не делает, чтобы отбиться от меня.

— Неужели жизнь с нами действительно так плоха? — спрашивает Дэмиен, подходя ко мне и, наконец, вмешиваясь.

— Нет, босс. Я просто хочу большего для своих детей.

— Тебе недостаточно жизни в богатстве, власти и защите целой семьи, солдат?

— Я в большом долгу перед своей женой, — говорит он, и его голос выдает страх, который он так старается скрыть.

— И ты думаешь, что жизнь, которая теперь будет без тебя, лучше, чем эта, когда ее муж жив?

— О-они обещали мне, что э-это будет л-легко.

— Ну, да. Я думаю, оставить дверь открытой довольно легко. Но ты, кажется, кое, о чем забываешь, — заявляет Дэмиен, его голос такой же жесткий и холодный, как всегда. — Итальянцы — тупые, жаждущие власти ублюдки. Ты действительно думал, что тебе это сойдет с рук? Вы были последними, кто видел его живым. Тоби, отпусти его, — требует Дэмиен. — Тебе нужно, чтобы они оба дышали еще немного, если мы собираемся найти твою девушку.

Парень перед Дэмиеном бледнеет.

— О, мне жаль. Ты действительно думал, что Джонас собирался ускользнуть в закат и оставить нас всех с нашей счастливой жизнью? Мне жаль, что приходится вас огорчать, но эта жизнь не такая. И мы притащили его сюда по чертовски веской причине. — Его голос становится глубже, с каждой секундой становясь все более смертоносным.

Парень, которого я чуть не задушил до смерти, тяжело дышит, пытаюсь вернуть в свой организм достаточное количество кислорода. Ему лучше извлечь из этого максимум пользы, потому что, как только у нас будет вся необходимая информация, они оба будут чертовски мертвы.

— Итак, — говорит Дэмиен, поднимая глаза на своего сына и подзывая его к себе. Достав из кармана складной нож, он протягивает его Тео, глаза которого горят жаждой крови. — Мы собираемся сделать это веселым способом или легким?

Тео явно насрать на ответ на этот вопрос, потому что в ту секунду, когда он обхватывает нож пальцами, он вонзает лезвие прямо в тыльную сторону руки парня, которая привязана к ручке кресла, заставляя его выть, как дикого зверя.

— Я действительно не чувствую себя легко сегодня вечером, босс, — небрежно говорит Тео, вытаскивая оружие из его руки и вытирая его о штаны парня, пока тот хнычет.

— Достаточно справедливо. Итак... куда подевался Джонас?

— Мы не знаем, босс, — хрипит парень, которого я душил.

— Недостаточно хорошо, — рычит Дэмиен, его раскатистый голос заставляет меня вздрагивать.

— М-мы не задавали вопросов, босс.

— Тео, — Дэмиен не успевает произнести приказ, как нож вонзается в бедро парня. — Мы можем продолжать делать это в течение нескольких дней. Держать вас на краю гибели дольше, чем вы могли бы представить. И чем дольше это длится, тем ближе мы становимся к вашим детям. Думаешь, они будут кричать так же сильно, как ты?

Он стонет, когда Тео вытаскивает нож и смотрит вниз, кровь течет из раны. Этого много, но недостаточно, чтобы быть артерией.

— Он покидает страну.

— Сегодня вечером?

— Нет. Сначала он хотел заполучить свою семью.

— Ее маячок все еще не двигается, — говорю я, уставившись на штуковину, как будто она волшебным образом сдвинется и скажет нам, где она, если я буду достаточно усердно молиться.

— Расскажи нам еще раз, почему ты подумал, что было хорошей идеей не вставлять жучок в ее ожерелье? — спрашивает меня Тео, его бровь изогнута, как будто он искренне не может понять, почему я этого не сделал.

— Потому что, придурок, я не хотел обращаться с ней как с гребаной собакой. — Я бросаю взгляд на Эмми, прекрасно зная, что он, блядь, чипировал ее не так давно.

— Мы бы знали, где она была прямо сейчас, если бы ты это сделал.

Вскакивая на ноги, я стаскиваю его с дивана за рубашку.

— Ты думаешь, я, блядь, этого не знаю? — кричу я, наши носы так близко, что они почти соприкасаются.

Моя грудь вздымается, когда чистое отчаяние разливается по моим венам.

Он мог увезти ее куда угодно. Он мог делать с ней все, что угодно.

Мой желудок переворачивается при мысли о том, что он прикасается к ней. О том, что он обращался с ней так же, как со мной.

— Тоби. — Мягкий голос мамы проникает в мои уши, и это заставляет меня расслабиться еще до того, как она кладет руку мне на плечо.

Она и Гален были здесь, в моей квартире, ожидая, когда мы зашли в тупик с двумя мудаками внизу.

Мы оставили их на ночь стонать от боли и покрывать пол их кровью, позволив им поверить, что их семьям придется не слишком приятно просыпаться утром, если они не расскажут что-нибудь, что мы могли бы использовать.

— Мы найдем ее.

Я отпускаю Тео толчком, он падает обратно на диван, когда я разворачиваюсь к маме.

— Как? — кричу я. — Как, черт возьми, мы собираемся ее найти? Он мог увезти ее куда угодно.

Мой голос громкий и смертоносный, но она даже не дрогнула.

— Он не собирается уходить тихо, — говорит она мне ровным и уверенным голосом, как будто она знает это как факт. Чего, конечно, у нее нет. Но за эти годы она достаточно натерпелась его дерьма, чтобы знать, как он работает. Черт возьми, я тоже должен это знать, но единственное, на что я сейчас способен, — это страх. Леденящий душу гребаный страх, что он собирается причинить боль моей девочке.

Я использовал ее против него. И теперь он собирается отплатить за услугу.

— Он всегда стремился к славе, к злорадству. Он не уйдет, пока не повернет тот клинок, который вонзил в наши сердца много лет назад.

Я изо всех сил пытаюсь втянуть воздух, который мне нужен, поскольку смысл ее слов поражает меня прямо в грудь.

— Если он причинит ей боль—

— Мы найдем его, Тоби. И мы убьем его, прежде чем у него появится шанс.

— Что, если мы этого не найдем? — спрашиваю я, мой голос слабый и испуганный.

— Мы это сделаем, — говорит Стелла, подходя ко мне и обнимая меня за талию, когда Гален подходит и встает рядом с мамой.

— Мы все поддерживаем тебя, Сынок, — говорит он, не снимая неослабевающей боли у меня в груди. — Теперь он нас не победит, — обещает он мне.

Мои кулаки сжимаются по бокам. Едва сдерживаемый гнев захлестывает меня, сковывая мышцы, когда движение за маминым плечом привлекает мое внимание.

— Это мило и все такое, но Тоби нужно пойти со мной, — заявляет Нико, способный видеть то, чего не видят другие.

— Куда ты идешь? — спрашивает Стелла, совершенно оскорбленная.

— Не переживай из-за этого, принцесса. Я позабочусь о его безопасности. Позвоните

нам, если что-нибудь случится, и мы сразу же вернемся, — говорит он с улыбкой. — Иди переоденься, — говорит он мне, прежде чем вытащить телефон из кармана.

В комнате воцаряется тишина, и это все, что мне нужно знать, что я не могу оставаться здесь с этим гнетущим напряжением, давящим на меня.

Делая шаг вперед, я обнимаю маму, вдыхая ее аромат и молясь, чтобы слова, которые она только что сказала мне, были правдой, и мы выясним его следующий шаг, пока не стало слишком поздно.

Через несколько минут на мне пара спортивных штанов и майка, и я бегу трусцой вниз по лестнице в наш подвальный спортзал прямо за Нико, в то время как остальные продолжают разбираться с дерьмом в моей квартире.

Дэмиен и Харон отправились на встречу с Эваном и Стефаносом, чтобы рассказать им о том, что происходит. Стефанос совместно с итальянцами собирал разведанные с тех пор, как они попытались вторгнуться на нашу территорию на их стороне города перед Рождеством. Так что, если они оставили какую-то ниточку с этим, то он должен быть в состоянии потянуть за нее и посмотреть, как она распутывается.

Неудивительно, что они за одно с Джонасом. Именно они устроили пожар в ту ночь боя, утверждая, что это был прямой приказ от нас. Или какую бы чушь они ни пытались извергнуть. В ту ночь они пытались предупредить нас, что в нашей семье завелась змея — мы и не подозревали, каким чертовски скользким он окажется.

В ту секунду, когда мы входим в двери спортзала, Нико выбирает плейлист на своем телефоне и выскакивает на ринг, вытянув руки по бокам.

— Давай, детка, — насмехается он, заставляя меня покраснеть всего от этих четырех слов.

С громким ревом, которым, я уверен, гордилось бы любое дикое животное, я бросаюсь на него, нанося удары кулаками по любой части его тела, которую он оставляет незащищенной. Его ответные удары столь же жестоки, но я использую боль, которую он мне причиняет, чтобы подпитывать свои движения. Действовать инстинктивно, используя навыки, которым меня учили с такого юного возраста, что теперь они почти так же естественны, как дыхание, позволяет мне опустошить свой разум, на короткое время вытеснить гнев и отчаяние.

Я понятия не имею, как долго мы сражаемся, но когда мелодия звонка Нико заполняет пространство вокруг нас, по моему телу струится пот, а с кулаков капает кровь, я уверен, покрывающая почти каждый дюйм моего тела.

— Перерыв, — рявкает Нико, вытирая лоб руками и ныряя под веревки, чтобы ответить на звонок.

— Да. Да. Подвал. Да. Да.

Я смотрю на него, когда он вешает трубку и идет к холодильнику, не секундой позже бросая мне бутылку воды.

— Кто это был? — спрашиваю я, откручивая крышку и сразу же выпивая половину.

— Не тот, у кого есть ответы.

Я только что опрокинул бутылку над головой, когда дверь в спортзал открывается и врывается Брианна с обезумевшим видом.

— Ты гребаная пизда, — рявкает она, бросаясь к Нико и замахаясь на него сумочкой.

Мои глаза расширяются от ее дикости, когда то, что у нее там есть, с болезненным стуком ударяется о голову Нико.

— Какого хрена, Сирена? — лает он.

— Ты, блядь, пишешь мне смс, чтобы сообщить, что моя лучшая подруга, блядь, пропала, ты, огромная гребаная пизда.

— Ты бы предпочла не знать?

— Ты гребаный придурок. Я не знаю, почему я когда-либо думала, что проводить время с тобой было хорошей идеей.

Она отмахивается от него и поворачивается ко мне.

— Господи, ты выглядишь ужасно.

Я приподнимаю бровь, глядя на нее.

— Что происходит? Ты нашел ее? У кого она?

Мои глаза поднимаются от Бри к Нико, который только раздраженно пожимает плечами.

— Ты ей ничего не сказал? — спрашиваю я.

— Нет, он сказал мне, что Джо-Джо пропала. Это было все. Никаких других гребаных подробностей. Где она, Тоби? С ней все в порядке?

— Черт возьми, — шиплю я, запуская окровавленные пальцы в свои мокрые волосы, с которых капает. — Мы не знаем, где она, Бри. Она у Джонаса.

— Дж-Джонас? — заикается она, глубокие морщины омрачают ее лоб.

— Начинаешь понимать, почему я не выложил все это в гребаном текстовом сообщении прямо сейчас? — Нико ворчит у нее за спиной.

— Пошел ты, — бросает она через плечо, прежде чем повернуться ко мне. — Пожалуйста, продолжай.

— Джонас не мертв. Наш босс инсценировал его смерть. Мы держали его запертым в камере последние несколько месяцев.

Ее рот открывается и закрывается, как у золотой рыбки, пока она пытается осмыслить пересказ всей этой дурацкой ситуации.

— Он сбежал. Мы не можем найти ее или Джоан.

— Черт, Тоби. Это чертово безумие, — говорит она, раздраженно вскидывая руки.

— Добро пожаловать в наш мир, Сирена, — говорит Нико.

— Ты все еще, блядь, здесь? — рывкает она на него.

— Черт возьми, да, ты знаешь, я люблю, когда ты становишься такой дерзкой.

— Моя лучшая подруга, моя кузина, пропала, черт возьми. Может быть, ты перестанешь шутить?

Я качаю головой, глядя на них двоих, когда беру полотенце с вершины стопки в углу и протираю им голову и лицо. Когда я снимаю его, ярко-белый хлопок приобретает красный оттенок.

— Все наверху, в моей квартире. Пошли, — говорю я, проходя мимо Бри, более чем готовый принять душ и услышать, были ли какие-нибудь прорывы.

Все оборачиваются, чтобы посмотреть на нас, когда мы врываемся в мою квартиру. Мама ахает от ужаса при виде нас двоих, но я не уверен, почему она так удивлена. Это не первый раз, когда она помогает нам после того, как мы слишком усердствовали, сражаясь за изгнание наших демонов.

— Что-нибудь? — рывкаю я, мои глаза останавливаются на Тео.

Все по-прежнему здесь, кроме Деймона, который исчез.

— Босс и отец копаются в дерьме в офисе. Деймон отправился на базу итальянцев,

чтобы посмотреть, не сможет ли он раздобыть какую-нибудь информацию, — объясняет Алекс.

— Он думает, что случайно что-то услышит?

— Черт знает, что он думает или что у них происходит, — бормочет Алекс, явно чувствуя себя немного подавленным тем, над чем работают их отец и Деймон.

— Я иду в душ, — ворчу я, направляясь через квартиру к уединению своей спальни.

С каждым моим шагом крепкая хватка, которую я сдерживал во всем, кроме своего гнева из-за этого, начинает ослабевать.

Огромный комок эмоций подступает к моему горлу, и когда я протискиваюсь в свою спальню, все, что я вижу, это Джоди, сидящую посреди моей кровати, мои простыни обернуты вокруг ее обнаженного тела. Мое сердце разбивается на миллион осколков, когда воспоминания о нашем времени вместе всплывают в моей голове.

Я пообещал ей, что всегда буду защищать ее. Что я бы никогда не позволил чему-либо или кому-либо причинить ей боль. Но теперь, блядь, посмотри. Я даже не могу ее найти.

— ЧЕЕЕРТ, — реву я, проводя рукой по верхней части комода, наблюдая, как флаконы с духами и пара фоторамок падают на пол. — ЧЕЕЕРТ.

Слезы наполняют мои глаза, пока я борюсь, чтобы просто не рассыпаться на миллион бесполезных гребаных кусочков.

Я запускаю пальцы в волосы до тех пор, пока не становится настолько больно, что я уверен, что вот-вот вырву их все начисто из головы.

Теплая ладонь касается моего плеча, и я разворачиваюсь, снова сжимая кулак, готовый сразить того, кто стоит там и наблюдает, как я ломаюсь.

— Бри, — я задерживаю дыхание на секунду, прежде чем нанести удар, который, вероятно, стал бы самым болезненным ударом в моей жизни.

— Мне жаль. Мне так ж-жаль. Мне п-просто... страшно, — шепчет она, и слезы стекают по ее ресницам.

— Черт. Мне тоже. Мне тоже страшно.

Забыв о том, что я весь в поту и крови, я притягиваю ее к себе и обнимаю, пока она плачет.

— Мы собираемся найти ее, Бри. Я, блядь, обещаю тебе, — говорю я ей в волосы, молясь всем, кто может слушать, чтобы я снова не лгал.

Черт. Я должен найти ее. Другого выбора нет.

— Я сделаю все, что ты от меня потребуешь, — честно говорит она, обнимая меня так же крепко, как я обнимаю ее. — Но я собираюсь надрать всем вам задницы, как только все это закончится, за то, что вы солгали мне о Джонасе. Какого хрена эта пизда все еще жив?

— Чертовски хороший вопрос, — бормочу я, наконец, отпуская ее. — Я буду сожалеть, что не убил его раньше, всю оставшуюся жизнь. Я знаю это точно.

Отходя от нее, я снимаю майку и бросаю ее в корзину для белья, прежде чем натянуть спортивные штаны, и боксеры на бедра и ворваться в ванную, захлопнув за собой дверь.

Я поворачиваю регулятор вниз и стою под ледяной водой, пока все не затекает, а зубы не начинают стучать.

Это наименьшее из того, чего я заслуживаю за то, что так сильно все испортил.

ДЖОДИ

Как бы мне ни было неприятно это признавать, выполнение того, что предлагала мама, и выполнение сумасшедших требований Джонаса позволили нам обрести некоторую свободу.

Он действительно накормил нас, хотя это едва стоило усилий по пережевыванию. И у нас обоих были очень быстрые походы в туалет в сопровождении. Прогулки, в которых нам завязывали глаза, чтобы мы не могли понять, где находимся.

Все, что я знаю, это то, что в ванную нужно подняться на два лестничных пролета, а внутри есть одно маленькое заколоченное окно. Сама комната старая — такого же размера, как наша, но с немного другой планировкой.

Я жаждал встать под душ в старой грязной ванне и почувствовать, как на меня льется горячая вода.

Я был грязной, мои волосы были жесткими, моя кожа сухой и зудящей. Эти вещи — единственный способ, которым я могла сказать, как долго мы были взаперти. Обычно я могу два дня не мыть голову. На данный момент мы определенно находимся здесь как минимум четыре.

Мои надежды на то, что Тоби найдет нас и вытащит из этого ада, начинают ослабевать.

Мы понятия не имеем, где мы были; как, черт возьми, он должен был это выяснить?

Очевидно, что мы не в их семейном подвале, где раньше был заперт Тоби. Он бы проверил это. Он бы заглянул туда. Я чертовски уверена в этом.

Мужчина, который сопровождал меня в туалет, срывает повязку с моего лица, и большая ладонь давит мне между лопаток, толкая меня вперед. Мне удается спуститься по первым нескольким ступенькам, прежде чем моя нога спотыкается, и я падаю на землю с криком боли.

— Джоди, — ахает мама, бросаясь вперед, когда мужчина наверху лестницы смеется. Глубокий злобный рокот разносится в воздухе вокруг нас, прежде чем тяжелая дверь захлопывается и защелкиваются замки.

— Я в порядке, — выдыхаю я, боль пронзает мою руку. — Я в порядке, — пытаюсь я снова, надеясь, что в какой-то момент я, возможно, просто начну верить своим словам.

Мне удастся подняться, и я сворачиваюсь калачиком рядом с мамой на импровизированной кровати, которую мы соорудили для себя.

— Это не работает, — шиплю я. — Он не успокаивается, мы просто подпитываем его потребность в контроле.

— Он собирается оступиться. Он должен.

— А что, если он этого не сделает? — срываюсь я. — Если мы не сможем найти выход отсюда, и они не смогут найти нас, что тогда?

— Я не знаю, — шепчет мама, и ее голос звучит более побежденным, чем когда-либо.

— Ты знаешь его лучше, чем кто-либо другой. Ты мирилась с этим... дерьмом, всю свою жизнь. Ты должна знать его слабость.

— У него ее нет. Нет, пока он держит нас обоих под замком. Мы — единственное, чего он хочет в этом мире. И он привел нас именно туда, куда хотел.

— Конечно, его план игры не в том, чтобы держать нас здесь вечно? В конце концов, ему придется нас выпустить.

Выражение ее лица спрашивает, «так ли это?», но я отказываюсь верить, что это правда.

У него были месяцы, чтобы спланировать это, и ему явно кто-то помог. Я опознала двух разных мужчин, которые сопровождали меня, чтобы сходить в туалет. Но кто они? И почему они чувствуют необходимость помогать этой пизде?

Минуты идут, боль в моей руке становится только хуже. По крайней мере, теперь у нас есть свет. Не то чтобы это позволяло нам видеть что-то хорошее.

Здесь, внизу, все холодное и промозглое. Бетонный пол почернел от сырости, и она медленно разрастается по грязно-серым стенам. В какой-то момент мама начала кашлять, и я не сомневаюсь, что причиной этого являются споры плесени.

У нас здесь, внизу, нет понятия о времени, равно как и о том, день сейчас или ночь снаружи. Окно было так хорошо заколочено, что сквозь него не пробивается даже луч света. И я испробовал все, что было в моих силах, чтобы разрушить его. Но здесь, внизу, нет ничего, кроме нескольких тонких одеял и моих собственных пальцев, мы далеки от возможности побега.

Я понятия не имею, сколько времени проходит, прежде чем над нами раздастся звук тяжелых шагов.

Мой желудок сжимается от осознания того, что он вернулся. Страх пробирает меня до костей, пока мы ждем. Мы всегда являемся его первым пунктом назначения, когда он появляется вновь, подходя поприветствовать нас, как будто мы ждали его возвращения с тяжелого рабочего дня.

Он подходит ближе, мое сердце набирает скорость в груди, прежде чем замки открываются, и дверь распаивается.

— Мои девочки, — объявляет он. — У меня есть для вас угощение сегодня вечером. — Его улыбка, которая следует за этим, маниакальна, и это заставляет страх пронзить мое тело.

— Звучит замечательно, дорогой, — выдыхает мама, мило улыбаясь ему. От ее фальшивого счастья у меня сводит зубы. Но, хотя я могу и не согласиться с ее планом заставить его облажаться, у меня также нет плана Б. Вскочить и заорать ему в лицо — верный способ гарантировать, что наше пребывание в подвале только продлится.

— Тогда пошли. У меня приготовлен ужин для всех нас.

— Ты хочешь, чтобы мы поднялись туда и поели с тобой? — спрашиваю я, мои брови в замешательстве сходятся на переносице.

Он еще не выпускал нас без повязки на глазах, так с чего бы ему вдруг захотеть устроить семейный ужин за столом?

Мама поднимается на ноги, и я нерешительно делаю то же самое, мне чертовски любопытно, во что он играет.

С каждым шагом, который я делаю вверх по лестнице, я ожидаю, что он рассмеется нам в лицо и снова хлопнет дверью.

У меня болит живот там, где так пусто, и когда я поднимаюсь на верхнюю ступеньку и до меня доносится запах еды, я забываю обо всем, что это подстава, и начинаю двигаться быстрее, отчаянно желая узнать, что у него может быть для нас по ту сторону двери.

— Что за хрень? — бормочу я себе под нос, когда смотрю на дом, под которым нас держат.

Я несколько раз моргаю, недоверчиво оглядываясь вокруг.

Это наш дом. Только... это не так.

Но стены, мебель, даже некоторые фотографии, они идентичны нашему дому.

Он серьезно облажался.

— У меня есть наше любимое блюдо, — говорит он, указывая в сторону кухни.

Мы заходим внутрь впереди него и обнаруживаем, что стол накрыт всем необходимым для приготовления тако.

У меня слюнки текут при виде всей этой еды после того, как я питалась только сухим хлебом и чуть теплой водой в течение... дней.

— Что мы сделали, чтобы заслужить это удовольствие? — Мама тихо говорит позади меня, ее тон заставляет меня съежиться.

— Я подумал, что нам пора снова стать семьей.

— Почему? — Спрашиваю я, вопрос срывается с моих губ прежде, чем я даже осознаю, что собираюсь сказать это вслух.

— Потому что я хочу сделать что-нибудь приятное для своих девочек.

Я оборачиваюсь и пристально смотрю на него. Он выглядит лучше, чем в первый раз, когда я увидела его в нашем доме, сколько бы дней это ни было назад. Быть свободным, очевидно, идет ему на пользу.

— Мы начинаем все сначала. Только я и мои девочки. Я все спланировал, и мы будем так счастливы.

Мои глаза прищуриваются, когда я смотрю на него, но мне удается держать свои мысли при себе.

— Звучит замечательно, дорогой. Почему бы тебе не рассказать нам об этом подробнее?

Глаза Джонаса не отрываются от моих, пока он ведет маму к столу.

— Где мы собираемся начать все сначала? — Спрашиваю я, понимая, что он относится ко мне с подозрением и должна следовать плану мамы, чтобы заставить его думать, что мы на его стороне.

— У нас забронированы билеты через пару дней. У меня есть самый невероятный дом, который ждет нас. Это рядом с несколькими фантастическими университетами, вам там понравится.

— Где это? — Спрашиваю я, мое сердце бешено колотится.

Если он вытащит нас из страны, нам крышка по-королевски.

— Тебе не нужно беспокоиться об этом прямо сейчас. Садись, ешь. Вы обе, должно быть, умираете с голоду.

Да, благодаря тебе.

Джонас выдвигает мамин стул и, как только она садится, начинает наполнять ее тарелку.

Я не совсем в восторге, несмотря на то, как громко урчит мой желудок, и только когда он, наконец, садится и начинает есть, я следую его примеру, полагая, что он не собирается отравлять нас после того, как все это устроил.

— Этот дом выглядит чудесно, — говорит мама.

— Я подготавливал его несколько недель, — признается он, поднося ко рту свой первый тако. — Я так скучал по дому. Я так сильно скучал по вам обеим, — говорит он, беря маму за руку и крепко сжимая ее. — Это все, о чем я был в состоянии думать. Мы снова вместе.

— Мы тоже скучали по тебе, дорогой, — мурлычет мама, как хорошая маленькая жена.

От ее поступка у меня сводит живот, и я не могу не задаться вопросом, есть ли веская причина, по которой она так хороша в этом.

Она снова и снова говорила мне, что любила его всем сердцем, и я верю ей, но я не могу не задаться вопросом, есть ли в их отношениях нечто большее, возможно, больше, чем она

даже осознает.

Он смотрит на нее с голодом в глазах, и хотя идея, которая приходит мне в голову, вызывает у меня отвращение, она дает мне единственную надежду, которая у меня была за последние дни.

Если бы она могла отвлечь его, использовать ту слабость, которую он испытывает к ней, против него самого, это могло бы дать нам шанс, в котором мы нуждаемся, чтобы найти помощь, одержать верх, сбежать.

— Так приятно снова видеть эту улыбку на твоём лице, мам, — добавляю я, подыгрывая шараде.

Глаза Джонаса загораются.

— Я всегда знал, что мы снова будем вместе. — Он широко улыбается ей, пока я заставляю себя есть. Я умираю с голоду, но я также беспокоюсь, что в ту секунду, когда это попадет в мой желудок, оно немедленно вернется обратно.

— Я так сожалею обо всем, через что тебе пришлось пройти, пока меня не было, — говорит он почти искренне. — Но все будет хорошо. У нас есть все, что нам может понадобиться. И куда мы направляемся... они никогда нас не найдут.

Вокруг моего сердца медленно образуется лед. Мы не можем позволить ему выполнить этот план. Мы не можем оказаться неизвестно где. Они не только никогда не найдут нас, но и мы никогда не сможем выбраться.

— Все спланировано, — говорит он, отодвигая свой стул и выходя в холл.

Мои глаза встречаются с мамиными, и я сразу вижу, что она на той же волне, что и я.

— Позволь мне помочь нам, — произносит она одними губами, пока Джонас роется в чем-то прямо за дверью.

Осматривая комнату, я ищу на расстоянии вытянутой руки что-нибудь, что я мог бы использовать.

Его желание подражать нашему дому оказало мне некоторую услугу. На прилавке стоит тяжелая ваза, которая, я уверена, нанесет некоторый урон, хотя я не могу спрятать ее под рубашкой. Но на кухонном столе лежит подставка для ножей.

Решив, что рискнуть стоит, я вскакиваю со стула и вытаскиваю самый маленький из них.

Ее глаза с беспокойством наблюдают за мной, пока мое сердце колотится в груди, а пальцы сжимаются вокруг холодного металла оружия.

— Ах, вот. — Глубокий голос Джонаса гремит в воздухе, когда он находит то, что ищет, и моя задница ударяется о стул, как только он возвращается внутрь. — Поехали, — говорит он, бросая на стол три паспорта. — Все, что нам нужно для чистого побега.

Желчь обжигает мое горло, когда я прячу нож в рукав.

— Это что, новенькие? — Невинно спрашивает мама.

— Конечно. Новые. Подделка. Никто не узнает, что мы ускользнули из страны, пока не станет слишком поздно.

— Ты действительно все продумал, — бормочет мама.

Он сияет от ее похвалы, как маленький ребенок, и я не могу не покачать головой, от отвращения к этому оскорбительному, жестокому мужчине становится трудно дышать.

— Я так рада, что ты вернулся. — Мама улыбается ему так, словно он повесил луну, и, клянусь, его грудь раздувается от счастья.

Насколько, блядь, заблуждается этот больной придурок?

— Нам нужна фотография, — заявляет он.

— Фотография? — выпаливаю я.

— Да. Это новое начало для нас, для нашей семьи. Это важно.

— Конечно, дорогой. Все, что ты захочешь, — говорит мама, и от сладости в ее голосе у меня сводит зубы. Как он не замечает, что это подделка?

«Потому что он привык к этому», — говорит тихий голос в глубине моего сознания. Ты просто никогда раньше не замечала, наивная сучка.

Я глубоко вздыхаю, ненавидя себя за то, что не увидела большего в прошлом. Я была довольна тем, что они оба были счастливы, что все было так, как должно быть. Но я начинаю понимать, что это было далеко от истины. Он промыл ей мозги, контролировал ее, превратил в свою маленькую комнатную собачку. Я просто надеюсь, что она не попадет прямоком обратно в его ловушку, потому что мне действительно не хотелось бы выходить из этого без нее.

— Тогда давай, — говорит Джонас, вытаскивая телефон из кармана и разблокировав его. Я замечаю, что он использовал тот же пароль, что и раньше. — Джоди, подойди сюда, — призывает он.

Надежно спрятав нож в рукаве, я делаю, как мне сказали, надеясь, что этот фарс скоро закончится. Последнее место в мире, где я, возможно, хотела бы быть, это запертой в этом холодном и сыром подвале, но я начинаю думать, что это на самом деле предпочтительнее этого.

Если бы я не думала, что есть шанс одержать верх или, по крайней мере, план побега, когда мне наконец разрешат подняться сюда, тогда я бы снова заперлась там, внизу.

Над нами раздается громкий скрип, когда Джонас наклоняется и делает фотографию за фотографией нас. Я вздрагиваю каждый раз, когда закрывается затвор, потому что выгляжу ужасно. Порезы и синяки от его жестоких ударов более чем очевидны на каждом изображении. Меня тошнит от мысли, что они были вызваны моим отцом. Тот, кто призван защищать меня от всего остального.

Похоже, это все, что он пытался делать всю мою жизнь. Защищал меня.

Неужели он решил, что теперь, когда я знаю правду, все ставки сняты? Теперь он может относиться ко мне так же плохо, как и ко всем остальным в его жизни?

Это из-за того, что он потерял Марию и Тоби в качестве своих боксерских груш, так что теперь он собирается обратить это на нас вместо этого?

Очередной громкий скрип заставляет меня поднять глаза к потолку, о котором идет речь.

— О, это просто мой приятель. Он помогал мне.

— Кто он? — спрашиваю я, отрываясь от нашей группы и пятясь к двери.

— Тебе не о ком беспокоиться. Ну, если только ты не перейдешь ему дорогу, — мрачно предупреждает он.

— Это было так прекрасно, Джонас. Спасибо тебе, — говорит мама, поднимаясь на ноги и проводя руками по его груди. Накидывая их ему на плечи, она смотрит на меня. — Иди.

— Ничего, если я воспользуюсь ванной? — спрашиваю я, не желая рисковать и убежать от него.

— Конечно, милая. Но не пытайся сбежать. Все двери и окна надежно заперты.

— Мне просто нужно пописать, *Пана*, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы.

Он оглядывается на меня и удовлетворенно улыбается.

К счастью, мама быстро отвлекает его, и я могу выбежать из комнаты.

— Я так сильно скучала по тебе, дорогой. — Меня тошнит, когда до меня доносится мамино мурлыканье.

— Я засыпал каждую ночь, мечтая, чтобы ты была рядом со мной.

Я не утруждаю себя тем, чтобы идти к дверям. Возможно, он патологический лжец, но я почти уверена, что это была правда. Он вложил в это слишком много труда, чтобы одна из нас могла просто выйти на свободу. И в любом случае, если бы дверь была широко открыта прямо сейчас, я бы никогда не оставила маму с ним. Когда мы выберемся из этого места, мы выберемся вместе.

Мой взгляд устремляется к входной двери. Свет, проникающий сквозь стеклянные панели, зовет меня, но когда я, наконец, двигаюсь, это в том направлении, в котором я сказал ему, что иду.

Мое тело болит, а мышцы напрягаются, когда я поднимаюсь по лестнице. Дни, проведенные без еды, сделали меня слабее, чем, я думаю, я когда-либо чувствовала себя раньше.

Каждый шаг требует колоссальных усилий, но я знаю, что мне нужно это сделать.

Я осматриваю коридор, когда наконец поднимаю свои тяжелые конечности вверх, пытаюсь понять, где мне следует попробовать в первую очередь.

Здесь кто-то есть, и, если он поймает меня за чем-то другим, кроме как сходить пописать, мне крышка — и я уверена, что ни малейшего шанса вернуться к чему-то столь «нормальному», как ужин с моими родителями, больше не повторится.

Мне нужно это учесть, и мне нужно положиться на то, что мама сможет отвлечь Джонаса.

Дрожь отвращения пробегает по мне, когда я думаю о том, до каких новых минимумов ей, возможно, придется опуститься, чтобы дать мне этот шанс.

Наконец, я решаю отправиться в ванную, как и обещала. Если начнется какое-то дерьмо, то мне не нужно все время рваться сходить в туалет.

Я захожу в маленькую комнату и закрываю за собой дверь. Впервые с тех пор, как я здесь, у меня есть такая привилегия, и это пьянящее чувство — знать, что никто не смотрит на меня, когда я опускаю свою задницу в унитаз.

Сделав то, что мне нужно, я быстро роюсь в шкафах в надежде найти еще оружие, но, к сожалению, в каждом пусто, если не считать нового рулона туалетной бумаги, и я действительно не думаю, что это сильно поможет.

— Черт, — шиплю я, когда пытаюсь открыть окно и обнаруживаю, что оно так же плотно закрыто, как и то, что в подвале.

Украдкой переводя дыхание, я готовлюсь выскользнуть из ванной и обыскать все остальные комнаты, которые здесь есть.

В ту секунду, когда я переступаю порог коридора, тишину пререзает громкий, противный храп.

Улыбка подергивается на моих губах, когда я иду на громкий шум в сторону комнаты в конце коридора.

Дверь приоткрыта, но в комнате внутри темно, как и внизу, несмотря на очевидный дневной свет, проникающий через входную дверь.

У меня перехватывает дыхание, когда я нахожу мужчину-зверя, лежащего на кровати в

одних джинсах, с волосатым животом, свисающим с пояса.

Моя верхняя губа скривилась от запаха застарелого стариковского пота и еще чего-то отвратительного, что я даже не хочу пытаться идентифицировать, когда я пробираюсь глубже в комнату в поисках чего-нибудь полезного.

Только когда я стою прямо за ним, я понимаю, чего именно я хочу.

Его телефон торчит из верхнего кармана.

— Черт, — одними губами произношу я, сжимая кулаки, чтобы унять дрожь в руках.

Если этот парень чутко спит, то я в полной заднице. Но если это не так, если я смогу вытащить это так, чтобы он не понял, то это наш выход.

Выпуская нож из рукава, я обхватываю его пальцами и крепко держу над горлом парня.

Здесь буквально на кону наши жизни. Если Джонас поймает меня за этим, то... черт возьми, я даже не хочу думать о том, какими будут последствия.

Я на мгновение зажмуриваю глаза и направляю своего внутреннего бойца.

Я должна верить, что Тоби сражается за меня, и мне нужно делать то же самое.

Если все пойдет плохо, и я разбужу его... что ж, я должна защитить себя. И мне просто нужно будет найти способ жить с этим позже.

Выдыхая, я выбрасываю все мысли из головы и веду обратный отсчет.

Три.

Два.

Один.

21

ТОБИ

Я сижу на краю своего дивана, обхватив голову руками.

Обеспокоенный взгляд Бри прожигает мне макушку, но у меня больше нет слов утешения.

Прошло пять дней.

Пять гребаных дней, а мы все еще не стали, ни на шаг ближе.

Наши крысы, возможно, и проболтались о том, кто помогает Джонасу, но это ни хрена не помогло, потому что мы тоже не можем его найти.

Ублюдок, должно быть, планировал это все время, пока был там, внизу. И вот мы были здесь, думая, что он был слишком слаб, чтобы что-либо сделать.

Я думал, что раньше чувствовал, как ненависть сжигает меня изнутри, но то, что я чувствую сейчас, не имеет ничего общего с тем, что он делал в прошлом.

Причинить боль маме — это одно, то, за что он заслуживал мучительной смерти. Но забирать у меня мою девушку? Это что-то совсем другое, и если он причинил ей боль...

Черт.

Я собираюсь уничтожить его к чертовой матери.

Потребность в насилии, вскипает в моей крови до тех пор, пока я не начинаю сомневаться, что смогу и дальше это сдерживать.

Все мое тело дрожит от сдерживаемой ярости, ярости из-за того, что борьба с Нико сейчас едва снимает напряжение.

Ничто, кроме как воткнуть гребаный клинок в сердце этой пизды и вывернуть его, пока я смотрю, как он умирает у моих ног, не уменьшит этого.

Мне нужно, чтобы он умер раньше меня, и чтобы моя девочка была в моих объятиях, и тогда я, возможно, смогу что-то разглядеть сквозь опустившуюся красную дымку.

Все остальные либо на поисках, либо в школе. Стелла и Эмми изо всех сил стараются соблюдать приличия, в то время как Деймон возглавляет поиски вместе со Стефаносом, а ребята мечутся между работой и учебой.

Дэмиен хотел, чтобы я пошел, сидел в гребаном классе и притворялся, что в мире все в порядке. Но к черту это. Как это вообще возможно, когда мой гребаный мир отняли у меня?

Я понимаю его беспокойство, что Джонас может наблюдать и что нам нужно выглядеть так, будто мы не собираемся поднимать шум, чтобы найти его, но я не могу... Я просто не могу.

— Давай снова сходим в дом, — предлагает Бри.

Она единственная, кто остался рядом со мной в этой агонии. Я знаю, что другие здесь ради меня — я знаю, что они не бросили меня и что они делают то, что от них требуется. Но Бри даже не выходит за пределы моей квартиры, если только она не рядом со мной. Я ценю это больше, чем она могла себе представить. Но в равной степени я ненавижу смотреть в ее испуганные глаза по нескольку раз в день.

Я понятия не имею, какие оправдания она придумала, чтобы уйти из своей жизни, но ее поддержка ни разу не дрогнула.

— Мы были там каждый день на этой неделе, — выдавливаю я, не отрывая взгляда от своих ног.

— Я знаю, но... В этом есть ключ. Я знаю, что есть. Именно туда она отправилась в последний раз. Он забрал ее оттуда. Должна быть зацепка.

За последние четыре дня мы перевернули их дом вверх дном в поисках этого волшебного доказательства, которое, по убеждению Бри, находится прямо у нас под носом. Но мы ничего не нашли. Ни гребаного клочка чего-либо, кроме последнего места, где зарегистрировался ее телефонный трекер, прежде чем она отключилась от сети.

Наконец, я поднимаю голову, хотя я совершенно не готов еще раз взглянуть ей в глаза. Но прежде чем я вынужден это сделать, у меня звонит телефон.

Я спешу вытащить его из кармана, когда мое сердце подскакивает к горлу.

Пожалуйста, пожалуйста, я молча умоляю.

Просто дай нам подсказку, детка.

Когда я вытягиваю его перед собой, мои глаза, черт возьми, чуть не вылезают из орбит.

— Черт, — выдыхаю я, моя рука сильно дрожит. — Это она.

Бри налетает на кофейный столик из-за своей потребности видеть и приземляется рядом со мной, когда я открываю сообщение.

Джоди:

— Там ничего нет, — кричит Бри, видя то же разочарование, что и я. — Но у нее есть сигнал. Проверь ее трекер.

— Дерьмо.

Ожидание загрузки приложения — самые мучительные несколько секунд за всю мою жизнь. Но к чему я не могу подготовиться, так это к тому, как быстро мой желудок падает, когда он, наконец, загружается, и я вижу, где она.

— Ублюдох, — рявкаю я, вскакивая на ноги.

Мы обыскали мой старый дом почти так же тщательно, как и дом Джоди, но не было никаких признаков того, что там кто-то был с того дня, как Нико нашел меня на крыше.

Я оказываюсь у входной двери в ботинках еще до того, как мой мозг регистрирует движение.

— Подожди, — зовет Бри откуда-то из-за моей спины. — Ты не пойдешь один.

— Я не поведу тебя туда, — рычу я.

— Где это «там»?

Мой телефон снова звонит, и мой желудок сжимается.

Джоди: Он хочет, чтобы ты пришел один.

Мои зубы скрипят, когда я представляю, где именно она будет.

Но мне насрать. Если он хочет меня, то пусть, черт возьми, получает меня — при условии, что он отпустит ее на свободу.

— Черт, — заявляю я, открывая дверь, готовый следовать приказам этого ублюдка. То, что я пообещал себе, что никогда больше не сделаю. Но я никогда не ожидал этого. Я никогда не думал, что мне придется спасти ее от ее собственного гребаного отца.

— Просто оставайся здесь, — предупреждаю я ее. — И, если мы не вернемся, тогда ты знаешь, где мы.

— Нет, Тоби. Я не позволю тебе сделать это. Зови остальных. Возьми кого-нибудь.

Я ухожу, оставляя ее кричащей позади меня.

Не оглядываясь, я спускаюсь по лестнице так быстро, как только могу, зная, что она последует за мной, если я не буду достаточно быстр.

Я не помню, как ехал через весь город. Этим маршрутом я пользуюсь снова и снова, но не из-за привычки виды за окнами проходят мимо меня. Меня ослепляет чистый страх перед тем, что я собираюсь обнаружить.

Ее не было рядом все это время. Мы обыскали весь дом сверху донизу, так что я знаю, что он не водил ее туда.

Но они вернулись. Почему?

Почему он рискует перевозить ее повсюду? Давать ей возможность протянуть руку помощи?

Мой желудок сжимается от страха, что это сообщение было не от нее.

С таким же успехом это мог быть он, втягивающий меня во что-то.

Мои ладони потеют на руле, от моей хватки руки сводит судорогой, когда в поле зрения появляется дом.

Страх тяжелым грузом ложится у меня в животе, но возможность того, что она завладела своим телефоном, что это она на другом конце провода, поддерживает меня.

Как раз перед тем, как я с визгом останавливаю машину перед входной дверью, начинает звонить мой телефон, и на экране высвечивается имя Нико.

Игнорируя его, я хватаю ключи и ухожу, оставляя свою машину включенной, а звонок Нико раздастся через Bluetooth.

Я пропускаю входную дверь, предпочитая обойти здание с тыльной стороны.

У входа припаркованы машины, но в последние несколько раз, когда я был здесь, было то же самое. Оставленные и брошенные, пока их владелец гнил в аду — или, по крайней мере, я так думал.

Мое сердце колотится о ребра, когда я останавливаюсь у задней двери и нажимаю на ручку вниз.

Она заперта. Но я не уверен, хорошо это или нет.

Я вставляю ключ в замок, ругаясь, когда он прорезает тишину вокруг меня, прежде чем

открыть дверь.

Все тихо, спокойно, когда я прохожу через подсобное помещение на кухню. Все на своих местах, и я быстро понимаю, что это ловушка, как я и опасался по дороге сюда, но был достаточно глуп, чтобы проигнорировать на случай, если я ошибался.

Я делаю еще два неуверенных шага в сторону коридора, просто чтобы убедить себя, что здесь ничего или никого нет, прежде чем я смогу убежать и выяснить, что происходит, от чего я отвлекаюсь, но в ту секунду, когда до моих ушей доходит голос, все меняется.

— Тоби, — зовет она.

Слышать ее после того ада, через который я прошел на этой неделе, — все равно что получить битой в грудь, и весь воздух вырывается из моих легких, когда я мчусь вперед, забывая о любых последствиях.

— Джоди? — зову я. — Где ты, детка?

— Тоби, — она снова плачет, но на этот раз тише, и я оборачиваюсь, мое сердце уходит в пятки, когда мой взгляд останавливается на двери в подвал.

— Нет, — выдыхаю я.

Я не спускался туда, когда мы обыскивали это место — Нико сделал это за меня, чтобы избавить меня от боли. Но на этот раз от этого никуда не деться.

Проглатывая свой страх, я открываю дверь и оказываюсь лицом к лицу с темнотой.

Моя рука тянется туда, где, как я знаю, находится выключатель, но, несмотря на то, что я включаю его, ничего не происходит.

— Тоби. — На этот раз ее голос звучит громче, в нем больше боли, и я совсем забываю о возможности видеть, когда лечу вниз по лестнице, мышечная память от того, сколько раз я спускался по ним, берет верх, пока я вожусь с телефоном, чтобы включить фонарик.

Я почти на дне, прежде чем маленький огонек, наконец, осветляет пространство.

Я задыхаюсь, когда экраны внезапно освещаются вокруг меня, и я кричу, как чертова девчонка, когда дверь наверху лестницы захлопывается с леденящим душу грохотом.

— НЕТ, — кричу я, паника поднимается во мне, когда учащается сердцебиение.

Я оглядываюсь вокруг, мои глаза с трудом фокусируются, когда я смотрю на видеозапись Джоди, сидящей за столом в столовой в ее доме с Джоанной и Джоанасом.

— Нет, детка. — Я бросаюсь вперед, сосредотачиваясь на ней, а не на своей ситуации, рассматривая порезы и синяки на ее лице.

Он причинил ей боль. Он, блядь, поднял на нее руку.

Рыдание вырывается из моего горла, когда я вынужден продолжать смотреть, как они там играют в счастливую семью, хотя взгляд Джоди какой угодно, только не счастливый.

Я вздрагиваю, когда ее голос доносится откуда-то позади меня. — Тоби найдет меня, и они убьют тебя.

— Этому жалкому куску дерьма наплевать на тебя, милая. Он только хочет причинить мне боль. Я единственный, кто любит тебя.

Мой желудок переворачивается, и я не в силах ничего сделать, кроме как выbleвать содержимое, которое немногим больше, чем виски со вчерашнего вечера.

— Нет, — возражает она. — Это неправда.

— Он использует тебя, Джоди. Как только он получит то, что хочет, он бросит тебя так же быстро, как нашел.

— Нет, — кричу я. — Нет.

Оживает другой экран, и я нахожу изображение Джоди и Джоанны, свернувшихся

калачиком в том, что, как я могу только предположить, является темным подвалом.

— Джоди, — плачу я. — Черт. ЧЕРТ.

Я прислоняюсь спиной к стене, совершенно бесполезный.

Моя грудь вздымается, когда я смотрю на экраны, на которых повторяются одни и те же видеоклипы, когда из динамика доносится ее умоляющий голос, за которым быстро следует он, пытающийся убедить Джоди, что мне на нее наплевать. Что она для меня всего лишь игра. Способ причинить ему боль.

Сползая по стене, моя задница ударяется об пол, и я опускаю голову на руки, когда раскаленные слезы обжигают мои глаза.

Я подвел ее. Я знаю, что из этого подвала не выбраться. Я пытался достаточно гребаных раз. Я также знаю, что он установил здесь блокиратор сигналов, так что я могу молиться о чуде сколько угодно, но это чертовски бессмысленно.

Никто никогда не спасал меня здесь, внизу. Никто не спасет меня сейчас.

22

ДЖОДИ

Я не верю, что сделала это, пока не прислоняюсь спиной к закрытой двери ванной с его разблокированным телефоном в руке.

Волнение и страх борются во мне.

Возможно, я на шаг ближе к тому, чтобы выбраться отсюда, но мне еще предстоит пройти этот путь.

Снизу доносится крик, от которого у меня леденеет кровь, когда я мчусь за помощью.

Они смогут отследить этот номер, и они смогут найти нас.

Я едва в состоянии запомнить цифры, у меня так сильно трясутся руки. Но я зашла так далеко. Мне нужно довести это до конца. Мне нужна помощь, прежде чем планы этого больного ублюдка осуществляются.

Я набираю номер Тоби и подношу телефон к уху.

Но ничего не происходит. Это не работает. Это даже не попадает на голосовую почту.

Меня пронзает шок, когда я вспоминаю слова Джонаса из того дня, когда я пришла в мамин дом и обнаружила, что он ждет меня.

«Он использует тебя, Джоди. Как только он получит то, что хочет, он бросит тебя так же быстро, как нашел».

Нет. Я отказываюсь в это верить.

Он где-то там, ищет меня. Он. Они все такие.

Набирая другой номер, который я помню, даже не задумываясь об этом, я надеюсь и чертовски молюсь, чтобы этот номер соединился и чтобы она смогла получить помощь.

— Джоди? — В трубке раздается испуганный голос Бри.

— Это я.

— Срань господня, Джо-Джо. Где ты? Что происходит? Что—

— Заткнись нахуй, Бри, и послушай меня. Тебе нужно попросить одного из парней отследить этот номер. Это приведет тебя ко мне.

— Боже мой, ладно. Я с Нико. Он звонит Тео.

— Где Тоби?

— Э-э...

— Брианна, с ним все в порядке?

Я не успеваю услышать ее ответ, потому что снизу раздается еще один громкий крик, прежде чем шаги начинают приближаться ко мне.

— О, черт. Не вешай трубку, — требую я, прежде чем засовываю телефон в бюстгальтер и спешу к раковине, чтобы вымыть руки.

— Джоди? — Джонас гремит, заставляя мое сердце подпрыгивать к горлу.

Мои руки дрожат, когда я пытаюсь стереть следы того, что я сделала, но, боюсь, секунд через тридцать будет слишком поздно.

Его шаги становятся громче, но я едва слышу их за шумом крови в ушах.

Дверь с грохотом ударяется о стену, и я визжу от испуга, несмотря на то, что знала, что это произойдет.

— Что ты сделала? — кричит он, бросаясь ко мне и хватая меня за волосы.

— Отвали от меня. — Я тянусь за ножом, который все еще у меня в заднем кармане. Боль обжигает мою шею, когда он тащит меня вперед и выводит из ванной.

Свидетельство того, что я сделала не так давно, более чем очевидно на кремовом ковре, которым устлан коридор.

К счастью, он не замечает, что я вооружена — ну, пока не становится слишком поздно, и я вонзаю нож ему в бок.

Он рычит от боли, оборачиваясь, чтобы посмотреть, что я сделала в нескольких шагах от лестницы.

— Ты глупая, безмозглая сука.

Боль в моей голове усиливается до такой степени, что я думаю, он просто вырвал мои волосы начисто, прежде чем я скатилась с лестницы.

— Джоди, — кричит мама в ужасе, прежде чем моя голова, наконец, сталкивается со стеной у подножия лестницы с тошнотворным треском, прежде чем все погружается во тьму.

Первое, что возвращается ко мне, — это мое обоняние, и от этого у меня сводит живот.

— Пожалуйста, Джонас. Пожалуйста, не делай этого, — умоляет мама, страх в ее голосе вызывает дрожь у меня по спине.

Тьма угрожает снова затянуть меня обратно, но я борюсь с ней. Я борюсь с этим так чертовски усердно.

В воздухе раздается громкий шлепок, прежде чем мама начинает хныкать.

Мой желудок сводит судорогой, и я наклоняюсь в сторону, меня рвет на пол.

— О, хорошо. Джоди тоже проснулась, чтобы поиграть.

Его голос мрачен и смертоносен, и образ его за секунду до того, как я потеряла сознание, возвращается ко мне.

— Ты болен, — выплевываю я, открывая глаза и впиваясь взглядом прямо в него.

— Я? Нет, милая. Это ты трахалась с моим сыном.

— Он не твой сын. Он хороший человек. Ты монстр.

— Так вот почему он солгал тебе? Разыграл тебя? Использовал и оскорблял тебя?

— Он сделал это из-за тебя. Из-за всех лет жестокого обращения ты заставил его страдать. Он любит меня. И он придет, чтобы спасти меня.

— Из-за этого? — Он мрачно смеется, поднимая окровавленный телефон.

Я ахаю, осознав, что он нашел это у меня в лифчике за секунду до того, как запустил им в стену. Я вздрагиваю, когда она разбивается вдребезги. Я просто молю, чтобы Бри и Нико

смогли получить то, что им нужно.

Я понятия не имею, как долго я была в отключке. Это могли быть минуты, а могли и часы. И если это было последнее, почему их здесь нет?

Он не прав. Он не такой. Тоби приближается. Они доберутся до нас.

— Просто позволь нам уйти. Ты можешь бежать. Еще не слишком поздно, — говорю я, меняя тактику.

— Я не уйду ни без кого из вас, — холодно заявляет он.

— Если ты останешься, они убьют тебя.

Его мрачный смешок превращает мою кровь в лед, и в момент ясности мой желудок опускается на дно, когда я, наконец, понимаю, что это за запах.

— Нет, — выдыхаю я. — Нет, ты не можешь этого сделать.

Уголки его рта приподнимаются в зловещей усмешке.

— О, но я могу. Ты помешала мне уехать со своей семьей, а я гарантирую, что мы будем вместе навсегда.

Срань господня.

Если мне когда-либо и нужны были доказательства того, что все, что Тоби когда-либо рассказывал мне о моем отце, было правдой, то вот они в виде этого гребаного бредящего сумасшедшего, который собирается отправить нас всех на тот свет.

Мамины опухшие глаза ловят мой взгляд, и я ненавижу то, что вижу смирение в их глубине.

Слезы текут по ее щекам, смывая засохшую кровь и грязь. У меня болит грудь из-за того, через что она могла пройти, пока я была наверху, а потом без сознания.

«Прости», произносит она одними губами, отчего комок у меня в горле становится еще больше.

Отводя глаза, когда она начинает всхлипывать, я оглядываю комнату, замечая отличия от той, в которой мы ели.

— М-мы дома?

— Дом — это не место, Джоди. Дом там, где те, кого ты любишь, — говорит мне Джонас, как будто он действительно, блядь, верит, что быть где-то рядом с ним — это гребаное благословение.

— Ты должен остановить это.

— Правда? — спрашивает он, насмехаясь надо мной, вытаскивая зажигалку из кармана и щелкая ею между пальцами.

— Пожалуйста, Джонас. Не делай этого, — рыдает мама. — Это твоя маленькая девочка. Возьми меня. Делай со мной, что хочешь, но отпусти ее. У нее впереди целая жизнь.

— С ним? — выплевывает он.

— Ты уже говорил мне, что я ему не нужна, — выдавливаю я, мое сердце не верит ни единому слову из этого, несмотря на то, что его звонок не соединился. Конечно, он обеспокоен. Конечно, он ищет меня. — Так в чем же вред?

— Но дело не только в нем, не так ли? Со всеми ними ты почувствовала себя как дома. С ней.

— Стелла? — спрашиваю я, чувствуя себя отчаянной защитницей после того, что он с ней сделал.

Он издевается, просто услышав ее имя.

— Она пугает тебя, не так ли?

— Она ничто. Никчемный кусок дерьма, такой же, как ее брат. Мне следовало придушить их обоих в тот момент, когда они родились.

Мамин испуганный вздох разрывает воздух.

— Ты так думал о нас? Потому что в наших жилах текло недостаточно греческой крови? Именно поэтому ты отправил Джо на бойню, убедив его присоединиться к этой банде? Так вот почему ты никогда не хотел заявить на меня права? Потому что тебе стыдно?

Я понятия не имею, что, блядь, я несу. Все, что я знаю, это то, что я должна заставить его говорить. Бри исправит это. Нико, Тео, Тоби, Стелла. Все они прямо сейчас находятся где-то там. Мне просто нужно отвлечь его, потому что в ту секунду, когда он щелкнет зажигалкой, мы все, блядь, покойники.

23

ТОБИ

Мольбы Джоди и злобные реплики Джонаса о том, что я ее не люблю, не прекращают насмехаться надо мной, когда я сижу, прислонившись спиной к стене, обхватив ноги руками.

Она дома. У себя дома, блядь, и за хорошей семейной трапезой. Как мы могли их упустить? Мы обыскали каждый дюйм этого проклятого дома. Где они, блядь, находятся?

Конечно, он не рискует перевозить их туда и обратно. Любой мог увидеть это и предупредить нас об этом. Бри поговорила со многими соседями, и они знают, что мы их ищем.

Он не может просто передвигаться, как призрак, которым он должен быть, не тогда, когда с ним двое пленников.

Громкий хлопок наверху сотрясает стену, к которой я прислоняюсь, и тихий, жалкий всхлип срывается с моих губ.

Я ненавижу, что у него есть власть довести меня до состояния ужаса, когда мы даже не знаем, где он, блядь, находится.

Все мое тело дрожит, желудок сводит от страха, что через несколько секунд мне, возможно, придется наблюдать, как он спускается по лестнице.

Сейчас все по-другому. Ты можешь победить его, говорит мне рациональный голос. И все же, несмотря на то, что я знаю, что это правда, это не помогает. Страх перед этим местом пересиливает все.

Раздается еще один громкий, наводящий ужас хлопок, прежде чем дверь в подвал распаивается.

Вскакивая на ноги, я отступаю в самый темный угол в надежде либо спрятаться, либо получить возможность напасть на него, когда он спустится, понятия не имею.

— Тоби. — Голос Джоди раздается снова, прежде чем шаги приближаются.

— Тобс? Что, черт возьми, происходит?

Нико.

Это Нико.

Облегчение переполняет меня, когда я выбегаю из тени.

— Она в—

— Доме, — заканчивает он за меня.

— Откуда ты это знаешь? — Спрашиваю я через плечо, взбегая по лестнице, страх,

который всего несколько секунд назад поглощал каждый дюйм меня, покидает меня.

— Она позвонила Бри. Тео отследил номер, — заявляет он позади меня, но в его тоне есть что-то, что мне действительно не нравится.

— С ней все в порядке?

В ответ на этот вопрос только молчание.

Развернувшись, я врезаюсь прямо в его тело.

— Скажи мне, что, черт возьми, происходит, — требую я.

— На это, блядь, нет времени. Тащи свою задницу в гребаную машину. Мы нужны твоей девушке. — Его пальцы обвиваются вокруг моих предплечий, и он, черт возьми, почти тащит меня из дома, в то время как мое сердце бешено колотится в груди.

Мои ноги начинают жить своей собственной жизнью, когда я замечаю машину Нико перед домом с Бри, сидящей на пассажирском сиденье. Разозлившись из-за того, что она явно последовала за мной, когда я сказал ей этого не делать, я даже не замечаю, как забираюсь на заднее сиденье.

— Что происходит? С ней все в порядке?

Бри оглядывается по сторонам. Ее глаза встречаются с моими, и выражение ее лица говорит само за себя.

— Она сражается, чувак. Она так упорно борется за то, чтобы вернуться к тебе, — говорит Нико, сворачивая с подъездной дорожки и мчась по улице.

— Это не заставляет меня чувствовать себя намного лучше. Расскажи мне все, что произошло.

— Парень, которого мы не можем найти, с ними. Она украла его телефон, позвонила Бри, чтобы заставить нас отследить номер. Джонас, должно быть, пронюхал о том, что что-то происходит, потому что он пришел и вытащил ее из ванной, где она пряталась.

— Черт, — выдыхаю я, раскаленная ярость наполняет мои вены.

— Мы почти уверены, что он сбросил ее с лестницы.

— Иисус, блядь, Христос, — взрываюсь я. — Она его гребаная дочь. Веди нас туда сейчас, Ник. Давай, блядь, быстрее.

— Остальные там, — говорит он, протягивая мне свой телефон, чтобы я мог видеть их точки отслеживания.

— Какого хрена они все еще снаружи?

Нико и Бри обмениваются взглядом.

— Они подслушивают. Он выдернул чертову газовую трубу и угрожает взорвать их.

— Нет, — выдыхаю я, весь воздух вырывается из моих легких из-за серьезности всей этой ситуации. — Он бы не стал. Он слишком сильно их любит.

— Он сбросил Джоди с чертовой лестницы, Тоби, — говорит Бри, хотя в этом нет никакой необходимости. Я видел ее. Сидит за этим столом с порезами и синяками, покрывающими ее лицо.

— Я знаю, — бормочу я. — Как, черт возьми, мы собираемся вытащить их оттуда?

— У босса есть план, — говорит Нико, чуть не опрокидывая свою машину, когда он слишком быстро поворачивает.

— Лучше бы он был чертовски хорош, — бормочу я, держась за спинку пассажирского сиденья, как будто от этого зависит моя жизнь — что, черт возьми, и происходит с тем, как ведет машину Нико.

— Спасибо, черт возьми, — рываю я в ту секунду, когда Нико начинает замедляться,

чтобы остановиться в конце улицы Джоди. Я не жду, пока он остановится. Вместо этого я выпрыгиваю и начинаю бежать к небольшой толпе темных фигур, прячущихся в тени. Каждый нормальный представитель общности, вероятно, не заметил бы их. Но я чертовски далек от нормы.

— Босс, что происходит? — спрашиваю я, останавливаясь перед Дэмиеном.

Он смотрит на меня, сострадание и смертельная решимость борются в его темных глазах.

— Он угрожает взорвать дом.

— Я, блядь, знаю это. Я хочу знать, что происходит, чтобы остановить его от этого.

— Мы пытаемся напасть на него. Убрать его, пока он не щелкнул этой чертовой зажигалкой.

Меня охватывает ужас. — Это хорошая идея? — Потому что пуля и газ кажутся мне действительно охуенно плохой идеей.

— Мы собираемся вытащить твою девушку, Тоби. Доверьтесь нам.

Дэмиен поднимает руку к уху, где, как я предполагаю, у него есть наушник, прежде чем кивнуть.

— Как только у тебя это получится, убери его. Мы готовы.

— С-с кем ты разговаривал? — спрашиваю я, оглядываясь, чтобы посмотреть, кто здесь.

— Стефанос и Деймон. Все ребята находятся в этих спальнях, ожидая выстрела. — Он дергает подбородком в сторону домов прямо напротив дома Джоди, когда Нико и Брианна подходят, чтобы встать рядом с нами. — У Деймона лучшая точка обзора.

Я оглядываюсь на окна, но не вижу его. Я, блядь, никого не вижу.

Я доверяю своим братьям свою жизнь, и Джоди я тоже доверяю им. Я просто чертовски надеюсь, что этого будет достаточно, потому что, если этот дом взлетит на воздух вместе с ней, тогда я тоже могу просто забежать туда и пойти с ней.

— Вот, — говорит Эван, вручая мне и Нико наушники, чтобы мы могли принять участие в действии.

Я колеблюсь, не уверенный, действительно ли я хочу знать что-либо из этого, но в равной степени осознающий, что собираюсь сделать все возможное, чтобы вытащить ее, заключить в свои объятия и никогда, блядь, не отпускать.

— Все на позициях? — Холодный голос Деймона потрескивает у меня в ухе.

Дэмиен и Эван начинают указывать, и мы разбегаемся, следуя приказам.

Половина обойдет здания с тыльной стороны террас, в то время как остальные направляются к фасаду.

Опускаясь на четвереньки, мы ползем вверх по улице, убедившись, что нас скрывают невысокие стены перед всеми домами, прежде чем мы остановимся и будем ждать сигнала.

Мое сердце колотится так сильно, что это все, что я могу слышать, пока тянутся секунды. С каждой проходящей, я знаю, мы только ближе к тому, что он потеряет терпение и щелкнет зажигалкой. Как бы мне ни хотелось думать, что он не способен убить любовь всей своей жизни и собственную дочь, я знаю, что это так. Только посмотрите, что он сделал с Джокером. Возможно, это было не так лично, но он точно знал, для чего настраивал его, настраивая против нас.

Давай, Деймон, молча умоляю я.

Я почти готов в одиночку ворваться в этот гребаный дом и застать его врасплох, когда в наушнике внезапно раздаётся глубокий голос Деймона.

— Вперед.

Я двигаюсь инстинктивно, когда окно передо мной разбивается.

Я ныряю сквозь него, не обращая ни малейшего внимания на стекло или потенциальный взрыв, который может последовать за этим выстрелом. Я думаю только о Джоди.

Я приземляюсь на осколки стекла, но прежде чем у меня появляется шанс что-либо почувствовать, крики Джоди достигают моих ушей, и я ныряю за ней.

— О Боже мой, — восклицает она, когда я замечаю брошенную зажигалку на полу у ног мужчины, который истекает кровью передо мной.

— Все кончено, Джонас. Ты проиграл.

Движение рядом со мной — это все, что мне нужно, чтобы знать, что Джоанна у моих братьев, и я доверяю своему суждению, когда вылезая из окна, зажигаю зажигалку и бросаю ее обратно в дом.

Теперь, когда окно выбито, я на самом деле не ожидаю от этого ничего, кроме надежды превратить его в пепел, поэтому я чертовски потрясен, когда меня сбивает с ног и нас двоих перебрасывает через улицу.

Несмотря на свободное падение, мне удастся развернуть нас так, что, когда мы сталкиваемся с машиной, я принимаю удар на себя, прижимая тело Джоди к своему.

Я ударяюсь спиной о машину, весь воздух вырывается из моих легких, когда мы рушимся на землю.

— Я люблю тебя, Джоди. Я люблю тебя так чертовски сильно.

24

ДЖОДИ

Я вздрагиваю и просыпаюсь, когда эхо взрыва сотрясает меня, но я не сажусь. Я не могу. На моей талии мертвый груз, удерживающий меня.

Где я, блядь, нахожусь?

— Все в порядке, детка.

Этот голос.

Этот гребаный голос.

— Тоби? — кричу я. Мои глаза распахиваются и тут же наполняются слезами.

Я нахожу его лежащим рядом со мной, опершимся на локоть и смотрящим на меня сверху вниз.

Его лицо покрыто пеплом и засохшей кровью, бровь и губа рассечены, а линию подбородка покрывает нежно выглядящий фиолетовый синяк. Мои брови сводит от его состояния, прежде чем мой взгляд поднимается к его растрепанным волосам, прежде чем остановиться на его темных и затравленных глазах.

— Все кончено, детка. Ты в безопасности. Он умер. Все кончено.

— О Боже мой, — всхлипываю я, мои слезы льются свободно, когда я поднимаю руки, обвиваю их вокруг его шеи и тяну весь его вес на себя.

Это больно, но это ничто по сравнению с тем, через что я прошла в прошлом... как бы долго это ни было.

Он здесь, и он в моих объятиях.

Он пришел за мной. Джонас был неправ.

Он пришел за мной и—

— Я люблю тебя, Джоди. Я бы отдал свою жизнь, чтобы вытащить тебя оттуда, надеюсь, ты это знаешь.

— Тоби, — всхлипываю я, не в силах выдавить из себя слова, которые хочу ему сказать, и крепче прижимаюсь к нему.

Все мое тело дрожит от силы моих рыданий, но я бессильна остановить их.

Тоби сдвигает нас так, что я сижу у него на коленях, уткнувшись лицом в его шею.

Воспоминания о последних нескольких днях. Отчаяние, которое я испытывала от того, что была такой беспомощной. Страх, что Джонас был прав и что он не искал меня где-то там. Все это просто выливается наружу раскаленными, уродливыми слезами.

Я промокаю его рубашку насквозь, но он не жалуется. Он просто держит меня, его сила и комфорт непоколебимы, когда я постепенно начинаю расслабляться.

— Где мама? С ней все в порядке? — Спрашиваю я, мой голос хриплый от эмоций.

— Она в порядке, детка. Она в моей комнате для гостей.

— Мы— Я отрываю лицо от его плеча и несколько раз моргаю, оглядывая его спальню.

— Я привел вас обоих домой, детка. Здесь ты в безопасности, и ты можешь оставаться столько, сколько тебе нужно.

— Н-наш дом?

Тоби морщится, давая мне ответ, который я уже знала.

— Дерьмо.

— Ты и твоя мама в безопасности. Это все, что имеет значение прямо сейчас.

— Все остальные в порядке?

— Да, тебе не о чем беспокоиться.

Я опускаю голову, желая, чтобы это было правдой.

— Я убила кое-кого, — шепчу я, едва способная поверить в то, что я сделала в той спальне, когда толстяк начал просыпаться, когда я вытащила его телефон из кармана.

— Я знаю, Демон. И я так чертовски горжусь тобой.

Мой лоб хмурится. — Н-но—

— Если бы ты этого не сделала, мы, возможно, не добрались бы до вас достаточно быстро.

Я киваю, пытаюсь принять его слова. Надеюсь, что однажды я смогу, но это произойдет не в ближайшее время.

— Он помогал Джонасу, детка. Он был плохим человеком. Он помог организовать все это. Он это заслужил.

Я знаю это. Я все это знаю, но лучше от этого не становится.

— Могу я увидеть ее?

— Конечно.

Укладывая меня на кровать, он слезает и берет меня за руку.

— Ты можешь идти? — спрашивает он, озабоченно приподнимая брови.

Я хочу сказать «нет». Я хочу, чтобы он поднял меня с ног и держал так, как будто никогда не собирается меня отпускать. Но это не то, что слетает с моих губ.

— Да—

— К черту это, — бормочет он, делая именно то, чего я молча жажду, и поднимая меня на руки.

— Тоби, ты тоже ранен, — слегка возражаю я.

— Потребуется нечто большее, чтобы помешать мне заботиться о тебе, детка.

Мое сердце подпрыгивает в груди от его слов.

— Спасибо тебе. Спасибо, что пришел за мной.

— Все, что угодно, Джоди. Я бы прошел сквозь огонь ради тебя, и ты это знаешь.

— Сара, — выдыхаю я, осознание обрушивается на меня. — Как Сара?

— То же самое. Не лучше, не хуже.

— Черт, — шиплю я, искренне надеюсь, что на другом конце меня может ждать что-то хорошее.

— Я отведу тебя к ней, когда ты достаточно окрепнешь.

Я киваю, снова прижимаясь к его теплому телу, пока он несет меня через зал.

— Джоди, — выдыхает мама хриплым голосом.

— Черт, мам, — выдыхаю я, глядя на ее избитое и покрытое синяками лицо.

— Я в порядке, Джо-Джо. Джанна заботилась обо мне как королева. — Я бросаю взгляд на женщину, которой она кивает, которая маячит в углу.

— Привет, милая, — говорит она с такой доброй улыбкой, что у меня снова наворачиваются слезы.

— Джанна — мама Алекса и Деймона, — говорит мне Тоби, укладывая меня на кровать рядом с мамой.

Я немедленно падаю в ее распростертые объятия, и эмоции, которые я пытаюсь сдерживать, прорываются снова.

— Давай, Тоби. Пойдем приготовим им завтрак и уделим им несколько минут.

Я смутно осознаю, что они оба уходят и дверь закрывается, но я слишком погружена в свой кризис, чтобы по-настоящему осознать это.

— Мне так жаль, — выдавливаю я сквозь рыдания. — Мне так жаль, что я не сказала тебе. Мне жаль, что тебе пришлось пройти через... это, — говорю я, на самом деле не зная, что ей пришлось вынести, чтобы занять его, отвлечь, пока я сбегала наверх.

— Я бы сделала для тебя все, милая. — Она берет мое лицо в свои дрожащие руки и вытирает мои слезы большими пальцами.

Ее глаза опухли и покрыты синяками, а на губе виден порез, выглядящий воспаленным. Но ее вымыли, а порез на руке перевязали.

— Все, что угодно, — повторяет она. — И я знала, что он придет за тобой. Этот мальчик любит тебя чем-то яростным. Нам просто нужно было выждать время и найти способ сообщить им, где мы находимся.

Я киваю.

— Ты так хорошо справилась, детка. Ты спасла нас.

— Я— Я колеблюсь. — Они спасли нас.

— Считай это коллективной работой.

— Где мы были, прежде чем я проснулась дома?

Мама издает болезненный смешок.

— По соседству.

— Ч-что? — Выпаливаю я, с трудом в это веря.

— Похоже, он планировал это некоторое время. Он — кто-то — проломил шкаф в комнате для гостей и протащил нас через него.

— Он... Он сделал его похожим на точную копию. — Она кивает. — Почему?

— Кроме того, что он был психически неуравновешенным?

— Что ж... — вздрагиваю я.

— Все это было игрой, Джо-Джо. Он пытался играть в Бога, и у него ничего не вышло. — Я проглатываю комок в горле, удерживая ее взгляд. — Но это закончилось.

Я прикусываю нижнюю губу, не желая задавать свой следующий вопрос, но зная, что мне нужно.

— Он когда-нибудь причинял тебе боль раньше?

— Не физически, нет. Но я знала, что он был способен на это. У его гнева всегда был очень слабый переключатель, и он мог переключиться за секунду. Но он держал себя в руках. Больше, чем, я думаю, я когда-либо действительно видела. Но когда он снова был передо мной, наблюдая, как он пытается отравить твой разум ложью о Тоби, я это видела. Я увидела все это впервые. Все то, что он убеждал меня делать на протяжении многих лет, казалось, было для моего же блага. Все это было не для меня. Все это было ради него. Способ скрыть человека, которым он был на самом деле. Возможно, я знала о его другой жизни, о его жене, но это было все, что я знала. Он очень усердно работал, чтобы держать нас как можно дальше.

— Я бы хотела, чтобы ты увидела это раньше. Ты заслуживала лучшей жизни, чем эта.

— У меня была хорошая жизнь, Джо-Джо. Несмотря на все это, все могло быть хуже—

— Ты могла бы быть Марией, — перебиваю я.

— Да, — печально говорит она. — Пришло время начать все сначала, детка. У тебя есть место в университете, есть удивительный парень, который ради тебя пойдет на край света. Все наладится.

— А как насчет тебя? Ты только что потерял все, — говорю я печально, оплакивая все воспоминания, которые хранились в этом доме.

— Это были просто вещи, Джоди.

— Я знаю, но—

— Все будет хорошо. У нас все будет хорошо.

— Но где ты будешь жить? Что ты будешь делать? — Она пожимает плечами, темнота в ее глазах заставляет мое сердце болеть совершенно по-новому.

— Я разберусь с этим.

Раздается тихий стук в дверь, и она открывается через мгновение после того, как мама зовет войти, кто бы это ни был.

Я не могу не улыбнуться, заметив облегчение в глазах Тоби, когда он заходит в комнату и видит меня здесь.

— Эй, ты голодна? — Мой взгляд падает на поднос в его руках, и мой желудок стонет при виде груды выпечки.

— Умираю с голоду, — говорю я, подтягивая свое ноющее тело немного вверх по кровати, чтобы я могла прислониться спиной к изголовью. Мой взгляд останавливается на моих голых ногах, которые выглядывают из-под подола одной из рубашек Тоби.

— Что случилось, Джоди? — Спрашивает Джанна, ставя кофе для каждого из нас. — Тебе больно?

— Н-нет, — вру я, потому что реальность такова, что каждый дюйм моего тела ужасно болит. — Я просто... как я ничего не сломала? — Спрашиваю я, пораженная тем, что выбралась из этого дома всего с несколькими порезами и царапинами. — Он... он сбросил меня с лестницы.

— Вот, — говорит Джанна, передавая мне две маленькие белые таблетки и стакан воды. — Я вижу это в твоих глазах, милая.

— Спасибо, — шепчу я, забирая их у нее и жадно проглатывая.

— Тебе очень повезло, судя по тому, что сказала твоя мама.

— Повезло? Я не уверена, что я бы так это описала.

— Дай этому неделю или около того, и свидетельства последних нескольких дней исчезнут. Надеюсь, это поможет вам переварить все это и найти способ двигаться вперед. — Она переводит взгляд с меня на маму. — Тебе что-нибудь нужно, Джоанна?

Мама берет мою руку в свою. — Нет, у меня есть все, что мне нужно, прямо здесь.

— Ты имеешь в виду выпечку? — шучу я, вызывая искреннюю улыбку на ее губах.

— От чего только не может избавить шоколад в шоколаде? — спрашивает она, беря шоколадку с подноса, который Тоби поставил на кровать между нами.

Я с удовольствием наблюдаю за ней, когда она откусывает кусочек и стонет от удовольствия. Возможно, она права. Может быть, все будет хорошо, и для нас это действительно просто новый старт.

Я ем до тех пор, пока не чувствую, что вот-вот взорвусь, и когда я бросаю взгляд на маму, я обнаруживаю, что она едва способна держать глаза открытыми.

— Мы должны дать тебе поспать, — говорю я ей после того, как киваю Тоби, чтобы тот убрал поднос.

Она немедленно опускается на кровать и натягивает на себя одеяло.

— Я люблю тебя, Джо-Джо. И я так горжусь тобой, — бормочет она, прежде чем ее глаза полностью закрываются, а дыхание выравнивается.

— Я тоже тебя люблю, мам, — говорю я, прежде чем Тоби обнимает меня за плечи и выводит из комнаты, на этот раз позволяя мне передвигаться на собственных слегка подкашивающихся ногах.

— Там кое-кто ждет тебя внизу, в гостиной, — говорит он мне, направляя меня в указанном направлении.

— Джоди, — выдыхает Бри, в волнении швыряя свою кружку и бросаясь на меня.

— Ты гребаная сука, — рывкает Нико, его колени теперь покрыты, как я предполагаю, горячим кофе.

Тоби фыркает от смеха рядом со мной, когда моя лучшая подруга играет со мной в регби.

— Черт возьми, Джоди. Ты хоть представляешь, насколько это было ужасно?

— Я в порядке, Бри. Ребята спасли меня.

— Нет, девочка. Ты была крутой задницей. Ты сделала это. Ты вытащила из этого себя и Джоан.

Я пожимаю плечами, на самом деле, не чувствуя себя достойной какой-либо похвалы.

— Остальные тоже были здесь, но мне наконец удалось убедить их разойтись по домам и оставить тебя отдыхать, — говорит мне Тоби.

— Спасибо, — выдыхаю я, в то время как Бри продолжает сжимать меня, как будто боится, что я исчезну у нее на глазах.

Мой взгляд останавливается на Нико, когда он стаскивает джинсы и швыряет промокшую ткань через комнату.

— Нет, — кричит Джанна, когда его руки тянутся к поясу боксеров, чтобы избавиться и от них тоже.

— Ты медсестра, Джи, наверняка ты видела достаточно членов, чтобы не обращать на это внимания.

— Но не такой маленький, — язвительно замечает Тоби.

— Нико, — я ахаю, когда он сбрасывает нижнее белье, не заботясь ни о чем на свете.

Он подходит, одной рукой придерживая свое барахло, другой хлопая Тоби по плечу.

— Я одолжу кое-какую одежду, братан.

Подбородок Тоби опускается, когда мы все смотрим, как его голая задница крадется к спальне Тоби.

— С ним явно что-то не так, — бормочет Бри, наконец, отпуская меня.

— Ты должна знать, — указываю я. — Ты знаешь его намного ближе, чем мы.

— О, я не знаю. Из того, что я слышала, Нико и твой парень довольно близки, — дразнит Бри.

— Мы не настолько, блядь, близки.

— Мне, наверное, лучше уйти, пока я не услышала то, что никогда не смогу забыть, — говорит Джанна, прерывая нас.

— О, Джи, — кричит Нико, прежде чем снова появиться в спортивных штанах Тоби. — Если тебе когда-нибудь понадобятся сплетни, я к твоим услугам. Я знаю все грязные секреты твоих мальчиков.

— Думаю, я предпочитаю жить в блаженном неведении. Но спасибо тебе за предложение, — вежливо говорит она, на ее губах появляется ухмылка.

— Действительно жаль, Джи. То, что я мог бы рассказать тебе о том, что они вытворяют.

— Что, черт возьми, ты знаешь о Деймоне такого, чего не знаю я? — спрашивает Тоби.

Нико заливается смехом. — Он не просто убивает людей и поклоняется дьяволу, понимаешь? Он также дрожит из-за...

— И я уйду. Позвони мне, если я тебе понадоблюсь, — говорит Джанна, прежде чем почти бежать к входной двери.

— Ты что-то говорил? — подсказывает Тоби после того, как по квартире разносится звук хлопнувшей входной двери.

Он просто пожимает плечами. — Хрен знает, что заводит дьявола. Я все это дерьмо выдумал.

— Ты ужасный, ужасный человек, Нико Чирилло, — шипит Бри.

— Подойди и скажи мне это, пока сосешь мой член, Сирена.

— Чертовски маловероятно, придурок, — шипит она.

— О, мне нравится, когда вы двое ладите. Это согревает мое сердце, — поддразнивает Тоби, заставляя меня задуматься о том, что было между ними, пока меня не было.

— Какой сегодня день?

— Суббота, — говорит Тоби.

— Черт. Неужели? — Думаю, это объясняет, почему я чувствую себя такой грязной и мерзкой.

— Действительно.

— Мне нужно в душ.

— Я поняла, — поддразнивает Бри. — Я собираюсь уйти. Он тоже, — говорит она, указывая туда, где Нико снова устраивается поудобнее на диване Тоби. — И оставляю вас отдыхать. Чтобы поговорить.

— Спасибо, Бри, — искренне говорит Тоби. — За все.

— Всегда пожалуйста. До тех пор, пока ты будешь правильно присматривать за моей

девочкой.

— Я это сделаю.

— Я бы тебя обняла, но ты весь такой мерзкий и грязный, — говорит она, оглядывая его с головы до ног и оттягивая верхнюю губу.

— Ты обнимала меня, — утверждаю я.

— Ну да, Тоби тебя почистил. Он все еще покрыт черт знает чьей кровью.

Я оглядываюсь на Тоби и с любопытством приподнимаю бровь.

Она улыбается мне, и он притягивает меня к себе.

— Нико, — рывкает Бри, хватая свою сумку с дивана. — Шевели своей жирной задницей.

— Что я тебе говорил, Сирена? Ты можешь мной командовать, только если готова раздвинуть для меня ноги.

Она отмахивается от него, прежде чем послать мне воздушный поцелуй и исчезнуть за углом, крича: «Люблю тебя, Джо-Джо».

— Ну и что? — Говорит Тоби, свирепо глядя на своего лучшего друга.

— Что? — невинно спрашивает он.

— Если ты поторопишься, ты мог бы поймать ее в лифте, — предлагаю я.

Он на секунду задумывается, прежде чем решить, что это достаточно приличное предложение, и вылетает из квартиры.

Через несколько секунд дверь захлопывается, и Тоби разворачивает меня к себе и берет мое лицо в свои руки.

— Наконец-то мы одни, — шепчет он. — Что мне с тобой делать? — дразнит он.

— Как насчет того, чтобы ты рассказал мне, чья кровь на тебе на самом деле, и почему ты выглядишь так, будто дрался.

— Пойдем со мной, — говорит он, запечатлевая на моих губах самый сладкий поцелуй. — И я расскажу все.

Не обращая внимания на его спальню, он ведет меня к последней двери в коридоре и распахивает ее.

Аромат кокоса наполняет мой нос, прежде чем Тоби отходит в сторону, чтобы показать мерцающие свечи и ванну, полную пузырьков пены.

— Тоби, — выдыхаю я.

— Я не могу приписывать это себе. Бри приготовила это для тебя.

Я качаю головой, мои эмоции берут надо мной верх.

Заведя руку за голову, он задирает рубашку вверх по телу, обнажая темно-фиолетовые кровоподтеки на ребрах.

— Что за черт? — Я бросаюсь вперед, нежно касаясь пальцами отметин.

— Это ничего, детка, — возражает он, засовывая большие пальцы за пояс и натягивая спортивные штаны до лодыжек, оставляя себя восхитительно обнаженным.

— Это не ничто. Что, черт возьми, произошло?

Он сбрасывает брюки, прежде чем подойти ко мне и обхватить пальцами рубашку, которая свисает с моих бедер.

Снимая ее с моего тела, он бросает ее мне за спину.

— Я никогда не смогу объяснить, что я чувствовал, думая, что потерял тебя, Джоди, — говорит он, его собственные измученные эмоции делают его голос глубже с каждым словом, когда он обхватывает рукой мой затылок и прижимается своим лбом к моему. — Я никогда в

жизни не чувствовал себя таким беспомощным.

Когда я провожу руками по его обнаженной груди, все его тело содрогается от моего невинного прикосновения.

— Ты нашел меня, детка. Я прямо здесь, и я никуда не уйду.

— Черт. Мне так жаль.

— Остановись, — требую я, прижимая пальцы к его губам, чтобы пресечь любые другие слова, которые могут захотеть сорваться с языка. — Все кончено. Мы свободны. Мы собираемся сосредоточиться на будущем. Сразу после того, как ты скажешь мне, почему мой парень весь черно-синий.

— Я расскажу тебе все.

— Я тоже, — обещаю я.

25

ДЖОДИ

Выходит, после того, как Тоби привез меня домой и убедился, что со мной действительно все в порядке, он и ребята отправились в притон итальянских солдат и совершили налет на это место в отместку за то, что они помогли Джонасу сделать — и за целый ряд других вещей, о которых я не задавала слишком много вопросов. Я полагаю, что, хотя я могла бы хотеть, чтобы Тоби был открытым и честным в своей работе, мне также не нужны все грязные подробности.

Все, что я знаю о той ночи, это то, что ему надрали задницу — хотя он заверил меня, что трое итальянцев на другом конце драки выглядели хуже — и что теперь у них где-то в заложниках два важных члена семьи Мариано. Где-то, к счастью, не в подвале, где мы живем.

Прошла неделя с тех пор, как Тоби вытащил меня из того дома, подальше от психа, который угрожал взорвать нас всех на куски. Прошла неделя с тех пор, как он смог избавиться от давних демонов, с которыми он постоянно боролся, зная, что причина его многолетних издевательств и мучений все еще жива.

Хотя нам предстоит многое сделать, чтобы заново открыть, кто мы есть на самом деле, после всего, через что мы прошли — как по отдельности, так и в паре, — я каждый день просыпаюсь, чувствуя себя немного лучше, немного легче. И знаю, что он чувствует то же самое. Я вижу это в его глазах, чувствую это в его прикосновениях.

Нанося немного блеска для губ, я смотрю на себя в зеркало. Мой макияж скрывает мои затянувшиеся синяки. Любой, кто не знает об их существовании, не увидел бы их сейчас. Отсутствие необходимости пялиться на них каждый раз, когда я ловлю свое отражение, помогает мне двигаться дальше. Хотя я не уверена, что воспоминания о тех нескольких днях, запертых в том подвале, когда-нибудь полностью покинут меня, я уже чувствую, как некоторые из менее запоминающихся моментов исчезают. Может быть, однажды все это исчезнет, и я смогу забыть о том факте, что я воткнула нож в горло взрослого мужчины и была вынуждена слушать его хриплое дыхание, когда он умирал. Возможно, принимаю желаемое за действительное, но неважно.

Довольная лицом, смотрящим на меня в ответ, я разворачиваюсь и направляюсь на поиски какой-нибудь одежды.

Тоби вернулся в школу два дня назад. Как бы сильно я ни ненавидела, что он уходит. Я

знаю, что он не может продолжать откладывать свою жизнь ради меня. Он должен получать хорошие оценки, если собирается поступить в университет, и я никогда не прощу себе, если испорчу ему это.

Вид нашей неубранной постели вызывает у меня улыбку, когда я вхожу в комнату. Я расправляю ее и хватаю пару подушек, которые упали на пол, вероятно, вскоре после того, как мы упали на нее, переплетая конечности и даря жаркие поцелуи прошлой ночью.

Возможно, мама все еще поправляется в комнате напротив, но нас это на самом деле не остановило. Кажется, я просто провожу много времени, зажимая рот рукой Тоби, выкрикивая его имя и растворяясь в ошеломляющем удовольствии, которое он способен мне предложить.

Мое внимание привлекает розовый стикер под моим телефоном, и когда я подхожу, я нахожу на нем его почерк.

Надень какую-нибудь обувь и возьми свою маму. У меня для тебя сюрприз.

Улыбка подергивается на моих губах, когда воспоминания о последнем разе, когда я находила подобные заметки, всплывают в моей голове.

Схватив пару Converse из шкафа, я бегу через коридор и стучу в ее дверь.

— Все в порядке? — спрашивает она, когда я захожу внутрь.

— Да. Надень какую-нибудь обувь, нам нужно куда-то пойти.

У мамы перехватывает дыхание от моих слов.

Она может думать, что делает хорошую работу по сокрытию того, как она на самом деле справляется после всего, но я могу видеть глубже, чем, я думаю, она верит. От моего внимания также не ускользнуло, что она еще не покинула квартиру. Как и я, ее травмы теперь легко скрываются под макияжем, но, похоже, этого недостаточно, чтобы придать ей уверенности, необходимой для возвращения в реальный мир.

Я сказала Тоби, что собираюсь дать ей время до конца выходных, а затем я заставляю ее пойти куда-нибудь со мной. Хотя, похоже, он, возможно, берет дело в свои руки.

— О? Куда? — спрашивает она, пытаюсь скрыть свое волнение.

— Я не знаю, — признаюсь я, поднимая записку. — Это сюрприз.

Расправив плечи, она встает с кровати, где читала один из журналов, которые принесла для нее Мария. — Что ж, я думаю, нам лучше не подводить его.

На моих губах появляется улыбка, свидетельствующая о том, что она готова преодолеть свои страхи. Что она доверяет ему достаточно, чтобы просто делать то, что он говорит.

Мария и Стелла отправились за покупками для нас обеих на следующий день после того, как Тоби взял нас к себе, чтобы убедиться, что у нас есть все, что нам может понадобиться, учитывая, что все, чем мы владели, неделю назад разлетелось вдребезги.

Боль пронзает мою грудь, когда я думаю о том, что мы потеряли. Я знаю, что мама права. Это всего лишь вещи, но мне все еще больно вот так терять кусочки моего детства, моей жизни.

— Есть идеи, что это такое? — спрашивает мама, следуя за мной по коридору в сторону гостиной.

— Понятия не имею, — бормочу я, почти мгновенно замечая следующую записку на кофейном столике.

— Иди к лифту.

— Что ж, это весело, — говорит мама с улыбкой. — Я надеюсь, что в конце будет торт.

— Мы можем только надеяться. Я нашла свою машину, когда он в последний раз играл

в эту игру.

— О, может быть, он собирается привести нас к особняку.

Мой подбородок опускается, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее.

Он бы не сделал чего-то настолько безумного... стал бы он?

— Тебе не нужно выглядеть такой обеспокоенной, милая. Если это сюрприз для тебя от Тоби, то я уверена, что это не что иное, как мило и продуманно.

Мне почти удается подавить взрыв смеха, который хочет вырваться наружу, когда я думаю о том, каким милым и заботливым он был прошлой ночью, когда приковал меня наручниками к кровати, засунул мои трусики мне в рот и дразнил меня до полусмерти, снова и снова доводя меня до грани, прежде чем он, наконец, погрузился глубоко внутрь меня и позволил мне кончить на его член.

О да, старый добрый, милый Тоби.

— Да, — выдавливаю я. — Я уверена, что все в порядке.

— Тогда пошли, я взволнована, — говорит мама, подпрыгивая на носках.

Следуя за ней, мы позволяем входной двери закрыться за нами и направляемся к лифту. Мы находим еще одну заметку с надписью «нажми на меня» и стрелкой, указывающей на кнопку, на случай, если было не совсем ясно, что он имел в виду.

Он уже на нашем этаже, поэтому двери открываются в мгновение ока, и мы заходим внутрь, обнаруживая ожидающую нас коробку.

— Спустись на этаж ниже, — говорю я, читая это вслух. — Затем открой меня.

Мама нажимает на кнопку, и мы спускаемся.

В ту секунду, когда мы выходим, я снимаю крышку с коробки.

— Найди 1401. — Мы с мамой обмениваемся взглядами, но идем дальше, и я следую инструкции, написанной ниже, чтобы развернуть записку.

Есть еще одна маленькая коробочка с запиской на ней.

Открой меня, затем используй меня. Но помни, это мой первый раз. Будь нежной.

— Что за хрень? — кричу я.

Мама оборачивается и смотрит на записку.

— Во что, черт возьми, играет этот мальчишка? — Но поскольку она задает вопрос, я думаю, мы обе уже догадались. И я люблю его еще сильнее за то, что, я думаю, мы собираемся открыть.

Открыв последнюю коробку, я нахожу ключ, который снова смотрит на меня. Хотя, учитывая, что рядом с дверью номера 1401 есть биометрический сканер, это кажется излишним.

— Тогда продолжай, — поощряет она. — Просто действуй медленно и осторожно. Это может оказаться непросто.

— Мам, — выдыхаю я, прежде чем взорваться смехом.

— Не нужно разыгрывать передо мной невинность, юная леди. Стены той квартиры наверху не совсем звукопроницаемы, знаешь ли.

— О Боже мой, — бормочу я, вставляя ключ в замок грубее, чем было указано.

Толкая дверь, я вхожу внутрь, мои ноги утопают в плюшевом ковре, когда аромат свежих цветов наполняет мой нос.

На дубовом шкафу мне бросается в глаза записка, и я бросаюсь к ней.

Добро пожаловать домой, детка. Устраивайтесь поудобнее.

— Нет. — срывается с моих губ, несмотря на то, что я знаю, что это правда. Я знала это

задолго до того, как вошла в лифт. Я просто не хотела в это верить.

— Что это? — спрашивает мама, подходя ко мне сзади.

— Это наше, — говорю я, передавая ей записку.

— Черт.

— Да.

— Я думаю, тогда нам лучше осмотреть это место, посмотреть, достаточно ли оно хорошее.

— Мама, — выдыхаю я. — Мы не можем принять это.

— Милая, они не купили нам дом. Это здание представляет собой многоквартирный дом. Они просто будут одалживать ее, пока мы не встанем на ноги. Я уверена, что они захотят арендную плату и все остальные обычные вещи.

Я смотрю на нее не моргая, в очередной раз вспоминая, откуда взялась моя наивность.

— Что? — невинно спрашивает она.

— Даже если это правда, — хотя я уже знаю, что это не так, — мы не можем позволить себе арендовать такое место, как это. Я имею в виду, посмотри, — говорю я, махнув рукой в сторону окон от пола до потолка на другом конце огромной комнаты.

— Это невероятно.

— Да, — выдыхаю я, проходя дальше в квартиру и осматривая все это.

Она не такая большая, как наверху у Тоби, но все равно огромная, и в ней есть все, что кто-либо мог пожелать для дома. И виды на город, даже на противоположной стороне от Тоби, захватывают дух.

— Мы что-нибудь придумаем. У нас есть его деньги. Что может быть лучше, чем вложить их обратно в банк Семьи?

— Ну, я думаю, когда ты так говоришь, — бормочу я, глядя на город внизу в полном шоке.

— Пойдем, давай проверим все остальное, — говорит мама, беря меня под руку.

Я хочу отказаться и позвонить Тоби, чтобы накричать на него за этот чрезмерный жест. Но он на занятиях, и я тоже вроде как не хочу этого делать. Улыбка на мамином лице и волнение в ее глазах — это все. Это начало нашего нового пути, и я действительно хочу, чтобы у нее это было. Ее собственное место, где она сможет создать дом и перестроить свою жизнь. И я знаю, что нам больше не нужно беспокоиться о Джонасе, и здесь она будет в безопасности. Здесь мы будем в безопасности. А Тоби прямо наверху вместе с остальными своими друзьями, которые быстро становятся почти такими же важными для меня, как и он сам.

Каждая следующая комната лучше предыдущей, и к тому времени, когда мы стоим в главной спальне, обе снова любуемся видом, клянусь, мое сердце вот-вот взорвется от счастья.

Он сделал это. Он сделал это для нас, для мамы.

— Ты удачно выбрала Тоби, Джо-Джо.

Улыбка растягивает мои губы, когда я думаю о нем.

— Он действительно нечто, — шепчу я, думая о парне, о котором идет речь.

Как будто он знает, что мы говорим о нем, у меня в кармане начинает жужжать телефон.

— Это он? — спрашивает мама, когда я достаю его.

— Несомненно.

Проводя пальцем по экрану, я выхожу из комнаты, оставляя ее знакомиться с ее новой спальней.

— Тобиас Дукас, что, черт возьми, ты наделал? — Я рывкаю в трубку, когда перехожу в гостиную и опускаю задницу на диван.

— Тебе это нравится?

— Тоби, — вздыхаю я, мое поддельное раздражение исчезает с этим одним простым вопросом. — Это потрясающе, конечно, мне это нравится.

— Хорошо. Хотя, на самом деле, меня больше волнует мнение твоей мамы, потому что я не планирую, чтобы ты проводила там много времени.

— О, ты перевозишь меня куда-то еще, не так ли? — спрашиваю я легкомысленно, хотя мое сердце подпрыгивает в груди.

— Твое место этажом выше, детка.

— Ты спрашиваешь меня или говоришь, что я переезжаю к тебе?

— Э-э... немного того и другого, — признается он. — Хотя я надеялся сделать из этого немного больше жеста, чем просто разговор по телефону.

— Ты действительно уверен, что это нормально, что у мамы есть это место? — спрашиваю я, обеспокоенная тем, что он слишком много делает для нас.

— Это более чем нормально.

— Арендная плата будет огромной.

— Арендной платы нет, Демон.

— О, нет. Ты этого не сделаешь. Мы не будем жить здесь бесплатно.

— Джоди, — говорит он немного более строго. — Как бы мне ни хотелось присвоить себе все заслуги за это, это был не только я. Босс предложил это. — Мой рот открывается от его признания. — И все остальные согласились. Мы с ребятами делали все возможное, чтобы это здание оставалось нашим с тех пор, как мы все сюда переехали. Иметь здесь семью — это именно то, о чем мы и не подозревали, чего так ждали.

— Семья, — выдыхаю я, на моих губах играет улыбка.

— Да, детка. Теперь ты часть всего этого. И никто из нас не собирается тебя отпускать. Любую из вас.

В моем горле образуется гигантский комок, который на несколько секунд задерживает меня с ответом.

— Джоди? — тихо спрашивает он.

— Да, извини. Я все еще здесь.

— Все в порядке? Ты злишься на меня за это? — спрашивает он с очевидным сомнением в голосе.

— Что? Нет. Я не злюсь, Тоби. Я потрясена. Я так чертовски влюблена в тебя, что даже не знаю, что сказать.

— Этого хватит, детка. Я тоже тебя люблю. Я приглашаю тебя кое-куда сегодня вечером, — говорит он мне.

— О? Что я сделала, чтобы заслужить все это?

— Просто была собой, — выдыхает он, заставляя меня упасть в обморок. — Мне нужно, чтобы ты была готова к половине шестого, хорошо?

— Э-э... да, конечно. Что мне нужно надеть?

— Я все предусмотрел, детка. Все, что тебе нужно сделать, это вернуться в нашу квартиру, когда будешь готова, и ты найдешь все, что тебе нужно.

Наша квартира.

— Тобиас, ты—

— Идеальный. Загадочный. Горячий? — предлагает он.

— Я люблю тебя, — смеюсь я. — И да, ты обладаешь всеми этими качествами, и я не хотела бы, чтобы ты был другим.

— Хорошо. Будь готова, хорошо? Тебя ждет бурная ночь.

— Я надеюсь, что это будет безрассудно, — поддразниваю я.

— Стал бы я планировать что-нибудь еще? — язвит он, прежде чем снова сказать мне, что любит меня, и повесить трубку.

Мама появляется из-за угла после того, как я опускаю телефон, очевидно, что она подслушивала.

— Все в порядке? — спрашивает она, присоединяясь ко мне на диване.

Я не могу удержаться от улыбки, когда она изучает меня.

— Да. Это место твое, мама. Арендуй бесплатно столько, сколько захочешь.

Ее губы приоткрываются, чтобы ответить, прежде чем мои слова действительно доходят до сознания.

— Мое?

— Тоби попросил меня переехать к нему.

Она посмеивается надо мной, счастье все еще ярко сияет в ее глазах.

— Я так горжусь тобой, Джо-Джо.

— Даже если бы мне удалось оказаться в середине этой жизни, несмотря ни на что?

— Я никогда ничего не имела против такой жизни. Но я всегда была сторонником следования своему сердцу, и я почти уверена, что твое привело тебя именно туда, где ты должна быть.

— Я просто ненавижу, что потребовалось столько потерь, чтобы попасть сюда.

Она берет меня за руку и крепко обнимает.

— Джо тоже понравился бы Тоби, — честно говорит она мне.

— Жаль, что ему пришлось попытаться убить его сестру, да?

— Да, это было... несчастье. — Ее захлестывает печаль. — Но я твердо верю, что на самом деле он не был в этом виноват.

— Я знаю, мам. В глубине души Джо был не тем человеком, который когда-либо сделал бы это. Это все из-за Джонаса. Все это ложится на его плечи.

Мама качает головой.

— С его уходом все может стать только лучше, малышка. Думаю, я тоже скоро куплю новую шляпку.

Я пытаюсь отшутиться от этого, но это сложнее, чем я ожидала, поскольку комментарий попадает мне прямо в сердце.

Я никогда особо не задумывался о серьезных отношениях и браке. Но вот я здесь, внезапно задумалась, каково это — идти к алтарю навстречу мужчине, с которым я более чем готова провести остаток своих дней.

— Кто знает, что ждет нас в будущем? Я, конечно, никогда бы не подумала, что мы окажемся прямо здесь всего несколько недель назад.

— То же самое, милая. Не хочешь куда-нибудь сходить? Мы можем навестить Сару, перекусить, а потом остановиться и купить что-нибудь милое для этого места.

— Звучит заманчиво. Мне просто нужно вернуться к—

— Ох. Я знаю, — дразнит она.
— Ты знаешь?
— Я поклялась хранить тайну. Пошли.

26

ДЖОДИ

Я поняла, что день стал еще лучше, когда мы с мамой вошли в комнату Сары, и лицо Джесси просияло, как будто наступило Рождество.

Только что был доктор с новостями о том, что у нее снова наметился прогресс.

Реакция Джесси на это была потрясающей, и на моем сердце стало еще легче от вновь обретенной надежды, что Сара найдет способ вернуться к нам. Дорога длинная, но с появлением более позитивных новостей это начинает казаться мечтой, за которую мы действительно можем начать цепляться.

К тому времени, как я переступаю порог Тоби — нашей — квартиры несколько часов спустя, оставив маму внизу с ее огромным новым комнатным растением, которое она выбрала, мое волнение грозит перерасти все границы.

Все выглядит точно так, как я оставила, когда я пробираюсь через гостиную, но в ту секунду, когда я переступаю порог спальни, я знаю, что он был здесь — или, по крайней мере, кто-то был.

Подойдя к шкафу, я вытаскиваю наклейку с запиской.

Пора принарядиться, детка. Я собираюсь подарить тебе лучшую ночь в твоей жизни.

— Никакого давления, — бормочу я себе под нос. Он уже подарил мне несколько довольно запоминающихся.

Бросив записку на кровать, я поворачиваюсь к ванной и раздеваюсь, чтобы принять душ.

Я мою, скребу и брею каждый дюйм своего тела, готовясь к тому, что должно произойти.

Вздых срывается с моих губ, когда я выхожу из ванной и нахожу на кровати платье, которого там не было, когда я вошла.

Надень меня.

Мурашки пробегают по моей спине, когда я смотрю на элегантное, облегающее черное платье передо мной. На полу пара туфель на каблуках, а рядом с ними клатч и потрясающий комплект нижнего белья. От одной мысли о лице Тоби, когда он смотрит на меня, пока я в нем, мои бедра сжимаются.

Я быстро вытираюсь и натягиваю нижнее белье. Оно сидит как влитое и заставляет мою задницу и сиськи выглядеть безумно.

Поднимая платье с кровати, я осматриваю его, дизайнерский лейбл издевается надо мной.

Я могу только представить, сколько это стоило.

Переворачивая его, я нахожу еще одну заметку.

Подожди... на обратной стороне двери висит халат. Надень его и иди в гостиную.

Смешок срывается с моих губ, когда желание разливается в моем животе.

Пожалуйста, пусть он будет там, ожидая меня.

Делая, как мне сказали, я открываю дверь и иду босиком по коридору.

— Боже мой, — ахаю я, когда нахожу Стеллу, Эмми и Калли, ожидающих меня.

— Сюрприз.

— Ты, — говорю я, указывая на Стеллу, зная, что это она подбросила все записки и одежду.

Она пожимает плечами, на ее лице сияющая улыбка

— В любом случае, мы здесь, чтобы заставить тебя выглядеть убийственно для твоего мальчика, — говорит она, поднимаясь на ноги.

— Ну, они да. Я здесь просто потому, что они сказали мне, что я должна быть, — говорит Эмми с ухмылкой.

— О, заткнись. Тебе нравится все девчачье дерьмо, и ты это знаешь.

— По крайней мере, это не спа.

— Которое, как ты теперь призналась, тебе нравится. Вы полны дерьма, миссис Чирилло.

Ее улыбка становится шире, когда Стелла открывает массивную косметичку, а Калли тянется за феном и щипцами для завивки.

— Присаживайся и расслабься. Эмми принесет тебе выпить, чтобы вечер начался.

Закатив глаза, Эмми направляется на кухню, и всего через минуту или две после того, как раздается громкий хлопок, она появляется со стаканом шампанского для каждой из нас.

— За принцесс Чирилло, — говорит Стелла с улыбкой, держа свой бокал в центре нашей группы.

— За то, что мы крутые сучки, — парирует Эмми.

— Да, и это тоже, — смеется Стелла. — За то, что поставили плохих парней на их гребаные колени.

— Еще лучше.

Но когда они смеются, мои глаза ловят грустное выражение лица Калли.

Почувствовав мое внимание, она поднимает взгляд, быстро прикрывая любую затянувшуюся боль. Она натягивает улыбку на лицо, прежде чем поднять свой бокал, чтобы чокнуться с нами.

— Хорошо, у нас есть час, чтобы ты выглядела лучше, чем когда-либо в своей жизни.

К тому времени, как они закончили со мной, в моей голове закружились пузыри, и моя потребность наконец увидеть Тоби и выяснить, что он задумал, граничит с одержимостью.

— Иди одевайся, уже пора уходить.

— Куда именно? — Я спрашиваю Стеллу, зная, что она полностью осведомлена о планах.

— Сначала тебе пришлось бы убить меня.

Закатывая на нее глаза, я спускаюсь в спальню и натягиваю платье, застегиваю на нем молнию и встаю перед зеркалом.

— Вау, — выдыхаю я в шоке от женщины, которая смотрит на меня в ответ.

Я стою выше, чем, как мне кажется, когда-либо прежде, и уверенно поднимаю голову.

Последние несколько недель были адски болезненными, но я не думаю, что я когда-либо знала так много не только о своей жизни, но и о себе. Я обнаружила, что я сильнее, чем когда-либо могла себе представить, и что я выносливая, могущественная и решительная. Я обнаружила свои недостатки, свою наивность, свою способность видеть хорошее в каждом, и я извлекла из этого урок — или, по крайней мере, я надеюсь, что извлекла. Но даже если бы я этого не сделала, я знаю, что вокруг меня есть люди, которые буквально сделают для меня все. И это само по себе бесценно.

Возможно, я многое потеряла в последнее время, но я также многое приобрела. Совершенно новая семья и люди, которые я знаю, станут частью моей жизни до конца моих дней здесь.

Протягивая руку, я играю с висячим замком, висящим у меня на шее. В прошлые выходные мне пришлось снять его на несколько часов, пока Тео устанавливал в него трекер.

За то короткое время, что я была без него, я почувствовала себя голой. Это был мой спасательный круг, когда я была заперта в том подвале. Это была часть Тоби, часть нас, за которую я смогла зацепиться, и слова, которые он сказал мне, когда отдавал его мне.

Я ценю, почему он с самого начала не вставил в него трекер, и мне нравится, что он хотел, чтобы у меня была свобода, когда Себ и Тео поступили с точностью до наоборот, но я также хотела, чтобы он просто сделал это. Он добрался бы до меня быстрее, спас меня, прежде чем я была бы вынуждена сделать что-то столь радикальное, как убийство одного из долбаных итальянских мафиози.

Дрожь пробегает у меня по спине, когда я вспоминаю это. Я почти уверена, что вид этого ножа, вонзающегося в его горло, будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь. Но я придерживаюсь принятого мной решения. Если бы я этого не сделала, мы могли бы не выбраться.

Тоби, Тео и даже Дэмиен — все заверили меня, что последствий того, что я сделала, не будет, но это не успокаивает меня так, как, я уверена, должно. И я ненавижу, что они теперь имеют дело с последствиями. Тоби объяснил, что проблемы, которые у них есть с итальянцами, продолжаются уже некоторое время, и это всего лишь последнее в целой куче дерьма, с которым они столкнулись. Я просто должна поверить ему на слово и позволить им делать свое дело.

Единственные люди, которые знают правду о том, как один из их собственных потерял свою жизнь, — это мы. Все остальные считают, что он взлетел на воздух в результате того же взрыва, что и Джонас. Я более чем рада, что они так думают.

Засовывая ноги в туфли на красной подошве, я беру с кровати клатч, открываю его, чтобы засунуть телефон внутрь.

На моем лице появляется улыбка, когда я нахожу внутри еще одну записку.

Ты прекрасно выглядишь. Не могу дождаться, чтобы сказать тебе лично.

Миллион бабочек порхает у меня в животе, когда я надежно засовываю телефон внутрь и направляюсь к выходу.

У девушек отвисают подбородки, когда они видят меня.

— Ого, у Тоби есть вкус. Кто знал? — бормочет Эмми.

— Ну, он выбрал меня, поэтому я предполагаю, что у вас была подсказка, — возражаю я, заставляя всех троих разразиться смехом.

— Touché, Джоди.

— Вот, — говорит Стелла, передавая мне еще одну записку.

Внизу тебя ждет машина. Скоро увидимся, детка.

— Верно, ну... Думаю, тогда мне лучше пойти.

Я уже на полпути через комнату, когда Стелла выпаливает: «Удачи».

— Какого черта мне нужна удача? — спрашиваю я, когда вина покрывает ее лицо.

— Б-без причины, — заикается она, когда Эмми бьет ее по голове, бормоча: «Идиотка».

— Должна ли я беспокоиться? — спрашиваю я, поворачиваясь, чтобы сосредоточиться на них.

— Нет, игнорируй ее. Иди, развлекайся, — уверяет меня Эмми.

— Ладно, что ж... тогда, я думаю, увидимся позже.

— Увидимся позже, — обещает Эмми, и, клянусь, я вижу небольшой лукавый огонек в ее глазах.

О да, мне определенно стоит волноваться.

— Мисс Уокер, — приветствует водитель, как только я выхожу из здания и нахожу черный внедорожник, ожидающий меня. Окна такие же темные, как и краска, и я не могу не надеяться, что смогу найти своего мужчину, прячущегося за ними.

К сожалению, это не так. Когда я засовываю голову внутрь, я нахожу заднюю часть машины разочаровывающе пустой.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я, прежде чем водитель закрывает дверь, запирая меня внутри.

— Не могу сказать, мисс. — Он подмигивает, и я закатываю глаза. — Надеюсь, он тебе хорошо платит, — кричу я, прежде чем он закрывает дверь, и, клянусь, слышу, как он хихикает, прежде чем она захлопывается.

У меня были идеи о том, что может произойти в эту ночь, с тех пор как Тоби впервые сказал, что у него есть сюрприз по телефону ранее, но по мере того, как мы делаем пару более чем очевидных поворотов по городу, одна из них становится все более и более настойчивой. И мысль о том, что мы направляемся туда, заставляет все мое тело гудеть от возбуждения.

Я хочу этого. Я так сильно хочу вернуться и повторить все это снова. И я знаю, что он в курсе моего желания испытать все это еще раз.

К тому времени, когда мы подъезжаем к клубу, который хранит в себе столько безумных, но все еще слегка туманных воспоминаний, у меня дрожат руки, а потребность увидеть своего мужчину становится почти всепоглощающей.

Мой водитель выходит, и ни секундой позже открывается моя дверь. Только, когда я выхожу и поднимаю глаза, чтобы поблагодарить его, я нахожу не своего веселого водителя, а Тоби.

— О Боже мой, — выдыхаю я, прыгая в его объятия и прижимаясь губами к его губам, совершенно забыв о кроваво-красной помаде, которой Стелла покрасила мои губы.

Мы целуемся на улице прямо перед «Аидом», как будто это наш последний шанс, и когда мы наконец отстраняемся, все мое тело ноет от желания.

— Скучала по мне, детка? — Тоби дразнит, протягивая руку, чтобы стереть мою помаду.

— Пожалуйста, скажи мне, что мы идем туда, — требую я, к его большому удовольствию.

— Черт, ты идеальна, — стонет он, прижимаясь своим лбом к моему.

— Итак... мы идем?

— Ты уже портишь те хорошенькие трусики, которые я тебе купил, при одной мысли о том, чтобы вернуться туда, не так ли, Демон?

— Тоби, — предупреждаю я, извиваясь от желания.

— Игрушка, — возражает он, его зрачки расширены, а член тверд между нами, настойчиво прижимаясь к моему животу. — Да, мы идем туда. Но у меня для тебя сюрприз, прежде чем начнется настоящее веселье.

Я немного отстраняюсь и смотрю ему прямо в глаза.

— Что ты наделал, Тобиас?

— Подожди и увидишь. Внутри есть кто-то, кто хочет встретиться с тобой.

— Я не собираюсь делить тебя, — возражаю я, твердо ставя ноги на тротуар, когда он пытается потащить меня ко входу.

— О, Демон, тебе не о чем беспокоиться. — Он опускает наши соединенные руки к своей промежности и прижимает мою ладонь к своему твердому члену. — Это твое. И только твое.

Я киваю один раз и, наконец, позволяю ему затащить меня внутрь.

— Почему нет очереди? Пятничные вечера обычно безумны.

— Говоришь, как эксперт, — язвит он, спускаясь в то, что кажется пустынным клубом.

В отличие от прошлого раза, когда мы были здесь, здесь нет глубокой, пульсирующей музыки, которая делала бы равномерное биение моего клитора еще более требовательным, и нет мрачного освещения, из-за которого место кажется еще более незаконным, чем, я уверена, оно есть на самом деле.

При свете бар почти такой же невероятный, каким я помню его в темноте. Вся золотая фурнитура и акценты почти сверкают в свете прожекторов, а глянцевые черные поверхности делают все пространство современным и эксклюзивным. Думаю, именно так оно и есть.

— Тоби, — радостно объявляет женщина, ее черные каблуки высотой до небес цокают по полированному черному полу, когда она подходит поприветствовать нас с широкой улыбкой на лице.

Мой желудок сжимается, когда я рассматриваю ее. Она прекрасна. Она, вероятно, выглядела бы более уместно на подиуме, чем здесь, в своем облегающем костюме, который, я уверена, стоил больше, чем я обычно зарабатывала за месяц в кофейне.

Вспоминая, что Тоби сказал наверху о том, чтобы не делиться им, я натягиваю улыбку на лицо и пытаюсь засунуть свое беспокойство в коробку, в которой ему самое место.

— А ты, должно быть, Джоди. Так чудесно наконец-то встретиться с вами.

Наконец-то?

— Э-э... — Я заикаюсь, поднимая руку, чтобы пожать ее, когда она не оставляет мне другого выбора.

— Джоди, это Гера. Она управляющая «Аида».

— Эм... Привет, это... эм... приятно познакомиться с вами.

Я переводила взгляд с них двоих, совершенно сбита с толку тем, почему мы здесь, вместо того, чтобы направиться в одну из задних комнат.

Мои щеки горят, когда мои мысли направляются в ту сторону, где, я уверена, они не должны быть прямо сейчас.

— Проходите и присаживайтесь. Не хотите ли вы оба выпить?

— Конечно, — говорит Тоби, кладя руку мне на поясницу и направляя меня следовать за Герой. — Доверься мне, — шепчет он. Его пальцы скользят вниз, пока он не сжимает мою задницу достаточно сильно, чтобы заставить меня ахнуть. Его хватка замыкается на моем бедре, и в ту секунду, когда я остаиваюсь, он прижимается к моей спине, давая мне понять, что я не единственная, кто думает о том, что еще мы могли бы делать здесь прямо сейчас.

Гера что-то говорит, но я понятия не имею, что, когда я прижимаюсь своей задницей к его, моя кровь кипит от желания.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Я не задержу вас надолго. Я уверена, что у вас другие

планы на вечер, — говорит она с мягкой улыбкой, которая делает ее немного более открытой.

— Простите, но что происходит прямо сейчас? — спрашиваю я, не в силах больше держать рот на замке, когда молодой официант приносит поднос с напитками. Водка, судя по бутылке.

Он наливает каждому из нас по порции, прежде чем исчезнуть через потайную дверь за баром.

— Ты ей не сказал, — цокает Гера.

— Я подумал, что сюрприз может быть более забавным.

— Мужчины, — бормочет она, прежде чем повернуться ко мне. — Я ищу менеджера-стажера, который помог бы мне управлять этим заведением. Маленькая птичка сказала мне, что тебе может быть интересно.

Мой подбородок опускается так низко, что, клянусь, он касается пола.

— Т-ты... э-э... ты хочешь предложить мне работу? — Я заикаюсь, не в силах поверить в то, что слышу.

— Тоби сказал мне, что ты обеспечила себе место в Имперском колледже, и дал мне копию твоего резюме.

Я поворачиваюсь к человеку, о котором идет речь, и хмуро смотрю на него.

Все, что он делает в ответ, это ухмыляется и потягивает свой напиток.

— Я понимаю, что вы находитесь в затруднительном положении перед тем, как приступить к работе позже в этом году, и хотите начать свою карьеру, возможно, получить какой-то опыт. Что ж, — говорит она, протягивая руки, — я не могу обещать вам лучшие часы, но я могу пообещать вам безумную поездку, практический опыт — извините за каламбур — и лучшую работу в вашей жизни, при условии, что вы сможете справиться с небольшим количеством наготы здесь и там.

— Э-э... — Я колеблюсь, в голове крутится все, что она только что сказала.

— Ты серьезно предлагаешь мне работу? — выпаливаю я. — Ты даже не знаешь меня.

Гера смотрит на меня с удивлением, прежде чем залпом опрокинуть свою водку, даже не поморщившись от ожога.

— Я знаю достаточно. Тоби и еще несколько человек поручились за тебя.

— Несколько других? — спрашиваю я, между моими бровями образуется глубокая морщина.

— Мой хороший друг уверяет меня, что вы трудолюбивый работник с управленческим потенциалом. Он был разочарован тем, что потерял тебя, но кто-то, — она бросает свирепый взгляд на Тоби, — оторвал тебя от него.

— Мэтт? — выдыхаю я.

Она кивает один раз, чтобы подтвердить мои подозрения. — Тебе не обязательно решать прямо сейчас. Я знаю, что это свалилось на тебя как гром среди ясного неба, и я также знаю, что в последнее время тебе было... трудно. Потрать несколько дней, подумай над этим и позвоните мне. — На столе появляется черно-золотая визитная карточка, и она подталкивает ее ко мне одним идеально накрашенным черным пальцем.

— Итак, — говорит она, поднимаясь на ноги. — У меня выдался редкий свободный вечер, и я не собираюсь проводить его на работе. Не забудь запереться, когда будешь уходить, Тобиас. Я бы не хотела впускать сюда сброд. Позвони мне, — говорит она, одаривая меня оscarоносной улыбкой, прежде чем скользнуть через зал и исчезнуть через ту же дверь,

что и официант не так давно.

— Что, черт возьми, только что произошло? — рявкаю я, поворачиваясь к Тоби, как только мы остаемся одни.

Улыбка, которая расплывается на его лице, почти заставляет меня забыть все о последних нескольких минутах в пользу того, чтобы позволить алкоголю течь по моему организму и моему либидо взять верх.

— Подумал, что тебя может заинтересовать то, что она может предложить, — говорит он глубоким голосом, его взгляд опускается на мои губы, а затем опускается к ложбинке между грудями, прежде чем его язык проводит по нижней губе.

— Как ты думаешь, может быть, тебе следовало сначала обсудить это со мной?

— Я рискнул. Что-то подсказывает мне, что ты бы с радостью воспользовалась этой возможностью. — Говоря это, он проводит рукой по центру своего тела, останавливая ее над выпуклостью на брюках.

Господи, дай мне сил.

— И тебя бы это устроило? Что я здесь работаю?

— Моя девушка управляет одним из самых эксклюзивных клубов в городе и приходит домой ночью, чтобы трахнуть меня в моей постели? Черт возьми, да, детка. Меня это устраивает.

— Ты похотливый пес, — бормочу я.

— Я буду тем, кем ты захочешь, чтобы я был, если ты выйдешь вон на ту сцену и максимально воспользуешься этим шестом.

Я слегка выдыхаю при его словах. Это место действительно превращает моего милого Тоби в дьявола. И, судя по состоянию моего нижнего белья прямо сейчас, кажется, что моей внутренней шлюхе это нравится. Сильно.

— Ты хочешь, чтобы я станцевала для тебя?

— Это то, о чем ты фантазировал, не так ли? Поднимаешься на сцену. Становишься самым могущественным человеком в комнате. Ставляя меня на гребаные колени.

— О, малыш, — воркую я, обхватывая его щеку и придвигаясь ближе. — Я почти уверена, что сделала это некоторое время назад.

Он откидывает голову назад, смеясь. — Справедливое замечание. Что ты на это скажешь? Ты собираешься устроить шоу для меня?

— Это место действительно закрыто? В пятницу вечером?

— Ага. — Он наклоняется вперед, пока его горячее дыхание не касается моего уха и не посылает дрожь по спине. — Я слышал, у них частная вечеринка, — шепчет он. — И они полностью управляют этим местом. Привилегии менеджера и все такое.

— Хм, может быть, в этой работе действительно есть некие преимущества.

— О, Демон. Ты понятия не имеешь. Это как игровая площадка для грешников. И мы уже знаем, что я направляюсь напрямиком в ад.

Мои аргументы вертятся у меня на кончике языка, но волнение и желание, темнеющие в его глазах при мысли наблюдать за мной на этой сцене, останавливают меня.

Протягивая руку, я опрокидываю свой стакан, морщась, когда чистая водка попадает мне в горло, прежде чем задрать узкую юбку до бедер и оседлать Тоби, где он прижимает меня к кабинке, к которой нас привела Гера.

Рычание вырывается из его горла, когда я опускаюсь к нему на колени и прижимаю руки к подушке позади него.

— Демон, — он стонет, как будто ему больно, когда я двигаю бедрами, прижимаясь к ней к его твердой длине. — Я думал, что у меня танец на шесте, а не на коленях.

— Ты жалуешься, плохой мальчик?

— Черт возьми, нет. Я приму все, что ты можешь предложить, Демон.

— Кстати, тебе идет красный, — говорю я, поднимая руку и стирая то, что осталось от моей помады после нашего поцелуя на улице.

— Это объясняет, почему Гера так странно посмотрела на меня.

— Я уверена, что она видела здесь кое-что похуже, чем мужчина с помадой его девушки на лице, — бормочу я, опускаясь губами к его шее и нежно посасывая кожу.

— Без сомнения. — Его глубокий голос грохочет во мне, когда его руки проскальзывают под мое платье и хватают меня за задницу. Его хватка настолько крепка, когда он тянет меня вниз сильнее, что я не сомневаюсь, что он оставит синяки.

— Черт возьми, я не могу насытиться тобой, Демон.

— Может быть, это и правда, но ты еще не заполучил меня.

27

ТОБИ

Она уходит прежде, чем я успеваю осознать, что ей удалось вывернуться из моей хватки, и я стону, натягивая ткань брюк в надежде дать моему ноющему члену немного пространства.

Внезапно пространство вокруг нас заполняет низкий сексуальный ритм, и на моих губах появляется улыбка. Прощальный подарок Геры для нас.

Джоди делает паузу и оглядывается через плечо. Взгляд ее темных глаз — это чистый секс, и это заставляет каждый мускул в моем теле умолять меня последовать за ней, перегнуть ее через стойку и трахать ее, пока ее голос не охрипнет от выкрикивания моего имени.

Или я мог бы перекинуть ее через плечо, снова привязать к этому кресту. Добавить еще несколько изображений в мой «банк дочки», где она полностью в моей власти. Или качели... или кровать... перекладина...

Черт. Возможности безграничны. Я твердо намерен опробовать все до единого, а затем еще несколько с моей девушкой в ближайшие недели, месяцы и годы.

Прямо сейчас мне нужно подавить свое желание победить ее и позволить ей, наконец, получить шанс, о котором она всегда мечтала. Подняться на сцену и передать всю ту сексуальность, которую она излучает, уверенность, ее греховные, блядь, изгибы.

Она снова начинает двигаться, покачивая бедрами в такт музыке, заставляя мой взгляд опуститься на ее задницу.

Черт.

Я прикусываю внутреннюю сторону своих щек, когда рассматриваю ее. Я знал, что это платье будет выглядеть чертовски опасно на ней с того момента, как увидел его. Я никогда раньше не тратил такую неприличную сумму денег на один предмет одежды, но, черт возьми, это стоило каждого пенни.

Она выходит на сцену, обхватывает пальцами шест, выгибает спину, опускает голову и раскачивается вокруг него.

Иисус. Черт. Это будет пыткой.

Я снова дергаю себя за брюки, но это бессмысленно. Там, внизу, и близко нет места для того, чему я собираюсь стать свидетелем.

Ее движения плавны, полностью синхронизированы с музыкой. Такое ощущение, что она всю неделю репетировала, настолько это идеально. Или, может быть, я просто ослеплен желанием и болезненной болью в моих яйцах. Кому какое дело, если это так? Когда я смотрю, как она опускается и покачивает бедрами у шеста, единственное, о чем я могу думать, это о ней, о том, какая она невероятная, какая она сильная, как буквально каждая вещь, которую она делает, поражает меня.

Ее кожа покраснелась от пота, щеки покраснели от напряжения, и он стекает по ее шее, исчезая под глубоким вырезом платья. Ее груди натягивают прикрывающую их ткань, отчаянно желая освободиться.

Я наклоняюсь вперед на своем месте, более чем готовый положить конец этой пытке и пойти, и утащить ее со сцены, но мои движения замирают, когда она тянется за спину и начинает расстегивать молнию на своем платье.

О, черт возьми, да.

Сними это для меня, детка.

Упираясь локтями в колени, я наклоняюсь вперед настолько, насколько могу, чтобы не свалиться со стула из-за потребности быть ближе к моей девушке.

В ту секунду, когда ее платье сзади расстегнуто, она позволяет бретелькам спадать по рукам, дразня меня лишь намеками на черно-красное нижнее белье, которое, я знаю, на ней надето под ним.

— Ты дразнишься, Демон.

— Разве не в этом суть? — стреляет она в ответ. — Не похоже, чтобы тебе это очень нравилось, плохой мальчик. Ты выглядишь почти... сдержанным.

На моих губах появляется ухмылка.

— Ты хочешь увидеть, насколько я не сдержан прямо сейчас, детка?

— Ты знаешь, что хочу. — Она разворачивается, прикусывает нижнюю губу и опускает взгляд вниз по моему телу. Они задерживаются на моей промежности и вспыхивают желанием, когда я начинаю поглаживать себя через ткань.

Мне приходится стиснуть зубы в попытке сдержаться, потому что, просто наблюдая за ней, я всего в нескольких шагах от того, чтобы кончить в штаны, как подросток.

— Тогда снимай платье. Дай мне посмотреть, что ты прячешь под этой тканью, Демон, — рычу я, мой голос полон отчаянной потребности.

Подняв руки над головой, она хватается за шест и соблазнительно покачивает бедрами, позволяя платью ниспадать по ее телу, пока оно не окажется у ее ног.

— О, черт, детка, — стону я, поднимаясь на ноги и одним быстрым движением стаскивая с себя джемпер.

Ее глаза пожирают меня, когда я снимаю туфли и расстегиваю пояс, одним быстрым движением стаскивая с бедер брюки и боксеры.

В ту секунду, когда мой член высвобождается, я обхватываю его пальцами и сжимаю основание — все, что угодно, лишь бы отсрочить оргазм, на грани которого я уже балансирую после ее шоу с участием одной женщины.

Поднимаясь на маленькую сцену, я беру ее лицо в свои руки, прижимаю ее тело спиной к шесту и прижимаюсь губами к ее губам.

Стон желания вырывается из ее горла, когда я просовываю свой язык ей в рот.

— Самая горячая вещь, которую я видел в своей жизни, — стону я в наш поцелуй.

Приподнимая ее бедро, я обвиваю его вокруг своей талии, позволяя своему ноющему члену тереться о ее влажную сердцевину.

— Тебе понравилось танцевать для меня, не так ли, Демон?

— Да, — кричит она, когда я опускаю руку, чтобы обхватить ее грудь, сжимая до тех пор, пока она снова не начинает стонать.

— С тебя капает.

Она задыхается, когда я внезапно снова поднимаю руку и сжимаю ей горло, прижимая ее спиной к столбу.

— Не уверен, что я давал тебе разрешение портить эти хорошенькие трусики, детка.

Пока я говорю, я провожу пальцем по центру ее тела, наслаждаясь тем, как она вздрагивает от моего простого прикосновения, прежде чем просунуть руку под промокшее кружево, прикрывающее ее.

— О черт, Тоби, — кричит она. Мои пальцы соприкасаются с ее разгоряченной кожей.

— Черт, детка, — стону я, наклоня голову к ее голове, когда я толкаю два пальца внутрь нее. — Скажи мне, как сильно тебе нужен мой член, — требую я.

— Черт возьми, да. Тоби, пожалуйста.

— Недостаточно хорошо. Мне нужно, чтобы ты была хорошей маленькой игрушкой и точно сказала мне, что тебе нужно.

— Твой член, — выдыхает она, и я трахаю ее пальцами сильнее, задевая это сладкое место внутри нее каждый раз, когда погружаюсь глубже. — Мне нужно почувствовать, как твой член растягивает меня.

— Здесь? Или ты хочешь вернуться туда?

Она на мгновение задумывается, ее тяжелое дыхание касается моего лица, пока я наблюдаю за ней.

— У нас действительно впереди вся ночь?

— Всю ночь, детка, — обещаю я.

— Тогда... п-прямо здесь. Есть время для—

Прижимаясь своими губами к ее губам, я отпускаю ее горло, чтобы поднять ее на шест и обхватить ее ногами вокруг моей талии.

— О черт.

— Сдвинь свои трусики в сторону. Мне нужно, чтобы ты насадилась на меня прямо сейчас, черт возьми.

Она спешит сделать, как я говорю, и обнажает передо мной свою скользкую киску.

У меня текут слюнки от желания упасть на колени и попробовать ее на вкус, но боль моего члена слишком сильна, чтобы отрицать это прямо сейчас, и не прошло и секунды после того, как я выстроился у ее входа, я толкаюсь вперед, полностью погружаясь в нее одним движением.

— Тоби, — кричит она, выгибая спину, когда я широко растягиваю ее, давая ей именно то, о чем она просила.

— Никогда не будет достаточно, Демон. Чертовски зависим от тебя. Так было с тех пор, как я впервые увидел тебя.

— О Боже, — всхлипывает она.

— Ты такая красивая, — стону я, покрывая поцелуями ее шею и проводя зубами по нежной коже. — Такая чертовски сексуальная. Сильная. Умная. Ты ставишь меня на

гребаные колени, детка. И я никогда не захочу вставать.

— Я люблю тебя, — кричит она, когда мои пальцы впиваются в ее задницу, когда я трахаю ее сильнее.

Пот начинает стекать у меня по спине, когда я выпускаю своего внутреннего демона наружу и даю ему все, чего жаждет мое тело. Это только начало того, что, я надеюсь, будет дикой ночью, и у меня такое чувство, что это едва ли снимет напряжение. Но это нормально. У нас есть часы и больше мест для игр, чем в гребаном Диснейленде прямо сейчас.

Ее тело начинает сжиматься вокруг меня, и ее ногти впиваются в мои плечи, без сомнения, проливая кровь, но это только подстегивает меня.

— Мне нужно почувствовать, как ты кончаешь, Демон. Я хочу чувствовать, как ты доишь мой член и забираешь все, что у меня есть.

— Да. ДА. Пожалуйста, — повторяет она.

Ее голова откидывается назад, а глаза закрываются, когда она впитывает ощущение того, что наши тела берут верх.

— Посмотри на меня, Демон. Мне нужно, чтобы ты увидела, насколько сильно я принадлежу тебе, когда мы падаем.

Ее глаза распахиваются при моих словах, и ее тело напрягается, когда она вскрикивает, ее освобождение обрушивается на нее в ту же секунду, как мы соединяемся.

— Черт. Черт, — рывкаю я, не в силах ничего сделать, кроме как упасть вместе с ней.

— Тоби, — хнычет она, в то время как ее тело продолжает биться в конвульсиях.

— Я люблю тебя, детка. Я так сильно люблю тебя.

— Я люблю тебя— Ее слова обрываются моими губами, и я целую ее, пока снова не оказываюсь твердым внутри нее. Подхватив ее на руки, я несу ее к барной стойке и укладываю на нее, неохотно выскальзывая из нее, когда я делаю шаг назад, чтобы изучить ее.

— Черт возьми, ты должна быть в меню каждый вечер, Демон.

Она наблюдает за мной, когда я возвращаюсь к ней, опускаюсь ниже, оставляя ее обнаженной, и провожу языком по всей длине ее влагалища. Вкус нас обоих взрывается у меня во рту.

— Черт возьми, мы хороши на вкус, Демон.

— Черт, Тоби. Это... горячо.

Я засовываю в нее два пальца, погружая их в сперму, которой я наполнил ее всего несколько минут назад.

— Нет, детка. Знать, что ты полна мной... смотреть, как это стекает с твоего тела, — говорю я, вытаскивая палец. — Это чертовски горячо.

— Ты грязный.

— Тебе это нравится.

Любой дальнейший разговор обрывается, когда я снова беру в рот ее клитор. Она выгибается на стойке, и я не сдаюсь, пока она не начинает кричать, ее пальцы так сильно впиваются в мои волосы, что я уверен, она собирается их вырвать.

В ту секунду, когда она кончает, я встаю и стаскиваю ее задницу с края, наполняя ее еще раз, пока она снова не падает.

— Нам нужно пойти помыться, — признаюсь я, когда мы оба вспотели, наше дыхание учащается от напряжения.

— Я думала, у нас была вся ночь, — говорит она, слегка надув губы.

— У нас есть. Так что не нужно спешить. Может быть, мы могли бы выпить, — предлагаю я, подходя к тому месту, где моя одежда валяется кучей на полу.

Достав свой телефон, я отправляю быстрое сообщение, прежде чем схватить платье Джоди и потащить ее в ванную.

Не обращая внимания на табличку «Для мужчин», я веду ее прямо к дамской комнате.

— Что ты делаешь? — спрашивает она, когда я открываю потайной шкафчик под раковинами и достаю пакет.

— Я подумал, что тебе, возможно, понадобится замена. Они, — говорю я, бросая взгляд на ее трусики, — в конце концов, немного влажные.

Я передаю ей сумку, и она заглядывает внутрь.

— Ты действительно все продумал, да? — спрашивает она, вытаскивая подходящую пару к тем, что на ней все еще надеты.

— Я сделал все, что мог.

Мы быстро приводим себя в порядок, прежде чем я снова беру ее за руку и тащу обратно к главному бару.

Мы прошли примерно половину пути, когда шум заставил ее остановиться.

— Что случилось, детка? — спрашиваю я с понимающей ухмылкой.

— Т-там... есть люди. Я думала—

— Ты думала, нам сойдет с рук это место только для себя? Давай, детка. К настоящему времени ты знаешь наших друзей лучше, чем это.

— Они знали, не так ли? — спрашивает она.

— Да. Я поражен, что они держали это в секрете. Пошли.

Когда мы выходим из задней части, четыре пары глаз поворачиваются в нашу сторону.

— Джоди, — выдыхает Стелла. — Ты испортила свой макияж.

— Только самыми лучшими способами, — объясняет она, заставляя Стеллу и Эмми смеяться.

Глаза Тео и Себа на мгновение встречаются с моими, прежде чем вернуться к своим девушкам.

О да, я хорошо знаю эту боль, друзья мои.

— Напитки, — кричит Эмми, кивая на ряд рюмок перед ней.

— Завтра будет больно, — бормочет Джоди.

— Тогда нам лучше пить и веселиться так, как будто завтра никогда не наступит.

Направляясь к ним, мы делаем по выстрелу каждый, и шестеро из нас отбрасывают их с коллективным стоном.

— Тогда давайте начнем вечеринку, — объявляет Стелла, хватая Эмми за руку и таща ее к одной из приподнятых платформ.

— Это, Тобиас, лучшая гребаная идея, которая тебе когда-либо приходила в голову, — говорит Себ, хлопая меня по плечу.

— Просто помни правила, — рычу я на него.

— Да, да, не трахать твою сестру в одной комнате с тобой и не позволять тебе видеть, как она возбуждается. — Я поднимаю бровь, чувствуя, что он не воспринимает мое предупреждение о сегодняшнем вечере всерьез. — Посмотрим. — подмигивает он.

— Успокойся, Тобс. Сегодня вечером мы все хотим повеселиться. Никто никого не осуждает, — добавляет Тео.

— Где Нико и Алекс? — спрашивает Джоди.

— Ну, сегодня вечером было оговорено только для пар, и, видя, что Алекс все еще хандрит из-за Калли, мы подумали, что лучше его не приглашать.

— Он этого не делает, — возражает Тео.

— Конечно, как скажешь, босс. Я предложил Бри пойти с Нико, но она сказала, что лучше оторвет ногти на ногах и съест их.

— Мило, — говорит Джоди, морщась.

— Ее слова, не мои.

— Что ж, — говорит она, поднимая еще одну рюмку. — Их потеря.

В ту же секунду, как она закончила, она устремляется к девушкам, запрыгивает на платформу и начинает танцевать с ними.

Прислонившись спиной к барной стойке с моими мальчиками, мы смотрим, как наши девочки веселятся, наслаждаясь жизнью.

— Они возненавидят нас за это, — говорит Тео, раздавая каждому по стакану.

— Да, хорошо. Может, им стоит вытащить головы из задниц и хоть раз впустить девушку, — бормочу я.

— О, Тоби, ты такой чертовски взбитый, — радостно говорит Себ.

— Чертовски верно. Итак, мы собираемся просто стоять здесь, наблюдая за ними, или мы собираемся—

— Поехали. Последний, чья девушка связана в одной из задних комнат, — проигравший, — бросает вызов Тео.

— О, игра начинается, брат. Игра, блядь, начинается.

28

ДЖОДИ

Я вытягиваю ноги, каждая моя мышца напрягается, говоря мне, что все, что произошло прошлой ночью, было довольно интенсивным.

Поднимая голову, которая лежит на груди Тоби, я пару раз моргаю, чтобы прояснить зрение.

В ту секунду, когда мое окружение возвращается ко мне, я задыхаюсь от шока, когда в моем воспаленном мозгу начинают прокручиваться воспоминания о прошлой ночи.

Водка. Танцы. Безудержное удовольствие, которое предлагал мне Тоби, когда мы экспериментировали практически со всем, что может предложить эта комната, прежде чем, я уверена, солнце начало подниматься за пределами нашего маленького приюта для секса.

Я вздрагиваю, когда нахожу другие тела, разбросанные повсюду, прежде чем мои глаза встречаются со Стеллой в другом конце комнаты.

Она улыбается мне, и я не могу удержаться от смеха над ее состоянием. Ее волосы торчат во все стороны, макияж стерт, и даже с такого расстояния я вижу красные засосы, покрывающие кожу ее шеи и груди.

— Доброе утро, — хрипит она.

— Похоже, у тебя была веселая ночь, — говорю я тихо, чтобы не разбудить всех остальных, кто все еще спит вокруг нас.

— Лучшая ночь в моей гребаной жизни, — сияет она. — Я не думаю, что смогу ходить неделю.

— Женщина, — ворчит глубокий голос, прежде чем ее снова тянут вниз. — Прекрати

этот гребанный шум.

Посмеиваясь про себя, я ложусь обратно, но не раньше, чем замечаю другую пару, свернувшуюся калачиком на другой кровати в комнате. Эмми и Тео заключены в объятия, и я улыбаюсь, когда вижу, как плохой мальчик, наследник Семьи, обнимает свою девочку, как будто она единственное, что имеет значение во всем мире.

— Должен ли я волноваться, что ты проверяешь моих мальчиков вместо того, чтобы быть здесь, внизу, со мной? — шепчет Тоби, заставляя меня подпрыгнуть.

— Черт возьми, нет. Я просто смеялась над тем, какими плохими мальчиками они выглядят, когда обнимаются.

— О, мы все достаточно плохие, Демон. Лишь очень немногим избранным удастся увидеть эту сторону.

— Что ж, мне выпала честь, — говорю я, снова устраиваясь рядом с ним, закидывая ногу на его бедро и обнимая его за талию.

— Привет, — говорит он с сонной улыбкой.

— Привет. Прошлая ночь была—

— Потрясающей, — заканчивает он за меня.

— Да. — соглашаюсь я

— Итак, что ты думаешь об этой работе? Ты хочешь помочь управлять этим местом.

Я качаю головой. — Это безумие, ты знаешь это, верно?

— Какая часть моей жизни не сумасшедшая, детка? Пришло время тебе отправиться в путь. — Говоря это, он двигает бедрами вперед, позволяя своему твердому члену задеть мою более чем нежную сердцевину.

— Как? — выпаливаю я. — Как эта штука все еще работает?

— Ты голая. У него однонаправленный ум.

— И не говори.

— Так что насчет поездки? — спрашивает он, шевеля бровями.

— У меня слишком все болит и похмелье ко всему этому, — смеюсь я.

Он перекачивает меня на спину и устраивается рядом, наши ноги переплетены, когда он смотрит на меня сверху вниз. От любви, льющейся из его глаз, у меня перехватывает дыхание.

— Тогда я приму несколько поцелуев и объятий, — ухмыляется он.

— О, ты примешь? — поддразниваю я.

— Я это сделаю.

Игнорируя то, что, как я знаю, является ужасным случаем утреннего запаха изо рта, он прижимается своими губами к моим и просовывает язык мне в рот.

Поцелуй такой сладкий, что у меня мурашки пробегают до самых кончиков пальцев на ногах.

И он не останавливается, пока я не начинаю извиваться от потребности в том, чтобы он углубил это, мое тело доказывает, что мой разум ошибается насчет того, что я не могу больше терпеть после восхитительного злоупотребления, которое было прошлой ночью.

Когда он, наконец, отстраняется, моя грудь вздымается, и я обхватываю рукой его затылок, чтобы притянуть его обратно к себе, еще не готовая потерять эту невероятную связь с ним.

Но он держится стойко, довольствуясь тем, что просто смотрит на меня сверху вниз своими припухшими губами и щенячьими глазами.

— Скажи мне, что ты переезжаешь ко мне, Демон, — он почти умоляет. — Мой дом — не дом без тебя в нем.

Мое сердце воспаряет от его слов.

— Тоби, — вздыхаю я, и он, кажется, воспринимает это как мое колебание сказать «да», что абсолютно не так.

— Твоя мама будет прямо внизу. Ты можешь сбежать от меня, когда тебе понадобится. И Бри находится всего в нескольких минутах езды на твоей машине. Ты нужна мне, детка.

Я улыбаюсь ему, опуская руку, пока она не оказывается прижатой к его сердцу.

— Нет другого места в мире, где я предпочла бы быть.

Весь воздух вырывается из его губ в порыве, как будто он физически задерживал дыхание в ожидании моего ответа.

— Да?

— Я люблю тебя, Тоби.

— Я тоже люблю тебя, детка. Ты спасла меня. Исправила меня. Ты напомнила мне о том, кем я являюсь на самом деле, и ты сделала его лучше. Ты — все. Все, — повторяет он, когда мои глаза наполняются слезами.

— Ты можешь кое-что для меня сделать?

— Что угодно. Просто назови это.

— В будущем, когда ты спросишь меня о чем-то не менее важном, например, о переезде к тебе, — он нетерпеливо кивает, и я знаю, что он думает точно так же, как и я, судя по тому, как возбужденно блестят его глаза, — может быть, на самом деле спросишь меня, вместо того, чтобы ставить перед фактом.

— Эх. Если это работает, зачем это менять?

Мой ответ на это прерывается еще одним из его поцелуев, от которых слабеют колени, и я закрываю глаза и позволяю себе утонуть в этом невероятном парне, который ворвался в мою жизнь и изменил ее в большем количестве способов, чем я когда-либо могла себе представить.

Все может еще быть запутано. Но вместе мы можем пройти через все. Я знаю, что мы можем.

КАЛЛИ

Пятью днями ранее...

Мои ноги двигаются так, как будто за мной гонится сам дьявол.

Ну, честно говоря, я в значительной степени в это верю. Просто сейчас он не в том положении, чтобы куда-то бежать. Я надеюсь.

Мое сердце так сильно колотится в груди, что, клянусь, я слышу это у себя в ушах.

Я не оглядываюсь назад.

Я не могу.

Если он там... если он не был таким спящим, как я думала, тогда я облажалась. По-королевски облажалась.

Я имею в виду, я в любом случае это сделала.

Когда он проснется и обнаружит, что я натворила, он будет охотиться на меня, как

разъяренный бык, я не сомневаюсь.

Я просто надеюсь, что у меня будет достаточно времени, чтобы выяснить, как с ним справиться.

Черт. Как вы справляетесь с дьяволом?

Мои руки дрожат, а ноги едва держат меня, когда я лечу к лифту и своему спасению.

Я понятия не имею, что я собираюсь делать, когда выберусь из этого здания. Думаю, я разберусь с этим, как только прохладный весенний воздух коснется моих голых ног.

Все, что я знаю, это то, что я не могу остановиться.

Я нажимаю кнопку вызова лифта, подпрыгивая на пятках от нетерпения, не замечая, что он уже поднимался, прежде чем я нажала на кнопку вызова.

Я должна была заметить.

Я должна была спуститься по лестнице и убежать от того, кто неизбежно собирается выйти из него.

Я могу добавить эту ошибку ко всем другим, которые я совершила в эти выходные.

— Черт возьми, — шиплю я в ту же секунду, как он звенит, объявляя о своем прибытии.

Я собираюсь рвануть вправо, зная, что тот, кто там, не может видеть меня в таком состоянии. Если кто-нибудь из них узнает... если это Нико...

Черт.

Но я опоздала.

— Калли?

Я оборачиваюсь в ту же секунду, как женский голос достигает моих ушей, и я испускаю громадный вздох облегчения, когда вижу Брианну, лучшую подругу Джоди, стоящую передо мной с коробкой торта в одной руке и бутылкой розового просекко в другой.

— О... э-э... привет. Я должна—

Я киваю в сторону теперь пустого лифта и бегу к нему.

— Ты в порядке? — спрашивает она, несмотря на то, что ясно видит, что я не в порядке.

— Да, здорово. Ты никогда не видела меня, хорошо? — Я умоляю. Я понятия не имею, насколько она заслуживает доверия, но мне очень, очень нужно, чтобы она не разболтала Джоди и Тоби, как только войдет в его квартиру.

— Э-э-э. Нет, мы не играем в эту игру.

Прежде чем я понимаю, что происходит, она возвращается со мной в лифт и нажимает кнопку первого этажа.

— Я вызываю Uber. Куда мы направляемся?

— Домой, — шепчу я, моя нижняя губа дрожит, когда я понимаю, что она собирается помочь мне сбежать.

— Э-э... вот, напиши. — Она передает мне свой телефон, и дрожащей рукой мне удастся ввести свой адрес, чтобы она могла заказать машину.

— Алекс действительно был настолько плох в постели, да? Он всё-таки тебя достал, милая?

— Что? Нет. Да. Черт, — рывкаю я, роняя голову на руки и раздражаясь рыданиями.

— Вот, — говорит она, и когда я поднимаю взгляд, у нее в руке пара трусиков. — Они новенькие, не волнуйся. Они — моя пара на случай непредвиденных обстоятельств.

Я смотрю на нее в замешательстве, но решаю не спрашивать прямо сейчас.

— И это. — Она протягивает мне салфетку для лица, как только я натягиваю трусики. — Держи себя в руках и владей этим. Ты развалишься на части, когда вернешься

домой, подальше от пустого места, которое совершило ошибку, заставив тебя чувствовать себя дерьмово.

Наконец, она вручает мне пару балеток, которые скатаны в маленький шарик.

— Кто ты, Мэри Поппинс? — спрашиваю я сквозь свои сдавленные рыдания.

— Не, я просто девушка с опытом в этом дерьме на несколько лет больше, чем у тебя. Лучший совет, который я могу тебе дать? Держись подальше от любого парня, который заставляет тебя чувствовать себя такой разбитой, как сейчас.

— Это не так просто, — шепчу я.

— Я знаю. Этого никогда не бывает просто.

Лифт звенит, и, к счастью, никто не приветствует нас с другой стороны, а Uber уже ждет нас у входа.

Бри придерживает для меня дверь открытой и шокирует меня, запрыгивая вместе со мной.

— О, тебе не нужно—

— Поехали, чувак. У нас нет целого дня, — огрызается Бри на водителя, прежде чем откупорить свое «просекко» и передать его ему.

Я подозрительно смотрю на нее, прежде чем она, черт возьми, почти сует ее мне в руки.

— Теперь скажи мне, насколько маленький член Алекса на самом деле, и я буду смеяться вместе с тобой.

Я с болью выдыхаю.

— Это был не Алекс.

Я смотрю, как она думает о том, кто еще живет на этом этаже, и ее глаза расширяются от шока.

— Нет, — выдыхает она.

Грустная улыбка растягивает уголок моих губ, прежде чем я поднимаю бутылку и делаю больше глотков шампанского, чем следовало бы.

Но это наименьшая из моих проблем.

Танцуй с дьяволом, и ты всегда будешь обжигаться.

Я думаю, единственный вопрос в том, насколько сильно это будет больно?

Готовы к встрече с Бэтменом? Темный рыцарь следующий.

Вы читали приквел Калли и Бэтмена, Темный рыцарь Хэллоуина?